

ISS № 0130-3600

საქართველო
საბჭოთავო

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГРУЗИЯ

5

1985

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

40 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОВЕДЫ

ПАМЯТЬ.	3
РЕВАЗ МАРГИАНИ Стихи. Перевел В. Соколов	8
ИОСИФ НОНЕШВИЛИ. Стихи. Перевел П. Антокольский	9
ЛАДО СУЛАБЕРИДЗЕ. Стихи. Перевел В. Соколов	10
ТЕЙМУРАЗ ДЖАНГУЛАШВИЛИ. Стихи. Перевел М. Львов	10
ВАХТАНГ ГОРГАНЕЛИ. Стихи. Перевел Г. Онаян	11
ВАСИЛ ГВЕТАДЗЕ. Стихи. Перевел В. Демьянов	12
СТЕПАН МХАРГРДЗЕЛИ. Стихи. Перевел В. Кудрявцев	13
ТЕНГИЗ БУАЧИДЗЕ. Дорога в Детство. Роман. Продолжение. Перевод с грузинского автора	15
СТАНИСЛАВ БАБАЕВ. Рассказы	89
ВЛАДИМИР МИРОШНИЧЕНКО. «Вас ждут в Параули, Реваз». Рассказ.	95
МЕДЕЯ ШАВЛИАШВИЛИ. Линия Петре Майсурадзе. Очерк	104

5

1985

АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ. «В нашей стране таких, как я, много...»	113
ТИХОН НЕБОЖЕНКО. В бой вступили «Катюши».	118
РЭМ ДАВИДОВ. Годы войны, годы труда	128
СПАРТАК РЕХВИАШВИЛИ. Страницы боевой дружбы	135
АЛЕКСЕЙ МОРНЕВ. Госпиталь формировался в Тбилиси. Записки военного врача.	148
ТАТЬЯНА ШАРОЕВА. Мы спасали мир! Память о войне в советской многонациональной документальной прозе	162
САРГИС ЦАИШВИЛИ. На перекрестках новой грузинской поэзии. Тициан Табидзе. Перевел Э. Елигулашвили	173

РЕЦЕНЗИИ

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВ. В огне боев черпали Слово...	193
В. ПРОСТОСЕРДОВ. О чем молчала песня	194

ИСКУССТВО

ЛИДИЯ ЗЛАТКЕВИЧ. Ладо Гудиашвили против фашизма	198
ИВАН ДАВЫДОВ. Один год в жизни Ю. А. Шапорина	205

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

МИХАИЛ БУЯНОВ. Жена генерала Багратиона	210
--	-----

НЕКРОЛОГ

ЭММАНУИЛ ФЕЙГИН	222
------------------------	-----

ХРОНИКА	88, 224
----------------	---------

ПАМЯТЬ

ИДУТ года. Проходят десятилетия. И вот уже сорок лет отделяют нас от того дня, когда впервые прогремели залпы Победы. А память наша о том военном лихолетье никак не меркнет, становясь все острее. Она, как генетическая информация, передается последующим поколениям, которые не испытали кошмара поры «кровавых дождей». Мальчишки сороковых годов, ушедшие в том роковом сорок первом на фронты Великой Отечественной, или не вернулись с войны, навеки оставшись молодыми, или давно уже стали дедушками. Но по сей день пепел Клааса стучится в наши сердца. И потому сегодня, как и вчера, никто не забыт и ничто не забыто. Вечный огонь памяти нашей полыхает неугасимо... И отсвет его ложится на страницы книг, рождая строки о доблести, о подвигах, о славе известных и безвестных героев войны против фашистских захватчиков, принесшей Стране Советов неисчислимые потери и разрушения, унесшей двадцать миллионов жизней...

И потому наше сознание не покидает память не только о Великой Отечественной, но и о всей второй мировой войне, жертвами которой стали пятьдесят миллионов, павших на полях сражений и в движении Сопrotивления, замученных в концлагерях, погибших в газовых камерах и под бомбежками, ставших жертвами голода и лишений вдали от фронта.

В недавней беседе с журналистом поэт Шота Нишанидзе, лауреат Государственной премии СССР и премии имени Шота Руставели, признавался, что о войне этой говорить трудно даже ему, хотя он и не принимал и не мог принимать в ней непосредственного участия. «Однако что значит «непосредственного»? — задается он вопросом и сам же на него отвечает: — Война достаточно сурово обошлась с нашим поколением. Тбилиси был, по существу, прифронтовым го-

родом — со всеми вытекающими последствиями... Того, что узнали о войне мои сверстники, хватило, чтобы возненавидеть ее на всю жизнь — и одновременно сохранить в душе благодарную, полную уважения и любви память о соотечественниках-воинах, особенно павших...»

И потому, по крылатому выражению поэта, «не стихает стихов набат». Волны его накатывают и все сильнее бьют в берега нашей сегодняшней действительности. А поскольку многие грузинские писатели, находящиеся ныне в расцвете своего творчества, прошли через войну, у каждого из них есть что сказать перед лицом такой знаменательной даты, как отмечаемое 9 мая этого года сорокалетие Победы, увенчавшей бессмертный подвиг советского народа.

В преддверии этих торжеств выйдут в свет на грузинском языке поэтические сборники «Муза в солдатской шинели», объединившие наряду с другими и произведения участников войны, а также книга воспоминаний поэта-фронтовика Ладос Сулаберидзе «Дороги, ведущие к морю». По счастливому совпадению он был свидетелем того, как его земляк Кантария и русский солдат Егоров водружали советский флаг над рейхстагом, и запечатлел этот глубоко символический акт исторической справедливости в своем стихотворении «Письмо Мелитону Кантария», где есть строки о том, что тех годов чересполосица живет в его личной судьбе и в памяти страны.

Но чего стоил советскому воину его ратный подвиг во имя Победы, дает почувствовать хотя бы такая завершающая строфа одного из последних стихотворений Мирзы Геловани, который в числе более шестисот тысяч посланцев Грузии вместе с представителями всех народов Советского Союза защищал эту нашу общую родину от врага и, как каждый третий из тех шестисот тысяч, не вернулся домой...

...Но стою,

как все. Кругом война. Пурга. И обе кончиться должны.

Но я — не кану ли в снега такой пурги, такой войны?..

Писались эти пронзительные строки на фронте, лютой зимой 1944-го. А в июле того же года их 27-летний

автор отдал свою молодую жизнь, свое горячее и чистое сердце на далеких от родной земли полях Белоруссии ради Победы, в которую верил безоговорочно. В одном только не был прав Мирза — не канул он в снега забвенья. По сей день незаживающей раной болят наша память о нем, как и о всех тех, кто остался лежать в земле, обгащенной их кровью. О нем пишут стихи, созданы поэма, роман... Его имя — в ряду тех павших на полях сражений товарищей по перу и оружию, перед светлой памятью которых склоняем мы головы. Вот их имена: Мирза Геловани, Севериан Исидани, Георгий Напетваридзе, Давид Пататишвили, Сандро Жгенти, Александр Сулава, Шалва Иоселиани, Шалва Сослани, Владимир Убилава, Важика Пховели, Якоб Чхаидзе...

«Да, страшной ценой оплачен этот мир, — резюмирует недавно принятая Декларация Президиума Всемирного Совета Мира, — в условиях которого мы живем уже 40 лет».

И потому не дремлет наша память, все снова и снова возвращая нас к тем поистине огненным 1418 дням и ночам, к тяжким ратным будням и подвигам, которые воскрешают поэты то словами погибшего воина-грузина, как в знаменитом стихотворении Ираклия Абашидзе «Капитан Бухаидзе», ставшего народной песней, то, как у Реваза Маргиани, ожившими ощущениями военных лет, когда его «как прежде, сквозь сукно шинели пронизывает холод тех ветров», то, как у Мурмана Лебанидзе стоящими перед его мысленным взором картинами горячих боев в стихотворении «Тысяча километров в снегу...»

Война поистине вошла в плоть и кровь фронтовиков. И теперь еще —

Иногда средь нежной пажити,
Среди речек и долин
Возникает в твоей памяти
Павший пред тобой Берлин.

Но это уже потом, годы спустя, скажет так о войне, «прошедшем войне», поэт Вахтанг Горганели, это, преодолев временную дистанцию, автор «Гимна партии» напомнит нам о еще одной ипостаси нашей верности ушедшим в военную годину, в память которых в

селах Грузии сажали деревья и сады, как нерукотворные памятники, призванные не только постоянно будить нашу мысль о павших, но и утверждать жизнь на земле, за которую те отдали все до последней капли крови. И потому — «под шелест лиственниц ветвистых» ты вспомнишь, говоря словами этого стихотворения, «о не вернувшихся домой, погибших в битве коммунистах».

От века все истинные поэты не только летописцы судьбы народной, но и провидцы. И еще в черном 42-м великий Галактион в стихотворении «Днепр» предрек, что «близко весеннее солнце победы». Однако знал он и властный зов памяти, колоколом бередящий душу былыми тяжкими испытаниями, выпавшими на долю нашей Отчизны в годы смертельной схватки с фашизмом, когда всеобщим девизом мог стать руставелевский афоризм: «Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор». Вот это классически ясное и мудрое галактионовское двустишие «Утро сорок шестого»:

Опять поставил: сорок пятый,
Хотя с утра — сорок шестой.
И памяти и пальцам — с датой
Непросто расставаться с той.

Она и на небе — в созвездьях,
И на бумаге — под пером,
Как вслед за молнией — возмездья
Докатывающийся гром.

И снова слово Шота Нишнианидзе:

«Всего сорок лет отделяют нас от победы над гитлеризмом, однако величие и ужас Отечественной войны для миллионов юношей и девушек уже не выстраданное на себе, не пережитое в личных судьбах, а нечто отвлеченное — пусть глубоко чтимое, но все-таки не испытанное...

Мы должны делать все от нас зависящее, чтобы молодое поколение лучше понимало, что такое война, — и ненавидело ее, чтобы оно во всей полноте осознавало красоту подвига дедов и отцов — и стремилось быть достойным их».

Этой задаче и служат не только стихи о войне наших поэтов, но, может быть, в еще большей степени мощный пласт нашей военной прозы, в том числе гру-

зинской, которую поддерживают своими плечами такие прошедшие военными дорогами писатели, как Ревдз Джапаридзе, Давид Квициридзе, Акакий Гецадзе, Александр Каландадзе, Георгий Цицишвили, Вану Урджумелашвили и другие... В своих произведениях они не ограничиваются выполнением священного долга перед памятью павших. Отображая виденное, испытанное и пережитое на фронтах этой беспримерной в истории войны, стремятся еще к осмыслению тех исторических событий и свершений, пафосом своих рассказов, повестей, романов утверждают мир, говорят «нет войне!».

Сегодня, когда над человечеством нависла угроза ядерной катастрофы, с новой силой звучит пророческий призыв непримиримого антифашиста и верного друга Советского Союза, автора «Репортажа с петлей на шее» Юлиуса Фучика: «Люди, будьте бдительны!». Не случайно он повторен в Декларации Президиума Всемирного Совета Мира, но с одним существенным добавлением — «Против войны нужно бороться, пока она не началась!».

И чтобы год сорокалетия Победы над фашистской Германией консолидировал миролюбивые силы Земли, преграждающие чреватую катастрофическими последствиями гонку вооружений, надо, чтобы память наша стала действенной силой, направленной на интенсификацию взаимных усилий в этом направлении широким фронтом. А «мы, — как сказано в беседе М. С. Горбачева с редактором газеты «Правда», опубликованной 8 апреля этого года, — за честный диалог. Готовы вновь продемонстрировать нашу добрую волю».

...На языке поэта все это звучит так:

Мы не просто стареем, взирая на мир
,
из окна.
 Мы, наверно, затем и живем, чтобы стала
последней
 Та минувшая, не забытая нами война.

(Ш. Нишнианидзе).

Вот так по сей день, через все минувшее сорокалетие, «не стихает стихов набат», и память наша бессменно — снова на часах...

Реваз МАРГИАНИ

ПАМЯТИ ДРУГА

Я верю, что и смерть не принесет забвения,
Что, только имя друга назови,
Я вспоминаю: ты лежал в окопе без движенья,
Шинель твоя была в твоей крови.

Но что твои глаза тогда сказать хотели?
Улыбке с губ ты не давал сойти.
Какую мысль они отдать нам не сумели,
Оборванную вдруг на полпути?..

Так это было. Май сорок второго года.
Лета прошли. Но что мне лет шаги!
Я вижу вновь тебя в тягчайший миг ухода
С рукой протянутою: помоги.

Я вижу вновь тебя и не ищу забвения.
Есть память вечная. С ней век живи.
Все помню: ты лежал в окопе без движенья,
Шинель твоя была в твоей крови.

Перевел Владимир СОКОЛОВ

Из книги «Муза в солдатской шинели», выходящей в издательстве «Мерани» к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

ПАМЯТИ БОЙЦА-ГРУЗИНА

Его зарыли на Дону,
У славных берегов.
С собой он саблю взял одну,
Косившую врагов.

Неси же злую весть на юг,
Спокойный, тихий Дон,
Теки в туман, не бойся выюг.
Сдержи сердечный стон!

А родине моей скажи:
«Один из сыновей
Пал, защищая рубежи
Родной земли своей».

Пускай чонгури прогремит,
Как горная река,
И сердце девушек щемит
Неясная тоска.

Ты, витязь, выросший в горах,
Встань! Ты не одинок.
Проснись! Пускай узнает враг,
Как меток твой клинок!

Ты, мальчик, выросший в горах,
Родную вспомни высь!
Сдвинь земляной тяжелый прах!
Проснись, проснись, проснись!

Смотри! Мы навели понтон
У взорванных мостов,
Освободили тихий Дон
И ворвались в Ростов.

И на грядущем рубеже
Мы встанем в свой черед.
Из края в край летит уже
Победный клич: — Вперед!

Перевел Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

ДОЖДЬ

Целый месяц жара стояла,
Зной настолько был непрерывен,
Что мерещилось: закипало
Даже море! А нынче — ливень!..
Но не рады ему ни суша,
Ни трава, что желта до срока,
Ни айва, что так одинока,
Так черна от ствола до сучьев,
Опаленная возле дзотов...
Здесь один только к струям вскинут
Строй винтовок и пулеметов,
Пусть их дула чуть-чуть остынут.

Перевел Владимир СОКОЛОВ

Теймураз ДЖАНГУЛАШВИЛИ

НА ВИСЛЕ

Кровавые пятна блестят на волне,
Как будто в щите отраженные звезды...
От Картли до Польши в дыму и в огне
Прошел я с войною, катящейся грозно.

За нашей спиной — и Терек, и Дон,
И вдовья печаль, и пустые селенья,
Но вылилась боль за отеческий дом
В пьянящую радость и гнев наступленья.

Рубаха твоя прикипела к груди,
Водюю из каски омойся быстрее.
Еще не последний рубеж, погоди,
Товарищ, мы скоро шагнем через Шпрее!

В дали задымленной орудия бьют,
Все мчится вперед — и минуты, и мысли.
И кони донские у берега пьют
С раскатистым фырканием воду из Вислы.

Перевел М. ЛЬВОВ

Вахтанг ГОРГАНЕЛИ

ПОСЛЕ БОЯ

Был жарким бой, но залпы отгремели,
Винтовочная сталь уже остыла,
Блиндажные накаты в лунном меле,
Бойцы читают весточки из тыла...

Полночный ветер веял утомленно,
Звенела тишина струной спасенной,
Я снова ждал из штаба почтальона,
Но не было письма душе бессонной.

Просил я ветер рассказать о доме,
И лунный серп молил, но нет ответа,
Лишь ощущают грубые ладони
Нежнейшее прикосновенье света,

Лишь сердце трепетало, замирая,
Как танка догорающего пламя,
И от росы была шинель сырая,
И мы судьбе в глаза смотрели прямо.

Блиндажные накаты в лунном меле,
И поле боя под луной остыло,
И — тишина. Ее, по крайней мере,
На час-другой судьба нам отпустила...

Перевел Глан ОНАНЯН

ПОЙМИ!

Шагали упрямо.
Лишь ветер в открытые лица!
Туда, где лежала
Меж жизнью и смертью граница,
Где редкий лесок
Зацепился за мины корнями,
Где мост-волосок
Предстояло пройти им с боями,
Без дум о покое,
Не ведая ужаса смерти...
Читаешь такое
И хочется крикнуть: — Не верьте!
На бойких страницах
Бравада презренья пустого...
Пусть память клубится
И дымом подернется слово!
Поэт разудалый,
Ты сам-то поверишь едва ли,
Что с радостью шалой
Мы жизни свои отдавали.
«В атаку!» — кричали,
Смыкая тяжелые брови,
Но смерть различали
Все ужасом мрака и крови,
Когда спозаранок
Тянула к нам руки худые,
Из низких землянок
Вставали мальчишки седые
И падали с криком!
Родных окликаая из мрака,
Царапали землю.
А в венах хрипела атака!
Родимые рощи
Шумели из черного бреда.
Жесточе и проще
В лицо нам дышала Победа!

Не стыли знамена.
Стихов не писали на плитах.
И не поименно
Земля принимала убитых.
Мы жили итогом
И жизнь отдавали на деле
За свет над порогом,
За будущий скрип колыбели.
О счастье мечтали,
Глаза закрывали устало...
Ступай, несмышлениш,
Щекою коснись пьедестала.
Дыханьем и телом
Согрей наши руки литые.
Спокойно и смело
Прочти наши мысли простые.
Они не для песни,
Пропахшие мглой и дымами...
Пойми нас, ровесник,
Стоящий сейчас перед нами.

Перевел Владимир ДЕМЬЯНОВ

Степан МХАРГРДЗЕЛИ

НЕОБЫЧНЫЙ УРОК

Отзвенел, успокоясь, звонок,
Вот уже голоса не слышны,
Начинается этот урок
С тишины, с тишины, с тишины.

Через годы мы встретились здесь,
Хоть далеке война увела,
Слышишь, друг мой, биенье сердец —
Это памяти колокола.

Вновь представлю себя молодым,
Мне такая возможность дана.
Оглянусь, а над партами — дым,
Седина, седина, седина.

Детство наше вошло в этот зал
И взглянуло в упор на меня,
И раскрыт пожелтевший журнал —
Выкликают друзей имена.

И звучит за ответом ответ,
Словно выстрелы в юность мою:
— Среди нас его нет, его нет!
Смертью храбрых погиб он в бою!

Я представлю себя молодым,
Мне такая возможность дана,
Оглянусь, а над партами — дым,
Ордена, ордена, ордена.

Сильно нас разредила война,
Все прошло, и беда — не беда:
Помнит классный журнал имена,
Не забудем и мы никогда.

Класс, звонок и друзей имена —
Все напомнило юность мою...
И никак не отступит война —
Я с друзьями в бою и в строю!

Перевел В. КУДРЯВЦЕВ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ПРОСЫПАЯСЬ ночами, когда вокруг царит полная тишина и не шумит даже улица, я вглядываюсь в темноту и слышу, как издалека, из далекого далека доносится слабая музыка и одновременно возникает какой-то шепот, неясный, неотчетливый, таинственный... И вижу я, как по знакомой мне тропинке навстречу друг другу идут два человека. Возвращаясь назад, я неожиданно сталкиваюсь с незнакомыми местами, событиями, возникают неведомые раньше переживания, чувства, впечатления; а мальчик, который идет мне навстречу, — разве это тот самый мальчик, встречи с которым я жду с таким волнением?! Разве он знал, что ему предстояло преодолеть, испытать, пережить, чем он должен был заплатить за то минутное счастье, которое и счастьем-то можно назвать лишь по прошествии времени?

Неужели они и вправду стали столь разными, что им никогда не встретиться друг с другом?

Тенгиз БУАЧИДЗЕ

ДОРОГА В ДЕТСТВО

●
Р о м а н

Продолжение. Начало в № 4.

Неужели напрасно звучат колокола памяти и знакомые звуки мелодии?

— Не может быть, не может быть! — произношу я вслух и вновь вглядываюсь в темноту, чтобы высветить в памяти ту единственную тропу, по которой я пришел и по которой я возвращаюсь вспять, но она становится все более зыбкой, неотчетливой, неузнаваемой.

Но, может быть, это вовсе не тропа, а лишь лунная дорожка, обманчиво пролегшая от берега до горизонта?

Напряженно вглядываясь и вслушиваясь в темноту, я вдруг отчетливо слышу: всякий должен пройти свой путь, и во многом от него самого зависит, как он пройдет его.

Если бы мы это знали с начала же, во сколько раз больше было бы тех редких минут счастья, которые мы называем счастливыми, будучи уже умудренными жизнью.

Всматриваюсь в темноту, и отчетливо звучит в ушах голос издалека, из прошлого: никогда, им никогда не встретиться...

1942 год. 1 апреля. Прочла в газете статью «Больше заботы о детских учреждениях». В это жестокое время детям труднее всех. Детские дома полны сирот. Откуда их только ни везут! Тетя Елена рассказывала нам о злоключениях некоторых. Особенно запомнился мне Броня Марченко из Львова, он трижды убегал на фронт, и его трижды возвращали в детдом. Когда-нибудь я напишу о нем более подробно. Какая она чудесная, тетя Елена, мудрая, сердечная.

Узнала о смерти Артема Ахназарова (по прозвищу «Чиора» — «Воробышек»), это — старый литератор, который в свое время сотрудничал в газете Ильи Чавчавадзе «Иверия». Все, что касается Ильи, для меня священо. Обязательно пойду на похороны.

Совсем недавно, месяца три-четыре назад, по городу ходили слухи о том, что арестовали одного из убийц Ильи (ведь сколько лет прошло!), судили и расстреляли (не хочу даже упоминать его имя и фамилию). Слухи были глухими, и мне никак не удалось дознаться правды. Я нашла две книги: «Смерть и похороны Ильи Чавчавадзе», изданную сообществом бакинских грузин

в 1907 году (в год того страшного злодеяния. Я привезла ее из деревни, нашла в книгах моих родителей), вторая — «Убийство Ильи Чавчавадзе (следственные материалы)» Пааты Гугушвили (ее принес Дато). Я внимательно прочла обе. Не хочу писать о той горечи, которую они во мне вызвали, о слезах, которые я пролила над ними. Но мне очень хочется написать в своем дневнике об этом трагическом событии.

Воистину безгранична человеческая способность забвения...

2 апреля. Казнены Авдюхин и Осипов, предавшие героя-партизана Шуру Чекалина. Последними словами Шуры, когда палач накинул петлю ему на шею, были: «Нас много, всех не перевешаете! За нас отомстят!..» Вот и отмщение!

4 апреля. Уже весна. Все вокруг зазеленело и похорошело. А я хожу грустная. Маме опять плохо. Тетя Нино сказала, что ей требуется «особое питание», то есть мед, масло, яйца, виноградный сок (боже мой, ведь мы даже забыли, что все это существует!). Тетушка сказала еще (конечно, не мне, я выведала у Дато), что есть опасность... Какая опасность? О боже, вдруг с моей мамой что-нибудь случится...

Сегодня Дато мне признался: оказывается, он ходил на прием к заместителю наркома торговли (не буду называть его фамилии!), который в свое время в партию был принят по рекомендации Евгения Мизандари и когда-то был близок с нашими семьями. Но он даже не принял Дато.

Когда я спросила его, зачем он ходил и что он собирался сказать такому высокому начальству, он мне ответил, что собирался, во-первых, напомнить о себе, во-вторых, попросить для моей мамы немного продуктов. Тогда я закричала, что моя мама ни за что не приняла бы этого дара, а он спокойно так сказал: государство не разорится от потери полкило масла, банки меда и бутылки сока, а твоей больной матери это необходимо. Он так многозначительно сказал «больной» и «необходимо», что я разревелась, а он обозвал меня душой и ушел.

В последнее время у меня глаза на мокром месте.

Тенгиз Буачидзе. Дорога в Детство.

На уроке химии я расплакалась и наша химичка отругала меня, думая, что я хитрю, так как не знаю урка...

Объявлена новая регистрация и прописка жителей Тбилиси. Наверно, это необходимо — город полон спекулянтов и разного подозрительного люда. Мы должны явиться в милицию, а соседка (наша «добрая соседка») говорит, что там большие очереди. Это еще одна новая забота.

В клубе писателей намечается обсуждение пьесы Родиона Кюркия (он автор прекрасного, ставшего хрестоматийным, рассказа «В соляной колыбели»), но меня не впускают — вход по пригласительным. Пролезу как-нибудь.

Я должна научиться распознавать истинные ценности.

5 апреля. Вышла первая книга «Давида Строителя» Гамсахурдиа, какое счастье, что существуют подобные книги. С нетерпением жду очередного номера «Мнатоби» с продолжением романа, он очень запаздывает.

С сегодняшнего дня начинаю краткую запись в дневнике событий, связанных с убийством Ильи Чавчавадзе. Но почему я задумала это сделать, почему меня так взволновала эта давняя трагедия?

Первым толчком, видимо, были слухи о поимке убийцы, тревожно облетевшие недавно город. Но, думаю, это было именно толчком, причина — совсем в другом. У меня возникла внутренняя потребность, неотвратимая необходимость разобраться в той невероятной бессмыслице, которая зовется убийством Ильи Чавчавадзе. Недавно один умный человек (писатель) сказал мне: брось ты об этом думать, еще не настало время разбирать, обсуждать или делать какие-то выводы. Но ведь я и не собираюсь ничего такого делать. Я лишь хочу понять, в какой обстановке могло произойти подобное, и хоть приблизительно, но воссоздать, опять же для себя, картину трагедии. Мне это необходимо, потому что, кажется, я только сейчас начинаю ощущать в себе кровную принадлежность ко всему, что зовется грузинским (это в 16-то лет, не поздно ли?). Раньше я часто думала о том, что же является основой, началом начал духовной жизни человека? Для ре-

бенка — это, неосознанно, мать, для одних — любовь, слава, самопожертвование, для других — богатство, роскошь (ведь есть и такие), а для меня — моя принадлежность нации, народу, то состояние души, когда внутренне, всем существом ощущаешь кровное, духовное родство со своим народом, прошлое и настоящее которого стало неотделимой частью тебя, и без этого жизнь теряет всякий смысл: когда ты в ответе за все, что было в прошлом и чему быть в будущем.

В первый раз это чувство родилось у меня, когда я думала о судьбе Бараташвили. Сейчас, когда мои мысли заняты Ильей Чавчавадзе, оно еще более обострилось, углубилось и — удивительно — стало даже радовать меня: меня наполняет счастье, что я — грузинка. Вот теперь, по-моему, я почти приблизилась к тому, почему в это ужасное время, в разгар войны меня охватило непреодолимое желание очень осторожно коснуться той раны, которая болит в душе и будет болеть всегда, пока на свете будет жить хоть один грузин...

21 августа 1907 года в Сагурамо к Илье Чавчавадзе приехал в гости Артур Лайст. Вот что он писал:

«Солнце весело освещало горы, леса и сады Сагурамо, и уютный дом ласково выглядывал из-за зеленых деревьев. Илья был печален, жаловался на слабость, его беспокоили плохие вести из разных уголков Грузии... Его состояние подействовало и на меня: пропала веселость, я вспоминал прежние времена, тогдашнюю живость нашей дружбы...

27 августа, утром, Илья, княгиня Ольга и я в экипаже выехали в Тифлис. Утро было облачное, и вскоре после отъезда пошел сильный дождь, и так как у коляски не было верха, мы все промокли... Илья сидел напротив меня и раза два сказал, что боится простудиться. Княгиня Ольга была бледна и молчалива.

В дигомском духане решили передохнуть и перекусить. Тут Илья немного повеселел и разговорился. Появилось солнце и осветило знакомую окрестность. Сели за стол и вспомнили прошлое. Это была наша последняя беседа...

Через час мы расстались на Ольгинской улице. Еще увидимся! — сказал мне Илья напоследок, но что-то долго смотрел я ему вслед, пока его коляска не скрылась на Верийском спуске...»

Неужели его охватило какое-то предчувствие?

Из показаний Заала Чавчавадзе:

«...Илья Чавчавадзе приходится мне троюродным братом. Это лето, вернувшись из Петербурга, он проводил у себя в деревне в Сагурамо, туда в начале августа приехал и я. В понедельник 27 августа Илья собрался поехать в Тифлис вместе с женою и взял с собою также своего лакея Якова, человека давно уже у него живущего и преданного ему (с Ильей выехал из Сагурамо немец Лайст, гостивший у него дня четыре). Поехали они в собственном экипаже, и вез их кучер Тедо, который служил у князя лет 5—6. Рассчитывал Илья вернуться в тот же день обратно, но я ждал его не раньше, как во вторник вечером. И во вторник они не вернулись, а в среду днем неожиданно приехал лакей Яков. По словам последнего, Илья прислал его за человеком, который должен был заменить дворника, рассчитанного в Тифлисе. Яков торопился, чтобы успеть обратно к поезду, и действительно взял с собою человека... Яков сообщил мне между прочим, что Илья в четверг будет дома, и я ждал его к обеду, но уже часов в 12 в этот день вдруг во дворе поднялся шум, кричали женщины...»

Показания Ольги Фадеевны Чавчавадзе:

«30 августа часов в 9—10 утра, точно не помню, я выехала из Тифлиса с мужем моим Ильей Григорьевичем в своем экипаже и на своих лошадях. Вез нас кучер Тедо, и на козлах с ним сидел наш лакей Яков. В этот день был очень сильный ветер, особенно на Дигомском поле, и я потеряла даже свою шляпу, после чего закрылась с головой в плащ. По дороге мы раза два-три останавливались и последний раз поили лошадей в духане около села Цицамури. Что случилось с нами потом, я решительно ничего не помню; кем было произведено нападение, сколько было нападавших, как они были одеты, каким образом я была поранена, что происходило в это время с моим мужем, ничего положительно не знаю. Я помню только, когда меня уже после нападения везли, вероятно, в Сагурамо. Ка-

жется, тогда я говорила кому-то по-грузински, что вы делаете, и просила, чтобы пустили мою руку, которую очевидно, кто-то держал. Помню еще, что я не хотела подниматься в верхний этаж своего дома и просила, чтобы меня оставили внизу... Из вещей, взятых нами из Тифлиса, были следующие: саквояж желтой кожи, такого же приблизительно цвета чемодан с секретным замком, портфель и маленький сак. Я везла в них платье свое и мужа, белье разное и столовое, между прочим, дюжину ложек столовых и чайных, ножей и вилок, ложки были не серебряные, а фраже. В маленьком моем саке были письма мужа, книжка псалмов Давида и разная мелочь. Я знаю, что у мужа должны были быть деньги, их принесли ему накануне из банка, но сколько было, не знаю. Лежали они у него в бумажнике, где были также и разные бумаги, кроме того, у мужа был кисет для мелких денег... Из белья меченое было только белье мужа, на нем была шитая красным грузинская буква «И», на бумажнике у князя были две серебряные буквы «И. Ч.» по-русски...»

Супруга Ильи подробно рассказывает о багаже и похищенных вещах по просьбе следователя — полиции по всей Грузии искала эти вещи.

6 апреля. Сегодня ходила по зазеленевшему парку и в голову лезли разные мысли. Я думала: вот этой огромной липе, наверное, сто лет, после меня она простоит еще столько же; до меня ее видели и трогали множество людей, после меня увидят еще тысячи и тысячи... Как странно, что продолжительность существования всего на земле человек соотносит с продолжительностью своей жизни! Человеческий век короток, а природа бессмертна, принадлежность ей и пребывание в ее лоне означают наше бессмертие, для нас совершенно неосознанное, а потому ничего не значащее... Люди эгоистичны, но эгоизм этот наивный, он — в природе человека.

Вот две строфы из сегодняшнего настроения: «Весной я выйду в парк, пройду в аллее под сенью лип, под шелест их ветвей. Одну надежду в жизни я лелею, и только липам расскажу о ней: увяну я, но липы дол-

говечны, они окрепнут, зашумят весной и, охраняя сон мой бесконечный, разделят одиночество со мной...»

Хороша надежда!..

7 апреля. Как чудесно, что уже весна! По крайней мере, больше не мерзнем! Мама говорит, что еще могут быть ненастные дни. Вчера переделывала для себя старое мамино платье — все на мне износилось... Глядясь в зеркало, я заметила, что сильно похудела (я ведь тоже покашливаю, но стараюсь скрыть это от мамы). Меня пугает, как быстро я расту. Платье пришлось не только ушить, но и выпустить в длину.

Сегодня на перемене я чуть не треснула Марклена за то, что он все время ругается. Наши мальчишки совсем обнаглели, уже и ругаются при нас, забыли, наверное, что мы все же девушки. Но Марклен противнее всех — все лицо в прыщах, до всех старается дотронуться и жаждет мне понравиться, ох, кошмар какой-то! А Талико такое про него сказала, что я чуть со стыда не сгорела! Талико знает все о наших мальчишках. Она без стеснения употребляет и такие выражения, что хоть уши затыкай. Какая мерзость! Подобного рода разговоры доставляют ей удовольствие, глаза у нее так и блестят! Мерзость, мерзость! Я хочу быть чистой, правдивой и доброй, но как, наверное, это трудно! Но, боже мой, какие все это глупости. Лишь бы с мамой все было благополучно.

8 апреля. Прочла в газете статью «Духовное величие советской женщины». На бумаге все получается очень гладко...

Меня лишь одно успокаивает и вселяет уверенность: всегда помню, что способна кое-что написать, т. е. самоутвердиться...

9 апреля. В театре Руставели идет спектакль «Фландрия», по пьесе В. Сарду. Перевел пьесу Геронтий Кикодзе. Вот это настоящий литературный язык, вот как следует писать.

10 апреля. Чтобы быть «чистой, правдивой и доброй», ведь всегда надо говорить правду. Но почему мы иногда прячемся от нее? Маме очень нехорошо. Сегодня на улице у нее закружилась голова и она чуть не упала. По утрам и вечерам у нее температура, но она скрывает от меня. Очень тяжело. Правда, мы,

кажется, спаслись от холода, но есть совершенно нечего...

В девятом нам осталось учиться всего два месяца! Как же мне поступить? Сейчас же бросить школу и пойти работать на завод? Отар говорит, что на их заводе изготавливают снаряды и ручные гранаты. Им очень нужны рабочие руки. Буду работать для фронта и маму немного подкормлю — ведь будет рабочая карточка, рабочий паек... Почти все из отцовских вещей продано, ничего не осталось! Мама говорит, что она простудилась на рынке в Сабуртало в тот ненастный февральский день, когда она ушла утром и пришла ночью, а я лежала с высокой температурой...

Дато давно не приходил, интересно, что он посоветует? Не могу я прямо сказать это маме, знаю, она будет нервничать, ей может стать хуже. Я должна просто поставить ее перед фактом. Например, так: летом начну работать на заводе, скажу ей, что временно, а с сентября просто не пойду в школу, скажу, что не отпускают с работы. Все произойдет само собой. Но я ведь хочу быть правдивой. Неужели для этого надо и врать порой? Как же так?..

• Наконец вышел второй номер журнала «Мнатоби» (в апреле!). Читаю продолжение «Давида Строителя» Гамсахурдиа и «Лицом к лицу» Кутатели. В номере по одному стихотворению Галактиона и Ладосатиани.

11 апреля. Получили сообщение о гибели бывшего директора нашей школы Григола Угрехелидзе. Девочки плакали. Мы его очень любили. Как только началась война, он добровольно ушел на фронт. Его сынишка учится в нашей школе, зовут его Гоги, он в третьем классе. Бедняжка, он еще не понимает, какое это горе — остаться без отца. Мы его сегодня жалели и ласкали, а он возмущенно рвался из наших рук, а потом носился по двору. Он еще, конечно, маленький. Мы тоже были такими, даже в прошлом году в это время. Нас сразу состарила война. Дато давно не видела, пойду повидать тетю Елену. Меня очень расстроила гибель нашего директора, будто узнала о смерти собственного отца...

12 апреля. В газетах опубликовано сообщение

о присуждении Сталинских премий в области науки. В числе лауреатов нет ни одного грузинского ученого.

13 апреля. Газеты пишут о Зое Космодемьянской. Сначала мы знали ее как Таню, оказывается, ее звали Зоей. Какая девушка! Смогла бы я вынести столько пыток? Не знаю... Но, может, тогда не чувствуешь уже плоти, а остается одна лишь душа? Сегодня наш учитель математики Соломон (он совсем не такой, как другие) весь урок говорил о доброте, о героизме, о человечности в людях. Если я стану педагогом, то только таким, как Соломон. Чем мудрее человек, тем он должен быть милосерднее.

14 апреля. Выпущен государственный заем на 10 миллиардов рублей, сроком на двадцать лет. Началась подписка. Разве кто пожалует деньги, если они есть?.. В газетах есть сообщение о присуждении Сталинских премий в области литературы и искусства. Среди лауреатов есть и наши: композитор Шалва Мшвелидзе за симфоническую поэму «Звиадаури» (я слушала ее по радио, но я не очень разбираюсь в музыке и, наверное, не поняла ее значения, должна прослушать еще раз), художник Уча Джапаридзе за картину «Первомайская демонстрация в Тбилиси в 1901 году» (дядя Уча замечательный человек, я видела его картину), актер Акакий Васадзе за исполнение роли Киквидзе (он просто великолепен. Мне кажется, должны были отметить и роль Яго в «Отелло») и актер Михаил Геловани за участие в первой серии фильма «Оборона Царицына» (он исполняет роль Сталина). Анна Антоновская получила премию за роман «Великий Моурави» (но она не грузинская писательница, хотя Георгий Саакадзе — герой нашей истории). Неужели в искусстве мы более сильны, чем в науке и технике? И еще удивляет, что никем не замечена и не отмечена прекрасная грузинская поэзия...

Сегодня в класс впорхнула наша директриса и «провела с нами беседу». У многих людей о себе преувеличенное представление...

15 апреля. Продолжаю выписки об убийстве Ильи Чавчавадзе.

Вот первое сообщение прессы: «По дороге в Сагурамо убит Илья Чавчавадзе и ранена его супруга».

31 августа 1907 года газета «Исари» писала:

«Ужасная весть об убийстве Ильи Чавчавадзе пришла в Тбилиси 30 августа в 6 часов вечера; редакция «Исари» получила депешу в девятом часу, когда газета была уже отпечатана и отправлена на вокзал для посылки в провинцию. Поэтому успели вставить в набор лишь две строки для тифлисских подписчиков. Следует отметить, что сотрудник «Исари», случайно оказавшийся в тот день во Мцхета, послал редакции депешу в 4 часа дня, а редакции доставили ее лишь в девятом часу вечера! В тот же вечер невероятная весть облетела город и повергла всех в ужас...»

Газета «Исари», 2 сентября 1907 года:

«...Убийство произошло в 5 верстах от Сагурамо в половине второго пополудни... Из лесу неожиданно выскочили четверо вооруженных... остановили фаэтон и тотчас принялись за свое ужасное дело... С Ильей был слуга Яков... он соскочил с козел и бежал, но его догнали и убили... Остальные кинулись к фаэтону... В Илью три раза стреляли... две пули попали в лоб, одна — в сердце... Не довольствуясь этой жертвой... зверски избили беззащитную женщину... У супруги Ильи множество ран на голове и лице. Она там же свалилась без чувств... Единственный свидетель убийства, ямщик, сперва заявил, что не помнит убийц, а затем сказал, что они были смуглые... По его словам, все четверо были одеты в тужурки с погонами и на них были темные брюки...»

Из показаний Заала Чавчавадзе:

«...во дворе поднялся шум, кричали женщины, и я разобрал, что говорят о том, что убили Илью и княгиню, его жену. Я не хотел этому верить, но вскоре, действительно, прибыл со стражниками фаэтон, в котором почти в бесчувственном состоянии лежала княгиня. Все ее лицо было окровавлено... Спустя некоторое время прибыла арба, на которой доставили трупы Ильи и его слуги Якова. Кучер Тедо был страшно расстроен и взволнован, бледный, он дрожал и даже отказывался везти меня в Тифлис, куда я решил выехать немедленно, дабы привезти врача для княгини. На мои расспросы, как все это случилось, Тедо рассказал следующее: когда экипаж находился всего в верстах

четыре от Сагурамо, на дорогу из кустов выскочили четыре человека, которые приказали ему остановить лошадей. В этот момент левая пристяжная навалилась, испугавшись, на коренника, а он получил удар тупым орудием, именно ружьем, в спину, от которого свалился с козел. Напавшие начали стрелять в экипаж, лакей Яков соскочил и побежал от дороги в кусты, но его нагнали. Когда уже все было кончено, подъехали стражники с управляющим Ильи. Появление их было чистой случайностью, и им пришлось лишь доставить в Сагурамо экипаж с пораненной княгиней. Более подробно, будучи сильно расстроен случившимся, я кучера не расспрашивал и потому не могу сказать, что он, собственно, наблюдал, когда началась дикая расправа. Относительно нападавших он сообщил мне, что все они были люди молодые, лет 20—25, одетые в черные брюки и белые тужурки будто бы с погонами... Тедо указал мне место, где произведено было нападение; нужно думать, что нападавшие направились в гору, так как с другой стороны дороги протекает река Арава, переправляться через которую не совсем удобно... В Тифлисе, сейчас же по прибытии, заехал я к губернатору, которому рассказал все, что было известно. В тот же день я вернулся в Сагурамо с доктором Кимонтом, который, сделав перевязку княгине, разрешил взять ее в Тифлис. По словам Кимонта, все поранения причинены княгине тупым орудием и угрожают ее жизни, так как повреждены кости челюсти и черепа... Когда я приехал с кучером Тедо на место происшествия и он объяснял мне все происшедшее, мне случайно удалось увидеть его спину, так как ветер поднял вдруг его рубашку. При этом меня поразило, что на спине не было никакого следа от удара, а между тем, по словам Тедо, ему был нанесен такой удар, от которого он свалился...»

Из сообщений корреспондентов:

«По прибытии во Мцхета нас ошарашили ужасным, невероятным сообщением: убили Илью Чавчавадзе! Никто не верил, никто не мог представить себе, что старого деятеля, славного сына грузинского народа, мог кто-нибудь тронуть на грузинской земле...»

Сердцем я не верил в случившееся и вместе с товарищем на лошадях отправился из Мцхета в Сагу-

рамо. Мы отъехали этак три с половиной версты от Мцхета и на дороге увидели измазанную кровью манжету... Напротив этого места ниша, и как раз тут произошло убийство. Других следов злодеяния не было видно...

Когда приблизились к Сагурамо, навстречу нам попался экипаж: в Тифлис везли избитую прикладами ружей супругу Ильи Чавчавадзе, звери не пощадили пожилую женщину...

Прибыли в Сагурамо, в дом Ильи Чавчавадзе, и нас провели в комнату усопшего.

Человек нашего времени привык ко всему, и к крови, и к изуродованным трупам, но все же не выдержали мы этой ужасной картины и выбежали во двор...»

Телеграммы:

«1907 г. 1 сентября. Из Петербурга. Срочная. Благоволите сообщить государственной канцелярии сведения о кончине члена государственного совета князя Чавчавадзе. Статс-секретарь Лыщинский».

«Петербург. Государственной канцелярии. 30 августа около 12 дня четырех верстах от Сагурамо Душетского уезда четверьмя злоумышленниками убиты выстрелами член государственного совета князь Илья Чавчавадзе и его лакей ранена прикладами голову княгиня все ограблены приняты экстренные меры предполагается что князь убит местными крестьянами по подстрекательству социал-демократов грабеж симулирован...»

Какой ужас! На сегодня хватит, не то, кажется, задохнусь от слез и злости...

16 апреля. Вчера встретила Дато. Поговорили немного — я торопилась домой, к маме. Он хочет идти на фронт. Куда тебе, говорю, тебе ведь только 16. Во-первых, говорит он, мне уже семнадцать, а во-вторых, возраст тут ни при чем. Он против моего решения идти на завод, советует сперва закончить школу. Тебя не примут, неожиданно добавил он, меня ведь не взяли (может, из-за отца? — вдруг промелькнуло у меня в голове). Война ведь когда-нибудь должна кончиться, говорит он, а ты останешься без среднего образования. Не надо так огорчать маму, заканчивай

школу, а потом работай. Он советует мне на лето остаться в городе с мамой, а сам он поедет в деревню к бабушке, будет работать и постарается обеспечить нас продуктами. За мамой присматривай, настойчиво повторял он. Так ничего и не решили.

Потом говорили о разных пустяках. Я всегда внутренне чувствовала свое превосходство над нашими мальчишками, а перед Дато я сама себе кажусь маленькой и беспомощной... Он очень прямой, ясный, открытый и бесстрашный (не могу даже выразить то, что хочется сказать...). Я пожаловалась ему на Марклена, и он пообещал его отдубасить за то, что тот при нас ругается. Про Талико он сказал, что она дрянь, признался, что и сам теряется с такими девочками.

17 апреля. В клубе писателей Симон Чиковани читал новые стихи (или поэму?) о Давиде Гурамишвили (я сидела рядом с тетей Марикой). Потом выступали — Шалва Дадиани, Лео Киачели, Иосиф Гришашвили, Бесо Жгенти, Леван Асатиани, Акакий Гацерелия... Я и без их выступлений отлично поняла, какие это прекрасные, глубокие и горькие стихи, в них звучит какая-то безысходность... В тот вечер мне почему-то показалось, что настоящий поэт, творец, думающий и чувствующий глубже нас, обыкновенных смертных, обязательно должен быть охвачен какой-то безответной, безнадежной любовью к кому-то или к чему-то... И трагедия истинных поэтов в том, что они сами смутно сознают безответность и безнадежность этого чувства...

Сегодня Дато принес нам полбуханки хлеба. Ему дал для нас Марклен. А я собирался его бить, сказал, усмехаясь, Дато (я знаю, он не взял бы у него, если бы мог достать сам...).

Моя мама любит Дато. Мы уселись возле ее кровати и разговаривали. Мама все время кашляла.

Вспоминали довоенное время. Трудно поверить, сказала мама, что было время, когда не было войны. Вспомнили и Шови — наше последнее курортное лето. Прошло уже, оказывается, пять лет! Какими мы были маленькими тогда... Вспомнили дядю Евгения и проливные дожди, как мы шли весь день в Опи и что с нами было в дороге... вспомнили и ветхую гостиницу, где мы все спали в одной комнатке (мама, тетя

Елена, Дато и я) и на нас напало полчище клопов... Дато вспомнил и о том, как мы с ним рыбачили и как я просила его поймать золотую рыбку... Потом разгнев вор перешел на погибшего на фронте директора нашей школы. Дато, оказывается, побывал у его близких. Хочет чем-нибудь помочь им. Но что можно сделать?!

Мы все хорошо знаем Нателу, жену погибшего директора, она врач. В свое время она спасла от смерти Этери. И, может, было бы лучше, если бы бедная Этери тогда умерла, ушла бы в «мир иной» умным, наивным и счастливым ребенком? Эта мысль либо варварски преступна, либо истинно гуманна в своем жестоком милосердии! Кто знает, что лучше? Разве имеет кто-либо право решать вопрос, быть или не быть живому существу? Только не я, упаси боже! Может, у Этери свое предназначение в жизни? Натела и Григол очень помогали и способному Чабриа, не то отец, не то дядя Чабриа до войны дружили с ними. Я обязательно схожу к Нателе...

Мама даже с постели встала, так ей был приятен приход Дато. У него способность пробуждать во всех надежду, уверенность, хорошее настроение. Я даже не понимаю, как это ему удается. Может, потому, что он сам очень ясный и цельный?

Мама показалась мне еще худее и тоньше. Потом мы пили чай. Сахара нет, зато хлеба вдоволь! Уходя, Дато мялся, видимо, что-то хотел сказать, или мне просто показалось, но он странно вел себя, я рассмеялась (невольн!), он же засмутился и ушел.

Я еще долго думала обо всем этом и вот что написала:

«...И загрохочет гром могучий, и содрогнется небосвод, и молния из черной тучи лиловым нервом упадет. Сойдут молочные туманы со скал, оставив влажный след... От беззащитных детских лет останутся одни лишь раны. У юной вишни за окном (добра живое воплощенье!) туман замрет, прервет течение, и вишня затрепещет в нем... О, как горит в моей груди клеймо бездушия людского! Но и оно пройдет, и снова мелькнет надежда впереди. И вздрогнет дерево в окне, уви-

дев след зажившей раны — тот след, что белые туманы, пройдя, оставили на мне».

Ну хватит, пора спать! Мама давно уже спит.

18 апреля. Продолжаю выписки об убийстве Ильи. Рука дрожит и сердце разрывается на части.

Из первого допроса кучера:

«3 сентября 1907 года, село Сагурамо. Судебный следователь по особо важным делам Тифлисского окружного суда Ильяшенко допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, через штатного переводчика Козотова, и он показал:

Фамилия, имя и отчество — Лабаури Тедо Захаров.

Лета — 29 лет.

Вероисповедание — Православный.

Народность — Грузин.

Место рождения — Сел. Сагурамо, Душетского уезда, Тифлисской губ.

Место приписки — Там же.

Место жительства — Там же.

Рождение — Законное.

Звание — Крестьянин.

Судимость — Не судился.

Отношение к потерпевшему — Служил у кн. Чавчавадзе кучером.

Семейное положение — Холост.

Далее обвиняемый показал: я не признаю себя виновным в пособничестве при разбойном нападении 30 сего августа, на пути из Тифлиса в Сагурамо на кн. и княгиню Чавчавадзе и лакея их Якова Битаршвили, соединенным с убийством первого и последнего и с тяжким поранением второй. В свое оправдание объясняю следующее: В понедельник 17 числа я выехал из Сагурамо с кн. и княгиней в Тифлис, а в четверг 30-го мы возвращались обратно. Из города мы отправились, как я думаю, часов в 11, говорю так по соображению, ибо часов не имею. Езды от Тифлиса до Сагурамо часа три. Когда мы проезжали мимо Мцхетских духанов, то я обогнал 4 арбы. В фаэтоне ехали кн. и кн-ня, первый сидел с левой стороны, а вторая — с правой. На козлах со мной сидел лакей Яков. На последнем был револьвер и ружье центрального боя в руках, которое везли для садовника. Едва мы порав-

нялись с нишей для образа, что на дороге, верстах в четырех от Сагурамо, как из кустов справа от нас, горы, вышли на край дороги 4 человека, которые крикнули мне «стой!». Все они были одеты в большие сапоги, в белые кителя с офицерскими погонами и белые папахи. На вид им можно было дать одному 28 лет, другому 29, третьему 32 и четвертому 33. Все были брюнеты, причем двое имели бороды и усы, а остальные только усы. Рост у этих людей был только у одного средний, остальные были выше... У первого в руках было ружье, причем у двух были берданки, у одного центрального боя и у последнего, кажется, пистонное. Как только раздалось «стой», кн. крикнул мне только два слова: «гони скорей!». Я погнал лошадей, но правая пристяжная была слаба, плохо шла, и потому бросившиеся за нами 4 человека, бежавшие справа от экипажа, опередили скоро лошадей и, схватив их под уздцы, остановили. После этого один из них отделился и, подойдя ко мне справа, схватил и сбросил с козел. Когда я упал, то он ткнул меня дулом ружья в бока, но слегка, так как попал больше по халату, который был одет на мне. В это именно время Яков соскочил с козел и побежал через дорогу налево в кусты, тогда же трое нападавших, которые были еще у лошадей, оставили их и обошли экипаж слева, причем один побежал за Яковом. Тот, который сбросил меня с козел, обежав лошадей, тоже очутился с левой стороны фаэтона. Упав на землю, я сейчас же поднялся и стоял на этом же месте. Едва только нападавшие очутились с левой стороны экипажа, как раздался выстрел. Стрелял один из тех, у которого была берданка, и стрелял прямо в сидевшего князя на расстоянии шагов пяти от него сбоку и спереди. Князь, не знаю уже почему, тотчас вывалился из фаэтона на дорогу, а так как княгиня сидела еще в фаэтоне, то я из опасения, что лошади понесутся, пробежал впереди лошадей и стал держать их под уздцы. Тем временем я слышал еще три выстрела в той стороне, куда бежал Яков, и видел, что один из нападавших обошел фаэтон сзади и был с правой его стороны, т. е. с той, где сидела кн-ня. Я не заметил, чтобы этот человек на-

нес какой-нибудь удар ки-не, но я думаю, что он толкнул ее (хотя этого и не видел), так как ки-ня тоже вывалилась из фаэтона в ту сторону, где лежал князь. Вот когда в фаэтоне никого не было, я перестал держать лошадей и стоял так. Тот, который побежал за Яковом, имел в руках централку. Как он стрелял, я не видел, как не видел и того, стрелял ли Яков. Когда вернулся стрелявший в Якова, я не заметил, чтобы у него было что-нибудь в руках. После этого я видел, как один из нападавших взял маленький чемодан, а как взяли большой, я не видел. Я видел еще, что лежавшего князя обыскивали, но чтобы обыскивали княгиню, не видел, ее не обыскивали. Затем нападавшие, обойдя фаэтон сзади, поднялись от дороги в гору и скрылись в лесу. Я продолжал в это время стоять впереди лошадей, меня они не тронули и не сказали мне ни одного слова. Обругал меня сукиным сыном только тот, который сбросил с козел, но это было, когда он меня сбрасывал. Он сказал тогда — «ты что, сукин сын, не останавливаешься, когда тебе кричали «стой». После того как напавшие удалились, я пошел по дороге по направлению к дому с тем, чтобы дать знать о случившемся, но как раз перед тем, как встретиться с управляющим и стражниками, я свернул в лес по естественной надобности, почему при встрече с ними и вышел из леса. Я не сел на лошадь, чтобы скорей поспеть домой, только потому, что растерялся и не сообразил сделать это. При встрече с управляющим я сказал ему, что случилось такое несчастье и князя убили. Что стало с Яковом, я, уходя, не посмотрел и только уже потом увидел, что Яков убит. Всего нападавшие произвели 4 выстрела: один в князя и три в стороне, куда убежал Яков. У них никакого другого оружия, кроме ружей, не было, ни револьверов, ни кинжалов я не видел... При предъявлении мне нападавших я ни в каком случае не признаю, впрочем, нет, если вы мне предъявите их теперь, то я узнаю, но если в будущем, то не буду в состоянии признать.

Показание прочтено. Неграмотен. Переводчик с грузинского А. Козотов».

Из заключения врача:

«На теле Ильи Григорьевича Чавчавадзе три раны: одна огнестрельная, проходящая насквозь через

грудь. Канал раны имеет направление спереди назад и справа налево. Выстрел, по-видимому, был направлен спереди. Смерть последовала от этой раны через повреждение сердца. Две раны, расположенные в области безволосистой кости головы, причинены тупым орудием. Одна из этих ран—та, которая осложнена повреждением черепной кости,—относится к тяжелым и угрожающим жизни повреждениям. Другая рана должна быть причислена к разряду легких повреждений.

Сердце и легкие у покойного Ильи Чавчавадзе оказались нездоровыми. Мускулатура сердца подверглась перерождению, и передняя стенка левого желудочка имела аневризматическое расширение. В протоколе осмотра я забыл упомянуть, что эндокардий левого желудочка был утолщен, серо-белый цвет его резко выдавался по сравнению с эндокардием правого желудочка; последний имел мясной цвет. Поверхность эндокардия в левом желудочке, равно полулунные клапаны и внутренняя оболочка аорты были гладки, без шероховатостей, но основания полулунных клапанов казались утолщенными и плотными...

Недолго оставалось жить семидесятилетнему поэту-старцу. Его большое сердце поражено вражеской пулей. Оно билось бы, может быть, еще несколько месяцев или год...»

И, наконец, последний допрос кучера, где он, кажется, говорит всю правду (он знал, что его ожидает казнь на виселице, и, по-видимому, решил назвать всех злодеев, имена которых он утаивал на первых допросах...).

«Лабаури Тедо Захарович:

До настоящего времени, из опасения, что пострадает все мое семейство, я не решался сказать всей правды о том, как убили кн. И. Г. Чавчавадзе и кто были его убийцами. Теперь же, несмотря на сделанные угрозы, я решил сказать все.

Когда мы ехали от селения Цицамури, первым из засады выскочил ахатинец Гигола Бербичашвили, он крикнул остановиться, покойный же князь в свою очередь крикнул мне гнать лошадей...

Я погнался, но лошади были уже уставшие и дорога

грязная, злоумышленники успели забежать вперед и остановить лошадей...

Бербичашвили проскочил перед лошадьми на другую сторону дороги...

В это именно время лакей Яков, очевидно испугавшись, соскочил с козел и бросился бежать в кусты к Арагве. У него в руках было ружье...

Едва Яков соскочил с козел, Бербичашвили выстрелил в князя. Это был первый выстрел. Князь вывалился на дорогу...

Всего было произведено, по-моему, четыре выстрела, но кто стрелял кроме Бербичашвили, не могу сказать...

После того как князь был убит, я видел, что и его, и княгиню обобрали Бербичашвили и Инашвили...

Когда все уже было кончено, напавшие обратились ко мне со словами, чтобы я, когда меня станут спрашивать о происшедшем, говорил бы только, что те, которые напали, были одеты в офицерское платье и имели на головах папахи; если же я посмею сказать, что они были в черкесках и башлыках, то обещали спалить мой дом и перебить всю мою семью, состоящую из матери и двух братьев...

Я уже сказал вам, что в числе нападавших были Инашвили и ахатинец, которого зовут Гигола Бербичашвили.

Теперь я называю и остальных двух: третий был Пшавлиашвили и четвертый — служащий у нас в Сагурамо у князя Гиго Модзгвришвили...

Вот вся правда и все, что я знаю... Неграмотен...»

Довольно, довольно, довольно, или я сойду с ума...

22 апреля. «В результате проверки выполнения постановления о светомаскировке выяснилось, что отдельные учреждения и жилые дома не выполняют приказа»... Что за казенная фраза, что за выражение — «дома не выполняют?». Но, видимо, так оно и есть. Мы с мамой должны строго соблюдать приказ о светомаскировке, чтоб не было неприятностей (и так кое-кто косо смотрит на нас...). Два раза ночью свистели на-

шей «доброй соседке», у которой падала занавеска с окна...

23 апреля. В этом году выйдет первая серия фильма «Георгий Саакадзе». Снимает фильм Михайл Чинаурели, авторы сценария Анна Антоновская и Б. Черный. Сперва думали сделать одну серию, но потом оказалось, что материала гораздо больше, и было решено выпустить две серии. Фильм меня очень интересует. Скоро появится и «Мост», снятый по сценарию Георгия Мдивани (дядю Жоржика я знаю, он наш дальний родственник...). Запущен в производство фильм «Он вернется», который снимает Николоз Шенгелая (муж тети Нато).

Вахтанг Чабукиани ставит «Шопениану» и «Дон Кихота» в театре оперы и балета (он, оказывается, один из лучших танцовщиков в мире, а я ни разу его не видела — позор!). Еще новость — создан первый грузинский джаз-оркестр (как бы посмотреть-послушать?), руководитель Реваз Габичвадзе (говорят, очень талантливый молодой композитор), литературный материал Михаила Джапаридзе (о нем я знаю, он драматург), танцы в постановке Вахтанга Чабукиани, Илико Сухишвили и Джано Багратиони (какие имена!), программу ведут А. Кванталиани и А. Гомелаури (очень популярные артисты!), танцуют Илико Сухишвили и Нино Рамишвили (тетю Нино знаю издали, видела ее у Дато дома еще «тогда», интересно, помнит ли она меня?). В чем причина такого бурного расцвета в нашем искусстве? Ведь война, нужда, голод...

25 апреля. Где-то я прочла сообщение о том, что скоро выйдет переведенная на русский язык Шалвой Нуцубидзе книга Чахрухадзе «Тамариани», а также и перевод «Абдулмессии» Шавтели. «Витязь в барсовой шкуре», «Тамариани», «Абдулмессия», — я думаю, что Нуцубидзе делает большое национальное дело.

Маму уже ничего не радует. У нее все время температура, глухой кашель. Приехала бабушка, моя бэбо. Нас обеих пугает безразличие мамы ко всему. Что делать, что делать?

28 апреля. 1 и 2 мая объявлены рабочими дня-

ми. Меня удивило вот какое сообщение: в парке Муштайд вновь открывается детская железная дорога. Будут ходить три поезда, один эвакуировали из Ворошиловграда (просто смех один!). Я рассказала об этом маме. Она тоже смеялась вместе со мной. С ней надо, видимо, больше шутить, стараться отвлечь ее от разных горьких мыслей...

29 апреля. Прочла маме статью Бесо Жгенти о спектакле грибоедовцев «Собака на сене». Критик хвалит режиссера-постановщика Г. Товстоногова. Мама слушала заинтересованно (она, оказывается, знакома с матерью Товстоногова) и сказала, что, по всей вероятности, у него большое будущее. Решили, что непременно пойдем на этот спектакль. С 5 мая спектакли в театрах будут начинаться в половине девятого вечера. Мама забеспокоилась, как бы я не попала в беду, были случаи, когда бандиты ночью раздевали людей. Что с меня можно снять?

Мы с Дато сходимся во многом, а вот взгляды на музыку у нас разные. Он меня упрекает в том, что мне нравятся «примитивные вальсы», что я могу даже прослезиться, слушая какую-нибудь «дурацкую», на его взгляд, музыку. Его рассуждения приводят меня в негодование: «Симметрия,—говорит он,—показатель примитивности. Для творца, для мужчины характерна дисгармония. Симметрия же начало женское, пассивное...»

Я не соглашаюсь с ним, и мы всегда спорим до хрипоты. «Мужское начало», «примитив», «женское начало» — что за чушь! Больше всего я ценю в музыке гармонию, а лучше всего проявляется она, на мой взгляд, в вальсе (может, я в самом деле примитив?). Я могу хоть сто раз посмотреть, к примеру, «Большой вальс» и все сто раз получить огромное удовольствие от музыки. Дато же уверяет, что это примитивнейший фильм, «построенный по сентиментальной схеме Голливуда». Ну и бог с ним! Мне нравится — и все тут!

Зато в вопросах поэзии у нас — полное согласие! Иногда он злится, когда я вслух читаю Галактиона, он кричит: «Не читай на мотив вальса, не опощляй гениальное стихотворение!». Кстати, он терпеть не может манеру чтения стихов Гришашвили (а мне нра-

вится!), сам же читает их смешно, словно выступает на митинге и кого-то в чем-то убеждает.

30 апреля. Опубликована пространная т. Молотова о страшных злодеяниях, насилии и зверствах фашистских оккупантов. Она полна ужасающих фактов. Как может так низко пасть человек? Мама опять задумчива и очень грустна. Вот, оказывается, что такое фашизм...

— Дато, Дато! Чабриа продулся в пух, проиграл крупную сумму!

— Ты что, бредишь?

— Если бы. Он проиграл пятьсот рублей!

— Где, с кем, когда? Марклен, убью, если шутишь!

— Какие шутки! Сейчас от него бегу...

— Да расскажи ты толком! Как это произошло?

— Вчера играл в кости... с какими-то парнями с Авлабара, в ботаническом саду...

— Что он делал в ботаническом?

— Говорит, пошел рисовать, а там встретился с ними... Ему дали срок, если он до завтра к двум часам не принесет им денег, убьют его!

— Где он сейчас?

— Дома. Идем к нему скорей. Как бы чего не сделал с собой...

— Говоришь, до завтра срок? — Дато достал с книжной полки книгу и вытащил из нее две красные тридцатирублевки. — Тут 60 рублей. У тебя есть что-нибудь?

Марклен вывернул карманы и высыпал около рубля мелочью.

— А дома, дома у тебя ничего нет? — закричал Дато.

Марклен захлопал рыжими ресницами и жалко улыбнулся.

— Беги сейчас же к Марине и к Отару, возьми у них все, что найдется, забеги к себе домой, несчастный

ты человек, может, твоя мать даст тебе что-нибудь. Приходи к Чабрии. Ну, раз, два, три! Ты еще здесь?!

Марклен сорвался с места, Дато накинул рубашку и побежал к Чабрии...

Через час все собрались у Чабрии. Марина прислала 20 рублей. Отар принес 40 рублей, Марклену дали 30, у Чабрии дома оказалось 9 рублей.

— Всего 159 рублей, маловато! — задумчиво произнес Отар.

— Что мы можем продать из дому? — размышляет вслух Дато.

— Я возьму материнскую шаль, — говорит Отар.

— Украду стаканы, их столько, что и не заметят. Стаканы и блюда хорошо продаются, — предлагает и Марклен.

— Я возьму шапку, пояс и гимнастерку отца, пока они мне все равно велики, — спокойно произносит Дато и поворачивается к Чабрии. — Чабро, у тебя что есть?

— Ничего нет, — Чабрия сидит в углу, надувшись и избегая взглядов ребят.

— Знаешь что, немедленно приди в себя и подумай, может, что-то найдешь! Я не о тебе забочусь, иди от ты несчастный! Это всех нас касается!

Чабрия неохотно встает. Губы его дрожат в жалкой улыбке.

— Ну, не знаю, пригодится или нет, — говорит он, вытаскивая из-за шкафа старый запыленный мольберт. — Может, вы даже не знаете, что это такое?

Ребята рассматривают незнакомый предмет, а Дато недовольно качает головой. Отар и Марклен переглядываются и вопрошающе смотрят на Дато, скажи, мол, что это такое.

— Это орудие производства художников, как бы их станок, называется мольберт, — говорит Дато и, обращаясь к Чабрии, кричит: — Кто его купит, несчастный?

— Как кто? Художник! Ты знаешь, сколько он теперь стоит, не знаешь? То-то! Триста рублей! — говорит, размахивая руками, Чабрия.

— Ну ладно! Утром соберемся у меня, вместе пойдем на базар, а теперь — давайте по домам! — Дато гонит ребят и остается один с Чабрией.

— Чабро, скажи мне откровенно, как все случилось?

— Как, как!.. Играл и проиграл!..

— Так много, бичо?

— Сначала я выиграл почти триста...

— Сколько у тебя было денег?

— Семь червонцев. Вначале все шло хорошо, потом...

— Сколько их было?

— Трое. Я вошел в азарт и не заметил, когда меня стали надувать...

— Ты их знаешь?

— Один с Авлабара по кличке «Мутрук», игрок и вор, вечно таскается с ножом, второй — «Поросенок», вы его знаете, третьего я видел впервые.

— Они тебе вправду угрожали?

Чабриа замялся:

— Сказали, чтоб послезавтра пришел туда и принес им денег. Иначе, говорят, уьем. Может, просто так сказали... Я обещал, что мне оставалось делать?

— Ты, наверное, не спал всю ночь?

— Глаз не сомкнул, решил сбежать в деревню, но от них разве спрячешься, в Сибири и то достанут... Хотел было покончить с собой...

— Ненормальный!

— Потом думаю, подожду до утра, а утром прибежал Марклен, потом и вы явились... А что делать, разве я могу уплатить такую сумму?

— А маленьких брата и сестру на кого оставлял?

— Как раз о них я и думал. Еще о дяде своем подумал, о Мамии... Все уши прожужжал мне: учись, парень, стань человеком, видишь, я — инвалид...

— Неужели ты всерьез мог подумать о смерти?!

— Вот посмотри, — Чабриа нагнулся и вытащил из-под кровати бельевую веревку с петлей на конце. — А вон и крюк, над окном. Я даже на стул встал и петлю набросил на шею. Пожалуйста, только не говори ребятам...

Дато обнял его. Чабриа всхлипывал, как ребенок, и плечи его тряслись...

Рано утром отправились на барахолку. Спустились

к Грибоедовской, прошли мимо аптеки Земеля, по улице Ленина дошли до площади Героев, а потом потопали по Военно-Грузинской дороге...

Дато тащил небольшой мешок с вещами. Отар повязал шаль под рубахой. Марклен рассовал блюда по карманам, а маленькие винные рюмки держал на пальцах, засунутых в рукава. Лишь Чабрии пришлось волочить мольберт открыто.

Наконец добрались до базара, шум которого слышался уже издали. Прошли мимо рядов торговцев, сидящих прямо на тротуарах перед разложенным на земле товаром. Чего тут только не было выставлено! От ржавого гвоздя до автомобильного мотора и пропеллера самолета. Продавалось все: молотки, клещи, рубанки, резина, краска, ножи, вилки, ложки, замки, разная посуда, болты, винты, наковальня и молот, кузнечные, столярные, сапожные инструменты, всякая хозяйственная мелочь...

По базару ходили с перекинутым через плечо товаром. Пальто, брюки, рубахи, кофты, юбки, мех, простыни, сапоги, щетки, чемоданы, калоши, зеркала, хлеб, тарань, водка — тут можно было купить все.

— Я останусь здесь, а вы идите дальше. Смотрите, не продешевите, — сказал Дато, раскрывая свой мешок, — в 10 часов встретимся на этом же месте.

Ребята покивали и разошлись кто куда.

Первым к назначенному месту пришел Марклен и принес сто одиннадцать рублей. Затем появился Отар, выручивший за материнскую шаль 100 рублей. У Дато оказалось 130 рублей. Только Чабрии не было видно.

Ребята подсчитали деньги. Вместе со вчерашним у них получилось ровно 500 рублей. Они прождали еще час. Желудки сводило от голода, а вокруг было столько съестного, что они беспрерывно глотали слюну...

— Разыщите этого балвана! — не вытерпел Дато.

Чабрию нашли за пять минут. Он сидел под забором, понурив голову, — его мольберт никому не был нужен...

На второй же день все раскрылось. Марклену здорово влетело. Отара отругали так, что он долго стонил после этого. Дато все рассказал мате-

ри. Сначала она нахмурилась, а потом тихо заплакала. «Надо было сказать мне, — проговорила она, — я да- ла бы что-нибудь из своих вещей. Не надо было брать отцовское...» Дато был вконец убит.

Зато Чабриа был спасен...

Письмо Дато:

«Марина, здравствуй!

После твоего отъезда случилось так, что мы с мамой перебрались на новую квартиру — в деревянный барак на улице Камо, прямо на берегу Куры. Там еще поблизости дом, где мы учились музыке (помнишь старого маэстро?).

Все стены барака в щелях, но это дело поправимое, достану во Мцхета доски и забью, где надо. Пол земляной. И это тоже ничего. К зиме надо будет достать печку.

Я был удивлен: мама оказалась более стойкой, чем я думал!

Еще одна новость: Марклен вынудил-таки меня съездить ему по морде — настучал на Чабрию в комитете комсомола. Но я, видимо, слегка погорячился. Очень уж это подло! А его не поймешь. То хлеб принесет, то донесет! Чабрию или исключат или строгий выговор дадут. Жалко парня! Хочу попросить Отара, может, поможет рабочий авторитет его отца? Надеюсь, что все будет в порядке.

Товарищ Симон выпросил для себя должность заведующего хлебным магазином и получил ее (помнишь магазин, что на улице Кирова, бывший «Резинтрест?»).

Правда, этот вопрос долго обсуждали, шептались, что «неудобно», что «у него большие заслуги, большой стаж», что он «руководит целой сетью» и «как же его в простые завмаги» и т. д. и т. п. Но потом все же «решили положительно», потому что «именно такие кадры сейчас там нужны», что он «честнейший и преданнейший» и т. д. Ты догадываешься, от кого я все это узнал?

Товарищ Симон домой возвращается уставший, всегда поздно ночью и тащит буханки хлеба (но у Ка-

ро сто глаз и сто ушей!). Он молодец! Мы с ним изредка видимся.

Килограмм хлеба на базаре стоит сто рублей! Теперь ты понимаешь!?

Вчера я не сдержался и дважды стукнул Марклена (и сделал тебе больно!), почему у меня не отсохла рука?..

Привет нашим бабушкам. Дато».

Второе письмо Дато:

«Здравствуйте, мои дорогие!

Привет тебе, Марина!

Привет тебе, большая Мариам, и тебе, бабушка Анико!

Привет знаменитому колодцу и всему окрест него!

Если Хандиа там — привет и ему, новоявленному Эдисону!

Я скоро освобожусь и приеду... Держитесь!

Вчера я был у тебя дома, видел твою «добрую соседку» Эльзу. Все на месте, все в порядке, я проветрил комнату и снова закрыл ее. А твоя соседка весьма привлекательная бабенка! Я шучу, конечно!

Сейчас все берут к себе жить эвакуированных, твои соседи тоже взяли. Неплохо будет, если и ты приютишь какую-нибудь женщину (не будешь же ты все время одна?).

Очень много здесь приезжих актеров, писателей, ученых, еще больше — простого народа, многие с детьми, в общем большой наплыв беженцев (не люблю это слово, какой-то в нем унижительный оттенок!). Ну, ты приедешь и сама решишь, брать кого-нибудь или нет. Я тебе советую сделать это — будешь более надежно защищена от «случайностей» (не дай бог, чтоб с тобой случилось то же, что с нами). Мы бы тоже приютили кого-нибудь, но кто пойдет в наш барак?

Мама моя здорово держится! Мы прибрали нашу «новую квартиру» и кое-как устроились. Беспреданно воюем с крысами... Вчера отнес букинисту два мешка отцовских книг. И еще осталось довольно много, все классики марксизма. Я забил досками окно и сделал там полки. Теперь свет проникает лишь из маленького окна в двери, зато зимой не будет дуть так сильно.

Был на заводе Отара. Думаю там начать работать, в анкете записал: «отец — репрессирован»

Посмотрим, что будет. Скоро думаю приехать к вам дней на десять.

Талико выходит замуж, Марклен готовится в армию, я готовлюсь к армии...

Почти каждый день заглядываю в Дом писателей (из-за тебя, знаю, что тебе интересно). Кручусь там, слушаю новости. Многих уже знаю в лицо. Заглядываю и в клуб — никто не запрещает. Говорят, Ладо Асатиани умирает от туберкулеза, Нонешвили собирается на фронт, Геловани командует танком. У них в саду иногда играют в шахматы. Некоторые из них здороваются со мной — Геронтий Кикодзе, Лео Киачели, Ражден Гветадзе, Леван Асатиани, один раз видел Нико Лордкипанидзе, он шел с трудом, опираясь на палку. Твой Галактион ходит один, гордо, ну просто монумент. Многие уехали в Квишхети (надеюсь, я заслужил твое одобрение — ты получила полную информацию о людях, которые тебя интересуют).

Да, чуть не забыл: вчера в полночь вдруг началась стрельба — били зенитки. Представь себе: небо освещали прожектора, клубились тучи, грохотали зенитки и слышался какой-то гул. Поначалу я подумал, что это налет. Но все очень быстро кончилось, погасли прожектора и воцарилась тишина. Так я ничего и не понял, что это было. Ну ладно! Пиши. Жду письма. Дато».

Письмо Марины:

«Дато! Получила от тебя два письма. Мы все себя хорошо чувствуем, только твоя бабушка простудилась и у нее начался радикулит. Сейчас она лежит, по-моему, ничего страшного, но чем раньше ты приедешь, тем лучше.

Очень удивила меня ваша «новая квартира». Ничего не сказала бабушкам, чтоб не расстраивать.

Записалась в трудовой отряд школьников. Работу начинаем в семь утра. Мальчики в основном мотыжат, мы, девочки, собираем фасоль, огурцы, фрукты, сою, помидоры, иногда мотыжим. По вечерам помогаем семьям фронтовиков по дому или в огороде и саду. Я взяла на себя обязанности и агитатора. Некоторые уже вернулись с фронта, они хоть и инвалиды,

но помогают нам как могут. На ладонях у меня появились мозоли, кожа огрубела, я с такой легкостью взваливаю на плечи двухпудовый мешок, что сама удивляюсь.

Наш Хандиа пропал без вести. Его мать получила всего одно письмо. Так что выполнить твой наказ и передать привет нашему бедному Эдисону не удалось... Что-то заставило меня написать стихотворение, которое прилагаю к письму.

Я все не могу прийти в себя от этой новости о вашей новой квартире. Почему? Неужели и та маленькая комнатенка понадобилась этому, с бульдожьей мордой? Кому же жаловаться?..

На Марклена я то злюсь, то жалко мне этого несчастного. Может, еще не поздно ему стать человеком; именно мы должны ему помочь; у него есть и мать, и отец (лучше бы его не было), но он более одинок, чем мы. Напиши мне, как там с Чабрией (хотя, наверное, до осени ничего не будет). Ты знаешь, у меня нет даже времени читать и писать. Моя бабушка тоже все время занята, все время что-то делает, а по ночам она плачет, и я тоже плачу. Что еще осталось нам, женщинам?..

От тети получили письмо, она в каком-то прифронтовом госпитале (разве поймешь, где? Вместо адреса — номер полевой почты). Она ничего не знает о дяде Хута, нас спрашивает! Что сделала с нами эта проклятая война!..

Без меня не предпринимай ничего со вселением эвакуированных. Что за фантазия пришла тебе в голову? Откуда знать, кем они окажутся? Оставь в покое мою «дорогую соседку», как бы она тебя во что-нибудь не впутала... Напиши мне еще о писателях.

Временами я остро чувствую тщетность и убожество человеческих стремлений и желаний. Но ведь жизнь, лишённая надежды, это трагедия. Поэтому мне нужно надеяться, иначе не стоит жить.

Стихотворение это, может, и не о Хандии (хотя я его писала, думая о нем), может, оно больше о нас с тобой, о нашем прошлом, настоящем и будущем:

«Тому, что я о будущем мечтаю, не удивляйся. Правда, я не знаю, что ждет нас завтра, что случится с нами, с разгромленными семьями, с друзьями, но

знаю: своему существованию душа упрямо ищет оправданья. Да, зло былого нас терзает властно, но будущее может быть прекрасным! Пожар войны разжигает во мне желанье жить, действовать, бороться с истинным злом, коль жертвовать собой — то без остатка, любить — так без расчета, без оглядки, к высокой цели двигаться упорно, чтоб не грозил в пути конец позорный...»

Может, очень туманно? Но мне кажется, ты должен понять: это о тебе и обо мне, о таких, как мы.

Главное и новое я всегда связываю с будущим. Если посудить, что хорошего в настоящем?! Кроме поэзии — ничего! Ты скажешь, поэзия всегда немножко поза, да, это так, но, видимо, она необходима человеку, который жаждет хоть иногда воспарить, хоть на мгновение вырваться из тисков серых будней, подняться над ними. Тот, кто не изведал этого чувства, лишен внутренней силы, жизненного стимула и желаний.

Может, я не права?! Не знаю.

Ждем тебя. М.М.».

Ответ Дато:

«Получил письмо с твоими стихами. Ты молодец, ты сильная, вроде моей мамы!

Почему раньше не писали о болезни бабушки Анико? Если ничего опасного, то почему ты пишешь, что чем раньше приеду, тем лучше? Через неделю буду и наведу у вас полный порядок!

Насчет подселения к тебе,—я без тебя ничего не предпринимал, я писал, что это ты должна сделать сама.

Марклен спрашивал меня, не собираешься ли ты поступать в вуз? Нет, отвечаю я, она (то есть ты) решила стать труженицей села! Он поверил, а я удивился: какой болван все-таки!

А у нас тут голодно. Вы хоть из травы себе можете что-то приготовить. А нам что варить — асфальт, булыжник? Чего только не продают на Сабурталинском базаре... Я все могу перенести, вот только проблема брюк меня беспокоит. Как я приеду в рваных штанах? Меня же засмеют девчонки! Но все равно я коро приеду, наберитесь терпения.

А теперь — о деле.

Почему ты думаешь, что стихотворение твое туманно? Я все понял. Наоборот — его легко расшифровать (особенно мне). Поймут ли другие? Думаю, что да.

Тебе не нужна моя помощь, кажется, наоборот, ты сама мне можешь во многом помочь. У тебя здравый и живой ум, но умерь эмоции, живи рассудком...

Ты хочешь, верно, получить ответ, который рассеял бы твои сомнения, я постараюсь ответить тебе, как смогу (ясно, что прозой!):

Как бы жестоко ни рассорились друг с другом члены одной семьи, когда им грозит опасность, они объединяются, забывают личные распри и сообща дают отпор.

Дело, за которое боролись наши отцы с юности, возвышенно и благородно. В это я верю безоговорочно. Они, наши отцы, внушили это мне и тебе примером всей своей жизни и даже самым фактом своей гибели. Именно это составляет стержень нашего существования, существования людей, думающих не только о хлебе насущном, но и о нравственных идеалах, если угодно, и политических (эти понятия не существуют для меня раздельно).

Поэтому, несмотря ни на что, я буду служить этим идеалам, понадобится — и жизнью пожертвую. И так будет всегда — сегодня, завтра, этому не мешают ни время, ни обстоятельства.

Что-то случилось, не знаю что, не знаю почему: какой-то перегиб, какое-то страшное уродство, большая несправедливость, жестокое, необъяснимое зло... Но главное, то, за что боролись наши отцы, вечно, не осквернено!

Для нас с тобой это самое главное. Я буду бороться за это главное.

Когда кончится эта неслыханная война, наверное, многое изменится — народ, перенесший столько горя, без сомнения, достоин большего счастья, большей правды, жизни, в которой не будет ни доносов, ни живых богов и ни таких, как товарищ Симон, соседей...

Может, я ошибаюсь, тем хуже для меня (и для всех). Пусть рассудит тот, кто умнее нас. Пусть рассудит будущее. Ты, безусловно, права: если жертво-

вать—так до конца, иначе это позор, позорно жить с
оглядкой, любить по расчету. Нравственный максима-
лизм — единственно правильная позиция. Особенно
для нас с тобой.

Марина, извини, получился целый философский трактат, а ты прекрасно знаешь—я не философ! Я — практик. К сожалению, у меня нет твоего таланта — говорить коротко, точно, образно...

Скоро приеду к вам, и чтоб там все у вас было в порядке, не то... Но как мне приехать без брюк?

Целую всех троих. Дато».

Бабушка в недоумении глядит на конверт, который ей вручил почтальон. Кажется, причин для беспокойства нет. Но она почему-то волнуется. Разве сейчас так просто получить письмо? Вестей с фронта она не ждет, «оттуда» письма не приходят. Ну, а вдруг... Она надевает очки и облегченно вздыхает:

— Дато Мизандари лично. Из Тбилиси. И кто его вспомнил, непутевого?

Дато на мельнице.

Мельники все почему-то склонны к философии, а этот еще и к истории. Мальчик думает, что причина этого в их постоянном одиночестве. Сегодня дядя Христофор рассказывает биографию Гитлера. Чтоб не обидеть старика, Дато внимательно слушает его, хотя не раз слышал эти мифы и басни. Из длинной и запутанной речи мельника он уяснил один факт — дядя Христо, оказывается, знает, что Адольф не немец, а австриец. Все остальное — романтическая история фюрера и какой-то дамы из Кутаиси, какие-то грузины и особый интерес к ним Гитлера — вызывает у него улыбку. Наконец дядя Христо выбирает для Гитлера самую жестокую форму казни, но даже она не удовлетворяет его, он называет еще семь вариантов, но ни на одном не может остановиться.

Где рождаются эти мифы?

— Ты слушаешь меня?

— Да, дядя Христо.

— Такие вот дела, милый! Ты сам рассуди, кто такие турецкие султаны, визири, премьер-министры?

Все — грузины. А персидские шахи, индийские — как их там звать? — Маградзе...

— Магараджи...

— Да, магараджи, все, все грузины. А откуда японские камикадзе? Все тутошние Камкамидзе. А эти...

Дато задумчиво кивает головой. О басках он и сам читал, о Гуджарети тоже думал, знает историю мамлюков. Но японцы? Это уж слишком!

— А английские и американские миллиардеры? Все женаты на грузинках. Кто был Ахилл, хетты, пелазги, этруски, ты знаешь? Если не знаешь, то узнай, сынок, а если знаешь, смотри, не забудь и другим расскажи!

Мельник вдруг сник, исчерпав весь свой жар. А потом грустно проговорил:

— Эх, сынок, басни все это, а жизнь наша — прах и пыль, вот как эта, — указал он рукой на висевшую в воздухе мучную пыль. — Настоящий человек был твой отец! Первый мужчина, первый комсомолец, настоящий Мизан-дари¹!.. И как жестоко обошлась с ним судьба! А почему? Потому что соответствовал делу, которому служил? Если б Сталин знал это, разве он допустил бы такое? Если бы он знал, что происходило внизу и каких людей погубили обманом, разве допустил бы такое?

Дато молчит, он и сам много думал над этим...

— Талантливые люди во все времена были неуютны власти, сынок. А знаешь, почему? Потому что они народ беспокойный, думающий, они часто преступают черту, установленную кем-то. Понял?

Медленно вращаются жернова. Веером сыплется мука.

А старый мельник мелет свое:

— Понимаешь, раньше я иногда думал о том, зачем нам, грузинам, надо было ввязываться в эти революции, участвовать в этих смутах... Сидели бы се-

¹ Непереводаемая игра слов: Мизан-дари означает «соответствующий цели».

бе тихо, переждали бы... Так я думал и в двадцать первом, когда все перевернулось, в двадцать четвертом, когда поднялась стрельба, в двадцать девятом, когда стрельбы не было, но стали общими куры и коровы. Глупым был, потому и думал так... Вот слышишь, как вода мчится вниз по желобу? А может ли она не падать вниз? Не может, сынок, нет, потому что подведена к желобу, и куда ей деваться. Вот так же было с нами, понимаешь ты?

Глухо шумят жернова, стремительно падает вода на деревянное колесо, и мелко дрожит маленькая мельница.

— А знаешь ли ты, что такое революция? Революция — это, брат, как бы прорыв плотины, когда огромная волна сметает все на своем пути, когда с грохотом рушится все старое, а потом — устанавливаются новые, справедливые порядки, ну это ты знаешь! Вот, например, мой отец. Он всю свою жизнь работал на чужих мельницах, теперь работаю и я, но мельница уже наша, колхозная... Разницу улавливаешь? А работать рабочему человеку надо всегда, и при крепостном, и при колхозном строе, ведь без нас ни один строй не продержится... Так о чем я тебе толковал? Да, о революции... Знаешь ли ты, что такое классовая борьба и классовое чувство? Вижу, что знаешь. А знаешь ли ты силу, которая смогла бы подавить это чувство? Нет, по-моему, такой силы на земле! Вот и объединились угнетенные всех национальностей и навалились на Николая-царя и его безмозглых министров, навалились всем миром и одолели — прорвали-таки плотину... А когда наваливаются всем миром, куда бегут драчливые грузины? Туда, куда и все, и кричат громче всех и кулаками машут больше всех... И вот результат: сижу я теперь на колхозной мельнице и балакаю с тобой. Понял?

Дато почти дремлет под однообразный шум мельницы и нескончаемый говор дяди Христофора.

— Эй, сынок, я тебе тут про революцию толкую, а ты спишь?! — Дато через силу продрал глаза, и мельник невольно рассмеялся. — Ну, слушай, — продол-

жал он, — теперь я скажу главное. После всего этого сможет ли нас одолеть собака-Гитлер? Куда ему! Кишка тонка! Я смолоду много наслышан о Сталине. Это не человек — скала! Ты его не дразни, ты его не трогай! Он, как зверь, сомнет тебя, но своего добьется! Чтобы он не добился своего, этого еще не бывало! Ни перед чем не остановится, не дрогнет его железная рука. Нет, несдобровать Гитлеру, он просто мальчишка перед ним. Понял ты, парень, что я тебе сказал? И чего недосказал? Дошло до твоего ума, молодого и глупого? То-то, слушай знающих людей, слушай их побольше... Эх, жизнь наша—прах и пыль... Вот и смололась твоя кукуруза. Подставляй мешок... Бабушке привет передать не забудь и старого Христора иногда вспоминай.

Парень взвалил мешок на спину и пошел домой.

Бабушка печет мчади, а Дато читает письмо:

«Пройдут годы — десять, двадцать, тридцать. Быть может, исчезнет и память о том ужасе, что зовется войной. Все позабудут, что нам пришлось перетерпеть, и этот холод, голод и одиночество покажутся неправдоподобными. Ничье сердце не сожмется от боли, никто не задумается о нашей судьбе, не вспомнит о нас...»

Дато ходит по комнате и думает.

— Бабушка, я должен ехать в город.

— Случилось что-нибудь? — повернула голову бабушка, сгорбившаяся у очага.

— Надо помочь одному человеку.

— Кому это?

— Да нашей Марине, — слегка помедлив, ответил парень.

— Значит, нужен пропуск на поезд, у кого бы его попросить?

— Я без билета и пропуска поеду. Дай только немного муки, бабушка...

— Разве не все твое, сынок?

— И денег у меня нет...

— Да, ты ведь их заработал.

— Сегодня ночью выеду...

«Жизнь наша — прах и пыль!» — вспомнилось Дато. Нет, неправда это, болтовня!

«...Может, лишь мы, ты да я, оплатим детство наше. И если ты выживешь, и если ты вспомнишь хоть раз, то даже в минуту счастья не поскупись на две-три слезинки в память об этих днях...»

— Бабушка, прочти!

— Дай очки, сынок!

Запахло испеченным мчади. Дато присел на корточки у очага, соскреб с подрумяненной лепешки обгоревшие листья лозы и деревянными щипцами повернул тяжелую глиняную сковороду.

Бабушка поверх очков смотрит на него.

— Сынок, что, Марина пишет стихи?

— Пишет. А что?

— Да ничего, я так. Матери своей тоже отвези немного муки и фасоли...

— Отвезу.

— Смотри, будь осторожен, чтоб не отняли в дороге...

— Пусть только попробуют!

— Ну садись, покушай.

Парень поднял стакан разбавленного водой вина и сказал:

— За всех тех, кого уже нет...

Бабушка встала, вытерла набежавшие слезы, что-то тихонечко проговорила и поставила стакан на стол...

Жизнь Маргариты до двадцати лет и вправду можно назвать жизнью Маргариты, с двадцати лет это уже была общая жизнь Маргариты и Симона, но главным образом это все же была жизнь товарища Симона.

В Мегрелии есть маленькое живописное село. Помимо своей живописности, оно славится честными и трудолюбивыми людьми. Революция принесла им новую жизнь, новые цели и выявила людей, преданных новому делу, увлеченных новыми идеями. В числе их был и отец Маргариты, Ивлианэ, славящийся своей неподкупностью и честностью, крестьянин лет сорока. У Ивлианэ было четверо детей, старшей, Маргарите, было 18 лет. Когда Ивлианэ предложили пост председателя

сельсовета, он наотрез отказался, отговорившись тем, что не силен в грамоте. Ничего, сказали ему, у тебя ученая дочь Маргарита, она и поможет тебе. Нам ведь не найти так сразу человека беднее и честнее тебя — давай поработай, главное — доверяйся своему классовому чутью, оно не может изменить тебе, и тогда решения твои будут правильными, ну а там видно будет, может, подыщем грамотея...

И стал Ивлианэ председателем, а в помощницы себе взял ученую Маргариту. Посадил ее в сельсовете, вручил бумаги, а сам стал единоличным распорядителем печати с пятиконечной звездой и представителем Советской власти на селе...

Ученой Маргарита стала следующим образом: в тяжелую годину меньшевистского правления в 1920 году пятнадцатилетнюю Маргариту, чтоб не дать ей умереть с голоду в многодетной семье, взяла к себе сестра ее матери. Она жила в Поти, была замужем и не имела детей. У мужа ее была лавка в бойком месте, жили они зажиточно. Сметливая Маргарита за три года научилась вести хозяйство, готовить обед, стирать, ходить на рынок, в лавки, научилась одеваться, овладела грузинской речью и грамотой (до этого она говорила лишь по-мегрельски). Она так здорово умела, когда нужно, вставить в разговор русские слова (чему только не научишься в портовом городе!), что в деревне, куда она вернулась (у тетки она уже не могла оставаться — муж ее разорился, и они впали в нищету), только дивились ее учености и образованности. Она была «шикарно» одета (бегала в платьях, подаренных теткой), пострижена по городской моде и вообще выглядела вполне современно. И вот такая — в красной косыночке, бойко тараторящая миловидная Маргарита и вправду являла собой редкое для деревни зрелище.

Как раз в то время в деревне появился активист районного масштаба товарищ Симон (уже тогда его так и называли «товарищем Симоном»). Помимо «маузера» на боку, его гордости, по-петушиному задиравшегося Симона украшал еще и чуб, цветом и очертанием напоминающий взметнувшуюся желтоватую морскую волну в Поти. Этот чуб и погубил Маргариту. Пока товарищ Симон вел ожесточенную борьбу с сель-

ским священником и беспощадно выкидывал из церкви во двор иконы и древние рукописи, пока сплачивал молодежь в устроенном там клубе, пока писал острые политические лозунги, Маргарита горела на медленном огне и таяла, словно свеча. Но она ничем не выдавала своих чувств, сдержанность и порядочность она впитала с молоком матери, воспитывалась в честной крестьянской мегрельской семье. Лишь когда по балкону сельсовета уверенно стучали грязные сапоги товарища Симона, у нее начинало учащенно биться сердце, расширялись глаза и алым цветом загорались щеки.

Красивой девушкой была Маргарита!..

Ничего не ускользнуло от внимательных глаз товарища Симона. Но он хорошо понимал, что, несмотря на новые времена, не имел права полностью пренебречь традициями и обычаями предков. Поэтому он выжидал, издали присматриваясь к Маргарите, а через год знакомства завел разговор не с ней, а с Ивлианэ.

— Немного обожди, — уклончиво ответил Ивлианэ. Товарищ Симон почему-то не нравился ему. Ивлианэ пугала его ретивость, не нравилось ему еще и то, что этот беспокойный человек увезет от него Маргариту и он лишится ценной помощницы в сельсовете.

Товарищ Симон «немного обождал», даже исчез из деревни на полгода, чем ранил сердце Маргариты, но затем вернулся, и Ивлианэ сам лично зарегистрировал их брак в сельсовете.

Так двадцатилетняя Маргарита стала Маргаритой Габгабиа. Этим фактом завершается, так сказать, «индивидуальная жизнь» Маргариты и с него начинается сосуществование двух равноправных членов новой советской семьи.

Но эта «новая советская семья» для товарища Симона, оказывается, была лишь отвлеченной идеей, пригодной для других, но не для него. И он не замедлил тотчас доказать это на деле: умчал Маргариту в районный центр, запер в одной из комнат отцовского дома, оторвав и от комсомола и от общества: «Моя жена нужна мне для себя!».

Через год здоровая Маргарита благополучно раз-

решилась младенцем, и счастливые супруги торжественно привезли домой мальчика. И тут поднялся целый переполох — решали, какое имя дать продолжателю рода Габгабна.

— Назовем Ивлианэ, — с нежностью произнесла похудевшая Маргарита.

Но товарищ Симон насупил рыжие брови и произнес:

— Марксленин!

Маргарита чуть в обморок не упала, Ивлианэ, который приехал повидать внука, в тот же день уехал обратно. «Марксленин!» — упорно твердил Симон.

Родственники царапали себе лица, били себя по щекам. Но как его ни умоляли, он твердо стоял на своем: «Марксленин! Как хочу, так и назову своего сына!».

Кто-то из осторожных шепнул ему, что могут ведь и обвинить в политической провокации, тогда товарищ Симон, слегка поколебавшись, пошел на небольшую уступку. Мальчика решили назвать «Маркленом». «Марклен ведь почти то же самое, что я хотел. Пусть будет Марклен!» — сказал товарищ Симон, гордо размахивая метрическим свидетельством ребенка.

Следует прямо признать, что товарищ Симон оказался работником что надо! Особенно он прославился, когда начались раскулачивание и сплошная коллективизация. В результате его самоотверженной деятельности район одним из первых рапортовал центру о выполнении плана коллективизации. Товарища Симона заметили, оценили его беззаветную преданность, энергию, принципиальность, стойкость, безупречное социальное происхождение. Его приняли в партию и он получил повышение. Он был счастлив, но ходил хмурый и озабоченный.

Но можно ли было назвать счастливой Маргариту? Она нянчила своего Маркленчика, очень быстро привыкла к его имени и так же быстро позабыла о собраниях, женотделе, профсоюзе и комсомоле. Она пополнила, округлилась, ходила вразвалочку и, безусловно, была счастлива. Она обожала щенят, котят. До безумия любила детей, всех — своего, соседских, веселых, плаксивых, здоровых, больных, девочек и мальчиков... Но товарищ Симон категорически потре-

бывал, чтоб она больше не рожала. Это стало причиной ее постоянной печали и омрачило ее безусловно счастливую жизнь. Товарищ Симон же неуклонно шел вперед, искусно убирая своих соперников — и врагов, и друзей.

Когда Марклону пришла пора идти в школу, товарищ Симон совсем потерял покой: он мечтал отдать сына в русскую школу, но в районе тогда не было ни одной русской школы. Он не спал ночами, все искал выхода из, казалось бы, безвыходного положения, решил было даже послать мальчика в другой район или город, но не смог расстаться с сыном. С другой стороны, не мог же он оставить мальчика без образования (боже упаси!). И с болью в сердце он отдал Марклена в грузинскую школу. Иного выхода не было!

Теперь у Маргариты было больше свободного времени. Она отводила Марклена в школу, быстренько управлялась с домашними делами и была абсолютно свободна. Но ведь должна же была она что-то делать. И она стала ходить в семье товарищей мужа. Скоро Маргарита стала желанной гостьей в этих домах. Она помогала как могла, заботилась о малышах, купала, водила гулять, приводила из школы, носила в ясли, одевала, обшивала, даже стирала. Но это было уж слишком, и, узнав об этом, товарищ Симон категорически запретил ей этим заниматься. Впрочем, ему льстило то, что партийные работники хвалили любовь его жены к детям, ее, так сказать, общественную деятельность на этом поприще. Эта похвала косвенно относилась и к товарищу Симону, что тоже укрепляло его положение в кругу руководящих товарищей.

И вновь товарищ Симон показал себя с лучшей стороны. На этот раз это было на районной конференции, где критиковали первого секретаря райкома (присутствовали и товарищи из центра). Он резко выступил против беспринципности, либерализма, инертности, мягкотелости, терпимости и близорукости первого секретаря. Чего он только ни припомнил, какие только факты ни привел (откуда только он их выкопал?), в чем его только ни обвинил! Он произнес такую обвинительную речь, говорил с таким жаром, что даже смутил некоторых партийных товарищей рангом по-

выше, чем он. На товарища Симона смотрели уже с опаской. Несколько человек даже стали жертвами этой нашумевшей истории...

Так или иначе, в тот год товарища Симона перевели в Тбилиси и поручили заняться одним весьма щекотливым делом. Но тут он не рассчитал: не то переборщил, не то его рвение было не к месту. Но тем не менее он не перестал пользоваться репутацией человека преданного и принципиального. Им непросто было пренебречь. Его не убрали, а лишь понизили и перевели на более легкую работу, в торговлю. Отделавшись легким испугом, товарищ Симон с удесятенной силой вступил в схватку с новым, совершенно незнакомым ему делом, принялся за чистку кадров, установление строжайшего порядка и железной дисциплины. Вскоре, как показалось ему, все наладилось — он получил квартиру и немного успокоился.

Маргарите вначале было нелегко в городе — рядом никого не было, она никого не знала и ей было очень одиноко. Она просила мужа разрешить завести хоть собаку (она боялась квартирных краж), мол, и квартиру постережет, и мальчик развлечется. Сначала товарищ Симон и слышать не хотел о собаке, но, выслушав доводы жены, согласился. Потом Маргарита постепенно перезнакомилась с соседями и вскоре нашла объект для своих забот — она стала покровительствовать Этери.

Тут мы должны вернуться немного назад, мой терпеливый читатель, чуточку назад, раз мы коснулись Этери, раз Маргарита наконец нашла ее, раз пересеклись пути Маргариты и Этери.

Тогда не было в ходу выражение «мать-одиночка» (хотя матери-одиночки, понятно, были!). Мать Этери была мать-одиночка, ребенка она родила «между прочим», между двумя заседаниями, двумя собраниями и двумя совещаниями. Родила и поняла, какие тяжелые кандалы сковали ее, насколько сложнее ей стало заниматься плодотворной общественной деятельностью. Ребенку она дала свою фамилию (не зная точно, от кого он родился), долго выбирала отчество и остановилась наконец на Иосифовне. Для девочки периодически нанимались няни. В начале тридцатых годов, когда в Грузии появились жители из Украины, в ее дом

пришла Дуся, которая и стала очередной няней девочки. В неделю раз чувствительная Дуся, тяжело вздыхая и глотая слезы, писала длинные послания своему жениху, оставшемуся на Украине. Целыми днями сидела сложа руки, таяла в мечтах и беседовала с Этери по-украински. Дуся исчезла в тот период, когда Этери болела. Она написала всего две строчки, мол, «пошла она за своим счастьем». Заботы о девочке полностью взяла на себя ее врач Натела. Этери была спасена, но, увы, рассудок ее был помрачен. Для ухода за девочкой мать привезла свою дальнюю родственницу, но и она продержалась недолго. Именно в это время и появилась Маргарита. Вечерами с девочкой бывала мать, а днем ее ангелом-хранителем стала Маргарита. Поначалу товарищ Симон запрещал ей бывать с девочкой, не понимая этой необъяснимой страсти. Потом махнул рукой (ему было не до того) и примирился с тем, что иногда за обедом с ними вместе сидела молоденькая девушка с причесанными по моде волосами, одетая в переделанные Маргаритины платья. Когда она молчала, выглядела вполне нормальной.

Вскоре семейство Габгабиа прибрало к рукам и третью комнату в новой квартире, и теперь иногда Маргарита оставляла Этери у себя и на ночь, так как мать девочки вышла замуж и с большим трудом находила время для дочки. Благодаря Маргарите Этери постепенно приучалась вести домашнее хозяйство и настолько преуспела в этом, что часто заменяла жену Каро, Люсю. Безумие редко посещало ее, а когда на нее находило, она украдкой пробиралась в свою старую комнатку, голой становилась на подоконник зарешеченного окна и с доброй улыбкой молча глядела на прохожих. Для нее не существовало ни войны, ни товарища Симона, ни Марклена. Она звала Маргариту мамой, беспрекословно подчинялась только ей и жила лишь благодаря ее заботам.

Товарищ Симон работал с привычной энергией и самоотверженностью до тех пор, пока с ним не случилась какая-то личная неприятность на работе (говорили, что его кто-то избил в его же кабинете, но это,

наверно, было неправдой...). Тут он, удивив всех, вдруг попросил должность, совершенно не подходящую для человека его ранга и положения. Попросил и получил — стал заведующим большой булочной, что на улице Кирова.

Что же оставалось делать, ведь была война?..

Что это было?! Разве можно это объяснить словами?! А может, ничего и не было, может, это придалось им обоим?!

Вспоминает он:

Это случилось в один из жарких летних вечеров, она уже жила одна, одинокая несчастная девочка. Я тихонечко приоткрыл дверь, она лежала на кровати в одной рубашке. Может, спала, или дремала?!

Дверь едва слышно скрипнула, закрываясь. Она вскочила. На меня глядели огромные испуганные глаза. Узнав меня, она вскрикнула, кинулась ко мне, прижалась к груди. «Не оставляй меня, пожалуйста, хоть ты не оставляй, умоляю тебя... — шептала она. — Я больше не могу быть одной, не могу. Не оставишь меня, скажи, не оставишь?».

Я поднял ее на руки и, вконец обессиленную, осторожно положил на кровать, opravил ей рубашку, сел рядом.

Она держала мою руку и, прижимая ее к груди, продолжала шептать:

«Ты ведь не бросишь меня, не бросишь? Что это со мной, не знаю! Видишь, я совсем не стыжусь тебя... Мне страшно, страшно!.. Ведь я совсем одна, я боюсь всего: и смерти, и людей, и даже себя... Ты ведь не такой, как все, ты ведь не такой мерзкий, как другие, ты ведь такой же, какой был? Ведь мы с тобой всегда были неразлучны, помнишь? Мы даже спали иногда в одной постели! У нас все было общим — и радости, и наше ожидание, и обиды, и печали. И все было так хорошо! Какое было счастливое время! А теперь ужели я совсем сошла с ума — лежу почти голая перед тобой и мне не стыдно, ведь та девочка с косичками, которая не знала, что на свете есть слезы и смерть, несправедливость и зло, голод и война, исчезла навсегда. Или все-таки вернулось то счастливое время,

и я опять стала прежней! Я верю тебе, как себе самой, и мне не стыдно, совсем не стыдно! Или, может, я и впрямь спятила, как наша бедная Этери? Я тебе верю, слышишь, я имею на это право! Что в этом странного? Разве у меня есть кто-нибудь, кроме тебя?.. О, боже мой, мне плохо! Мне холодно! Я вся дрожу! Укрой меня, пожалуйста. Я сейчас приду в себя, и все пройдет».

Я сидел убитый, чувствуя себя маленьким и беспомощным перед этим большим горем, и не мог сказать ни слова, ни единого слова, чтобы как-нибудь утешить, обнадежить эту родную мне девочку.

Да и что я мог сказать ей, что могло утешить и успокоить ее надорванную душу, унять эту боль? Любое мое слово было бы игрой и обманом, потому что я не испытал того же сам, потому что сам не имел права на это.

Что-то удерживало меня от того, чтоб кинуться в этот водоворот, — я чувствовал, что не должен этого делать, что нас обоих может спасти только моя сдержанность и бесстрастность, что я должен устоять потому, что я один буду за все в ответе...

Я вытащил из-под нее одеяло и укрыл ее. Она как будто успокоилась и задремала. Может быть, мне нужно было остаться, но я ушел, молча закрыв за собой дверь...

С тех пор меня постоянно мучает мысль, что же все-таки это было, что произошло с ней тогда?

Вспоминает она:

Боже, что это было, как это могло быть?! Но ведь было, было!

Поднимаясь по лестнице, я случайно увидела в окне моей «доброй соседки» мерзкую картину, такую мерзкую, что и представить себе невозможно, но я стояла как замороженная, не в силах отвести глаза, пока, пока... В глазах у меня потемнело, сердце застучало так, что готово было выскочить из груди, я чуть с ума не сошла.

Неужели люди могут так опускаться, неужели они все так омерзительны, все такие скоты?

Помню, вечер был жаркий, я разделась и легла в

одной рубашке — было душно, я чувствовала странное стеснение в груди.

Что делать, с тоской думала я, ведь я осталась одна-одинешенька, боже, как я беспомощна, а кругом — звери, злодеи. Как стемнеет, боюсь выйти из моей комнаты.

Меня охватила странная тоска, в горле стоял готовый вырваться крик. Я вся горела, руки вспотели, голова кружилась, рассудок помутился. Я была не в себе, не знала, бодрствую или сплю...

Вдруг слышу, кто-то ходит по комнате, я приподнялась и вижу — кто-то стоит и смотрит на меня. Я вскопчила как сумасшедшая — ну вот, и до меня добрался зверь, добрался и станет делать со мной что-то ужасное... Все во мне замерло, сердце похолодело, я почувствовала, что теряю сознание. Но тут я узнала Дато. Боже мой!

Я бросилась к нему, а он стоит встревоженный, испуганный. Я, дрожа, обняла его, он же шепчет мне на ухо: «Что такое, что случилось, что с тобой?! Успокойся, успокойся». Потом он поднял меня на руки и донес до кровати...

Я плакала и что-то говорила ему, а он держал меня за руку. Я совсем не чувствовала стыда оттого, что лежу почти голая. Наоборот, во мне против моей воли вспыхнуло вдруг острое желание быть с ним и только с ним, укрыться вместе с ним от этого разгула зла, бессердечия и варварства, от этого скотства, которое видно было в соседском окне, когда все обесценено — и душа, и тело.

Я не могу жить без него! — думала я. Я хочу быть с ним.

А он сидел беспомощный и растерянный, этот мужчина, в которого я верила, сдержанный, непреклонный, бесстрашный, готовый пойти ради меня на смерть. Я знала, что он не смотрит на меня, может, и смотрит, но ничего не видит, ни о чем не догадывается.

Я почувствовала вдруг страшный холод и пустоту, меня знобило, я что-то опять говорила, плакала. Потом он укрыл меня одеялом и... ушел.

Мне было стыдно, я ненавидела себя...

Что мне теперь делать, думала я, жизнь моя

кончена. Какая теперь разница между мной и сумасшедшей Этери?

Потом я увидела себя со стороны, растрепанную, заплаканную, с опухшими глазами, и ужаснулась. То, что я сохранила способность здраво рассуждать, успокоило меня, и я стала понемногу приходить в себя.

Я не сомкнула глаз до утра. Под утро я заснула, но спала беспокойно, бредила, звала маму. Но потом все прошло.

Все-таки что же это было? Может, ничего и не было? Нет, было, но я не хочу признаться в этом даже самой себе, потому что боюсь, потому что стыдно.

Было, было...

— Отар, вставай, пора!

— Оставь меня, еще рано, я спать хочу... поеду на трамвае...

— Где же рано, шесть часов утра уже, бичо! А если трамвай не ходит?

Отар закутывается в одеяло, пытается вернуть сон, но хорошо знает, что уже не сможет заснуть, знает, что мать от него не отстанет. К тому же она права, если трамваи не ходят — он может опоздать, а за опоздание сейчас строго взыскивают, если не представить справку о болезни, могут и под суд отдать, а кто ему справку даст?

И он встает.

В комнате холодно. Он торопливо натягивает брюки, влезает в фуфайку, ноги в белых шерстяных носках сует в старые, со стоптанными задниками отцовские туфли и выходит в переднюю умыться.

Из комнаты родителей доносится приглушенный разговор и волной плывет табачный дым. Значит, и отец проснулся, он работает на станкостроительном заводе (в газетах несколько раз писали о нем, а однажды даже фотографию поместили!), план он выполняет на 150 процентов и зарплату получает свыше двух тысяч (Отар же, как ни старается, больше 800 не зарабатывает). Отец Отара — типичный представитель рабочего класса, и он очень этим гордится — револю-

ция, мол, свершилась для таких, как я. Что правда, то правда!

Отар умывается и думает о том, где бы ему достать гильзу от противотанкового снаряда, которую обещал Марине! Скажем, даже если достанет бракованную, ржавую, как он ее пронесет через проходную? Вещь не маленькая, в кулаке не спрячешь! Ну да ладно, что-нибудь придумает, только бы достать. Для Марины он даже звезду с неба сорвет, не то что какую-то гильзу! Если сегодня в проходной стоит Харон (Хароном Отар, вслед за Дато, называет всех хмурых и бородатых стариков), он сумеет незаметно пронести ее...

Отар плещет себе в лицо ледяной водой и потом изо всех сил трет полотенцем щеки и шею. Ломтик хлеба, две картофелины, кусок сахара и чай — отличный завтрак!

Сверху на брюки он надевает ватные, влезает в кирзовые сапоги, отставшие подошвы которых вчера он подвязал проволокой (ну и что же, что видна проволока, кто теперь ходит в нормальных сапогах — только военные), влезает в засаленную телогрейку и нахлобучивает на голову старый суконный картуз. Он готов!

Крикнув родителям, что уходит, Отар выскакивает во двор. Утренний мороз обжигает лицо и уши.

Еще темно, медленно светает. Народу на улицах мало, лишь рабочие вроде него.

На трамвайной остановке уже собралась толпа. Отар прислонился тут же к столбу. Прошло пять, десять, двадцать минут... Ему стало холодно. Ноги замерзли. Чтоб не замерзнуть совсем, он стал ходить и притоптывать на месте. Все смотрели за поворот, откуда должен был появиться трамвай, вполголоса ругая трамвайное управление.

«Подожду до семи, а в семь пойду, не то опоздаю», — подумал Отар. Уже почти рассвело, но висел такой туман, что казалось, вот-вот пойдет снег.

Из-за поворота с грохотом и звоном выкатился трамвай. Люди висели на поручнях, буферах. «Как это я не сообразил пойти к той остановке, почему эти, что набились в вагоны, должны быть умнее меня?» — сердился на себя Отар. Трамвай замедлил ход, но никто не сходил, и он не остановился. Скрежеща на поворо-

те, он свернул влево и тяжело покатился в сторону Куры.

Толпа на остановке поредела, некоторые остались ждать, остальные ушли. «Оптимисты остались, я пойду пешком», — решил Отар. Ему предстояло пройти Мухранский мост, Каляевский подъем, площадь Шаумяна, длинную улицу Шаумяна, затем поворот направо и вновь длинное шоссе до Мелькомбината. «Да, порядочно! Ну, я потопал, может, трамвай догонит в пути».

На Мухранском мосту дуло так, что он обеими руками держал свой картуз. Медленно просыпался город. По ту сторону Метехского моста высоко вздымался единственный в городе минарет. Отара обогнала колонна красноармейцев. Они дружно пели: «Вставай, страна огромная...» Шли без оружия, с какими-то свертками. «Или в баню, или из бани», — догадался Отар.

В воздухе трепетали мелкие снежинки. Отар поглубже натянул картуз.

Завод, где он работал, бывший механический, теперь выпускал продукцию, которая незамедлительно грузилась в вагоны и направлялась прямо на фронт. Это были ручные гранаты и противотанковые снаряды.

Завод находился в Навтлуги, в открытом поле, близ Мелькомбината. Он состоял из четырех цехов, три из них были вместе, переходили один в другой, четвертый стоял отдельно.

Отар работал во втором цеху, где заряжали ручные гранаты. Сюда доставлялись пустые корпуса гранат и их закругленные жестяные рукоятки. Ручные гранаты выпускались двух видов: с рукоятками и без рукояток, их называли «лимонками». Производство было опасным, курить строжайше запрещалось, в проходной рабочих проверяли особо, чтобы не пронесли табак, спички... Тщательно проверяли и при выходе — порядок был военный.

В одном из цехов технический контроль проверял продукцию, затем ручные гранаты и снаряды заворачивались в вощеную бумагу и укладывались в ящики. Там же стояли баллоны со спиртом (перед тем как

завернуть в вощенку, продукция тщательно протира-
лась спиртом), а спирт представлял большой соблазн
для некоторых. Администрация не придумала ничего
лучшего, как вливать в баллоны немного керосина. Но
его все же пили. Один из рабочих, Халустов, по проз-
вищу «Золотые руки», стал жертвой страсти к спирту.

Завод был старый, кустарный, кое-как приспособ-
ленный для военных нужд. Рабочих было всего около
четырехсот человек. В помещении царил страшный
холод, и рабочие часто забегали греть оковеневшие
руки туда, где плавился воск. В тяжелых условиях де-
лалось большое дело — фронт в невероятных количе-
ствах поглощал ручные гранаты и противотанковые
снаряды. Завод работал круглосуточно.

Во втором цеху стоял длинный деревянный стол,
за которым каждый рабочий имел свое место. Работа-
ли в основном медными молотками (употребление
стальных молотков было запрещено — даже самая
маленькая искра могла вызвать взрыв). Кроме рукоя-
ток и полых корпусов ручных гранат, завод снабжался
пистонами, которые следовало посадить в готовые
гнезда, все делалось с особым тщанием и осторожно-
стью — все вокруг было взрывоопасным.

Работали в основном пожилые люди, много было
женщин и ребят — сверстников Отара. Сознавали ли
они, что были настоящими героями? Нет, но все хоро-
шо знали, как нужна фронту их продукция, какое
большое дело, делал этот кустарный завод, и, несмотря
на сложные условия работы, не щадили себя.

Были тут и те, кто уклонился от фронта, получив
«броню»... Некоторые многодетные матери в основном
работали из-за хлебных карточек (шутка ли — 700
граммов хлеба в день, тогда как иждивенцы получали
лишь 300).

Завод обслуживала так называемая столовая.
Хлеб рабочие должны были приносить свой, на обед
же получали горячую похлебку — «баланду», как ее
называли, в которой воды было больше, чем чего-ли-
бо другого. Иногда варилась жиденькая каша или суп
из пшена, гороха, фасоли, бурака, все это сдабрива-
лось красным пальмовым маслом. После такого обеда
еще больше чувствовался голод.

Завод работал в две смены: с 9 утра до 9 вечера

и с 9 вечера до 9 утра — все 24 часа. Лишь один цех, считавшийся особенно вредным, работал в три смены по 8 часов.

Тут были грузины, русские, армяне, азербайджанцы.

Часть рабочих, в основном эвакуированные, самые квалифицированные, жили вблизи Метехского замка в ветхом здании, торжественно именуемом «рабочим общежитием», но менее всего приспособленном для этой цели. Большинство же ходило на работу из города.

Бригадир Отара, Иван Кузьмич, еще не старый человек с белыми, как вата, усами и бородой, словно приклеенными к его длинному лицу, выполнял обязанности и простого рабочего. Стоило ему только окинуть взглядом длинный рабочий стол, как он сразу замечал, кто работал, а кто просто делал вид, что работает. К лентяям и нерадивым он был беспощаден.

— Дружок, — говорил он обычно, и в голубых его глазах сверкали льдинки, — разве тебе не известно, что ты производишь? Замечу еще раз и — прощай...

Ох, как трудно было работать двенадцать часов, опустив голову и не распрямляя спины!..

Отар добрался до завода вовремя. От быстрой ходьбы он был весь в поту. Стоявший в проходной Харон пропустил его, не проверяя, — Отар не курил и вообще пользовался доброй славой. «Потому что сын рабочего, — сказал как-то Харон, — наша рабочая косточка».

«Если сегодня дежурит Тоня, работать будет легко», — вдруг подумал Отар, входя в свой цех, и тут же услышал веселый голос Антонины Павловны. Он мысленно представил себе ее лицо — серые глаза, курносый нос, улыбающиеся губы и сверкающие белизной влажные зубы.

Отар в том возрасте, когда уже заглядываются на женщин. Когда он смотрит на Тонию, он теряется, отводит взгляд и краснеет, сладостная дрожь пробегает по телу (он часто видит ее и во сне).

Антонина Павловна — женщина примерно 30—32 лет, высокая, стройная, с высокой грудью, белыми, как мрамор,

мор, руками. Иногда она стоит совсем близко, и тогда Отар чуткими ноздрями улавливает запах сильного и здорового тела...

— Ну что, Отарик, много наработал? — пропоет, бывало, Антонина Павловна и, не дожидаясь ответа, проходит мимо.

Вот ведь Ольга Николаевна, мастер цеха, тоже красивая женщина, но ребятам все же нравится Тоня, по ней тайно вздыхают все. Бывало, Ольга Николаевна подойдет, обнимет за плечи склонившегося к столу Отара, и он ничего такого не чувствует. А если Тоня его обнимет? Ого!

Тоня ходит по цеху, словно лебедь, улыбается, смеется, но в отделе технического контроля, где она работает, держится как строгий, непреклонный судья: ее острый взгляд и проворные пальцы легко обнаруживают любой брак.

— Начали! — крикнул Иван Кузьмич со своего места во главе стола, и Отар взял первый корпус ручной гранаты...

Они работают, опустив головы, молча, сосредоточенно. Холодно, но их согревает сознание того, что каждое движение их рук — это помощь фронту, а помогать ему — долг каждого.

И в осознании этого долга — счастье. Счастье — что нужен другим, что твоими маленькими руками делается большое общее дело, что работаешь, не разгибая спины, весь день во имя чего-то такого, что нужно всем и нужно тебе.

Что же такое счастье, если не это?

Морозный декабрьский вечер.

У ограды небольшого сквера, притоптывая от холода и согревая руки дыханием, стоят Марклен и Чабриа. На Марклене пальто с меховым воротником, теплая шапка. Чабриа в своей неразлучной телогрейке и пестрой летней кепке.

Они стоят перед затемненным зданием госпиталя, над воротами которого светится тусклая лампочка, и ждут Дато, который ненадолго забежал в госпиталь по делу. Дато часто ходит в госпиталь, ребята привыкли к этому и перестали его спрашивать, зачем

он туда ходит. Они собираются идти к Отару, который сегодня работает в ночную смену.

— Холодно, правда? — спрашивает Марклен.

— Нет, жарко! — отвечает Чабриа, прыгая на месте. — Давай махнемся пальто.

— Еще чего! — говорит Марклен. — Мне и в нем холодно, черт подери... Куда он запропастился, непонятно. Чабро, давай потом пойдем к Эльзе, у нее тепло...

— Это еще кто?

— Маринина соседка, познакомлю тебя, она из веселых женщин...

— Из каких таких веселых?

— Сам знаешь, нечего прикидываться!

Чабриа молчит. «Дурак этот Марклен. Если она соседка Маринны, как мы можем пойти к ней? А вдруг встретим Марину?». Затем после недолгого молчания произносит:

— Ты иди, я потом приду...

— Мне одному стыдно!

— Такие вещи делаются в одиночку.

— Ну, не хочешь, не надо, тогда пойдем к тебе, и ты меня нарисуешь.

— В другой раз... Ты говоришь, ее Эльзой зовут?

Скрипя, медленно открываются ворота госпиталя и появляется грузовик, груженный толстыми мешками. Он, осторожно высунув плоский нос, выползает из ворот, сворачивает направо и исчезает в переулке.

— Чабро! — хватает его за руку Марклен. — С машины что-то упало...

— Где? — напрягся Чабриа.

— Вон там, в переулке...

Они подбегают к валяющемуся на мостовой здоровенному мешку, точнее, полосатому наматраснику, набитому чем-то мягким, хватают его и, оглядываясь по сторонам, затаскивают в темный подъезд.

Чабриа торопливо развязывает мешок и сует туда руку.

— Ну, что там? — нетерпеливо ноет Марклен.

— Ботинки, кажется, шинель или одеяло, похоже, шапки, перчатки...

— Не может быть!

— Постой, тут еще что-то, мешок длинный, не достаю рукой.

— Сейчас Дато появится...

Чабриа мигом вскидывается и торопливо говорит Марклону:

— Ничего не говори ему, не то... заставит вернуть. Ты давай иди к нему, скажи, что, мол, Чабриа замерз и ушел... А я тебя здесь подожду, тут темно, никто меня не увидит... Постарайся как-нибудь отделаться от Дато...

— Знаешь, лучше затащим мешок под лестницу.

Они тащат мешок под лестницу, в темный угол, Чабриа садится на него и толкает рукой Марклена, чтоб тот ушел. Марклен выходит на улицу и оглядывается. Переулок безлюден. Он возвращается к госпиталю.

Вскоре появляется Дато.

— Где Чабриа? Чего глаза вылупил, что-нибудь случилось?

— Ничего, что могло случиться? Просто Чабриа замерз и пошел домой...

— Пошел домой? Странно. Что, дома его горячая печка ждет? — усмехается Дато.

— Мы тебя ждали, ждали... Он взял и ушел. Пойду-ка и я домой, отогреюсь, а потом приду к Отару...

— Что это с вами, а, ребята? — Дато расстегивает пуговицы короткой солдатской шинели и улыбается. — Что за холод такой, что вы оба замерзли? Ты-то да, понятно, но чтоб и Чабриа?.. Уж не ввязались ли вы в какую-нибудь историю?..

— Ты что, спятил? Ну, я пошел...

— Идите к черту! Я-то думал, поможете мне! Не хотите и катитесь! Тоже мне мужчины! — насмешливо говорит Дато и возвращается в госпиталь...

Через полчаса ребята втащили мешок в подвал Чабриа. Плотнo прикрыв за собой дверь, Чабриа щелкнул выключателем, но свет не зажегся.

— Черт, опять света нет, — проворчал он. — погоди, у меня где-то должна быть лампа, кажется, и керосин есть в ней. Не двигайся, а то опрокинешь что-нибудь. Где-то тут должна быть, на полке...

Чабриа нащупал лампу и, чертыхаясь и прокли-

ная тьму, стал искать спички. Марклен стоял, не двигаясь...

— Ох, черт! Да вот они у меня в кармане, — Чабриа, нащупав лампу, переставил ее на расшатанный стол и, сняв с нее стекло, сунул его Марклену. — Держи, если положу, покатится.

Наконец зажгли лампу, подняли мешок и положили на кровать.

— Ну-с, начнем! — торжественно воскликнул Чабриа и, засучив рукава, словно фокусник, развязал мешок. — Что это такое? Так, одеяло. Ну, одеяло — мне. Две пары ботинок, одна мне, вторая — тебе. Постой, постой, какие лучше — так, вот эти мне! А это что? Шинель, хорошая шинель. А второй нет? Посмотрим. Это — на матрасники, это — одеяло, еще на матрасники, еще одеяло. В чем дело? Почему нет второй шинели? Это — шапки, ушанки, одна — мне, другая — тебе. Второй шинели нет. В таком случае эта шинель — мне, ты и без того буржуй, у тебя теплое пальто. Шерстяные рукавицы, целых три пары: две — мне, одна — тебе. Уф! Все, больше ничего нет... — Чабриа бросил на пол пустой мешок и присел на кровать.

Марклен стоял, не двигаясь. Смешно висели на нем набросанные на плечи на матрасники и одеяла, в одной руке он держал ботинки, в другой — рукавицы.

— Вот повезло! — возбужденно говорил Чабриа. — Завтра же поеду в деревню, через два дня — Новый год, повезу это барахло нашим, вот обрадуются! — Чабриа взглянул на Марклена и умолк на полуслове.

— Что с тобой, Марко?

— Знаешь что?.. Возьми все себе, я ничего не хочу, мне ничего этого не надо... — Марклен положил на кровать все, что висело на нем. — Да и домой нельзя это нести.

— Ты что, с ума сошел? Продашь на барахолке...

— Нет, не хочу, возьми все себе!

— Но почему? — растерялся Чабриа. Возбуждение его как рукой сняло. Он сник и как-то безрадостно произнес: — Может, отнесем обратно, бичо? Может, это вещи какого-нибудь раненого и их везли на склад,

на хранение?.. Если узнает Дато, головы нам поотры-
вает...

— Как же он узнает? Ты все повезешь в деревню,
а я ничего не скажу...

— Так я тебе и поверил! — разозлился вдруг Чаб-
риа. — Если понадобится тебе — скажешь. Ты забыл,
как наябедничал насчет моего проигрыша? Меня чуть
из школы не выкинули... И выкинули бы, если б не
отец Отара...

— Я наябедничал? Клянусь мамой, нет! Просто
в разговоре с нашими девчонками с языка сорвалось,
кто-то сказал, а меня вызвали в комитет комсомола и
допросили. Я же, глупец, с гордостью рассказал им о
нашей дружбе и взаимовыручке. Я это как положи-
тельный пример... Они же целое дело создали и меня
чуть тоже не исключили из комсомола. Откуда мне
было знать, что так обернется? Я думал, это — поло-
жительный пример...

— Хм, положительный! Игра в кости — и положи-
тельный пример! Дурак ты, Марклен, дурак! Если б
не Дато, если б он не привел отца Отара, то мне бы
крышка... Значит, не хочешь брать это барахло?

— Не хочу, дорогой, не хочу. Тебе оно нужно, ты
и бери. Может, их хозяев и в живых уж нет...

— Как знать... — печально сказал Чабриа.

Заметив, что лампа коптит, Марклен прикрутил
фитиль и только сейчас увидел, что одна стена цели-
ком увешана рисунками. Он подошел и стал рассмат-
ривать: рисунки были сделаны карандашом и углем.
Вот их бывший директор Григол Угрехелидзе, а вот
школьные учителя, это — Соломон, это — Эфро,
это — «Паук» Ба! Вот и сам Марклен, Дато, Марина...

Марклен подошел к картине вплотную. Какая она
красивая, Марина: волосы — на прямой пробор, бро-
ви как ласточки, точеный нос, крупные губы, длинная
шея...

— Чабро! Дай мне вот это, больше ничего не хочу!

— Для чего тебе? Это я для Дато нарисовал...

— Чабро, умоляю...

— Не валяй дурака!

— Ну, прошу тебя! — Марклен вдруг встал перед
ним на колени и обхватил его руками за поясницу. —
Что хочешь взамен проси, хочешь вот пальто тебе от-

дам, дома скажу, что ограбили. Что хочешь дам. Ты ведь еще можешь нарисовать...

Чабриа удивленно заглянул в его полные слезы, потом убрал его руки, подошел к стене, снял рисунок и протянул ему. Марклен взял его, вскочил и стал расстегивать пуговицы пальто.

— Ты что, совсем с ума сошел, товарищ Симон? Я не продаю рисунки, я подарил его тебе, понял?

— Чабро, я этого никогда не забуду!

— Что мне делать с этим барахлом? — Чабриа с тоской оглядел кровать.

— Тебе виднее! — уже из-за двери ответил Марклен и помчался вверх по лестнице...

Чабриа сидел на кровати, задумавшись и подперев голову обеими руками. Потом, глубоко вздохнув, встал, задул лампу, запер двери на ключ и пошел искать Дато...

Зацвели маки... Небольшая поляна сплошь усеяна красно-черными головками на упругих стебельках.

Отсюда, с горы, где стоит Цхнети, хорошо виден Тбилиси и его окрестности — слегка зеленеющие склоны хребта, несколько домиков маленького селения Глдани, раскинутая в форме неправильного треугольника равнина Сабуртало и втиснутый в ущелье Куры город. Прохладный ветерок качает головки маков, и ласково колыхается поле. Не слышно ни мужского говора, ни гомсна детей, ни мычания скота. Деревня словно вымерла. В Верхнем Цхнети виднеются несколько правительственных дач. Иногда по узкой дороге пропылит черная квадратная «эмка», жучком проползет деревню и свернет к тем дачам.

По утрам омытая ночным дождем земля издает удивительный запах: запах свежей травы, старого сена, лопнувших почек и зацветающего орешника...

Богаты темно-зеленые сады Кахети, хороша Алазанская долина, кокетливо-привлекательны чистенькие деревеньки и словно начищенные до блеска листья негустых лесов и роц Имерети и Гурии, сказочна лазурь моря и буйство цветов и зелени Абхазии и Аджарии,

но взгляните внимательно: в этой, казалось бы, уютной и суровой природе Картли есть своеобразная неповторимая прелесть!

Взрыхленная копытцами овец тропинка ведет к роднику. Родник выложен неровными глыбами серого камня, так накрепко соединенными друг с другом древней известью, что они продержатся еще добрых тысячу лет. По ржавому каменному желобу бежит вода, и какая вода! Над родником высится одинокий дуб. Его мощный ствол не берет топор, об его окаменелую кору обламываются зубья пилы!

Природа здесь скупа на красоты; гроздящиеся друг на друга, словно морские волны, холмы и хребты голы, хмуры и неприветливы. Но здесь все крепко и надежно, легко переносит суровую зиму и знойное лето. Так же крепок, надежен и непритязателен карталинский крестьянин, чья грубая чоха цвета бурых хребтов так же естественно вписывается в этот суровый пейзаж, как и прочно выстроенный из камня того же цвета дом, как и эта каменная облицовка родника, как и этот одинокий, нестареющий дуб с толстыми, деревоподобными корнями, накрепко вцепившимися в бурую землю.

Волнуется на ветру маковое поле...

— Фидо, эй, Фидо! — рассерженный женский голос вывел из задумчивости Дато. — Где ты пропал, бичо, а? Фидо-о-о!

— Иду! — Из кустов вылез мальчонка лет шести-семи и помчался к дому. Широкие штанины грязных брюк били его по щиколоткам, синяя блуза надулась пузырем.

Он побежал к высокому кирпичному забору, над которым показалось загорелое женское лицо, и встал, почесывая друг о друга босые, вымазанные в грязи ноги.

— Отвел корову куда было сказано?

— Отвел, отвел...

— Принеси воды...

Голова женщины скрылась, потом появилась снова, и руки с закатанными рукавами протянули мальчику огромный глиняный кувшин. Мальчик взялся за кувшин и направился к роднику. Лишь теперь он увидел Дато.

— Вам кого-нибудь нужно? — спросил он, опуская кувшин на траву.

— Нет, — рассмеялся Дато. — Я иду в Кикети!

— В Кикети-и-и? — Мальчик опять взялся за кувшин. Дато направился следом.

— Что тебе надо в Кикети, а? — спросил мальчик, ставя полный кувшин на землю и вытирая мокрые руки о штаны.

— Дела там. Как же ты потащишь этот кувшин, бичо, он же с тебя ростом? Дай помогу...

Мальчик усмехнулся. Подняв обеими руками тяжелый кувшин, он прижал его к животу и, переваливаясь от тяжести, быстрым шагом пошел к дому... Дато невольно улыбнулся — муравей тащил груз размером с себя! Присев на камень, он стал ждать.

Мальчик вскоре вернулся.

— Тебя зовут Фидо, да? — спросил Дато и уперся локтями в колени. У ног его лежала сумка с красным крестом.

Мальчик смотрел в сторону, ковыряя большим пальцем босой ноги землю, и не отвечал.

— Ты что, не хочешь говорить со мной?

— Зачем ты идешь в Кикети?

— Сказал ведь, у меня дело там.

— А тебя как зовут?

— Дато. А где твой отец, Фидо?

— Где, где... На фронте...

— Братья и сестры у тебя есть?

— Нет...

— Значит, ты — глава семьи?

— Почему я? Мама.

— Письма от отца приходят?

— Приходили. Ну, пойду я, присмотрю за коровой, — сказал Фидо и сорвался с места. Дато улыбнулся, провожая его взглядом.

Посидев немного, он встал, попил пригоршнями ледяной родниковой воды, потрогал дуб, вскинул сумку на спину и пошел по дороге. Из-за кустов за ним следил Фидо...

Под вечер, возвращаясь из Кикети, Дато снова присел у родника. Он был доволен: осмотрел пустую-

щие дома, где собирались открыть летний филиал госпиталя, побеседовал с врачом военной части и передал ему письмо начальника госпиталя майора ^{Дмитрия} Джишкариани. Все поручения были выполнены...

Жара уже спала. Качались на высоких стеблях маки на маленькой зеленой поляне. Заходящее солнце золотило дальние хребты.

— Был в Кикети? — вдруг услышал он и обернулся.

— Был, а как же! — ответил Дато и подвинулся на камне.— Присядь, расскажи, что ты сегодня делал.

Фидо, как старый знакомый, присел рядом и рассказал, что пас корову, наколот дрова, носил маме воду для стирки. «Семь полных кувшинов принес!»

Утром, когда он увидел Дато, сердце его дрогнуло — он подумал, что Дато принес весть от отца. Когда же он услышал про Кикети, то понял, что ошибся.

Нет, Фидо в школу пока не ходит, с осени пойдет.

Как долго идут отцовские письма! «Все нету и нету!»

Нет, они с матерью не одиноки. В Цхнети живет родня матери, тетки (их мужья тоже «там»!), есть у него и дедушка. Он бригадир. Мать продает молоко и мацони в Тбилиси.

Нет, ишака у них нет, мать носит глиняные кувшинчики в сумках. Иногда она берет с собой и Фидо. Они торгуют в Ваке и на Вере.

Нет, в Сололаки он пока не бывал, это не их район, там торгуют крестьяне из Окрокана. На Плехановском он тоже не бывал, и на улице Камо тоже. Но если он там окажется, то непременно повидает Дато.

Читать и писать он пока не умеет, кто бы его научил? У него есть лишь один ржавый кинжал да отцовская шапка, которую он носит зимой.

— Фидо, а волков тут зимой нет, не боишься волков?

— Какие там волки! Шакалы есть, зимой они часто плачут по ночам...

Дато извлек из кармана большой перочинный нож с деревянной ручкой и протянул ему:

— На, дарю тебе, только не порежься.

У Фидо так и заблестели глаза, но он спрятал руки за спину.

— Бери, Фидо! Посмотрим, что еще у меня есть? Дато раскрыл сумку и вынул два пакетика бинтов. На, отдай матери.

— Бинты? Для чего нам бинты?

— Пригодятся — молоко там процедить, рану перевязать, мало ли что?

— Ладно, давай, — ответил Фидо, взяв в зубы нож — штаны были без карманов.

— Придешь ко мне, когда будешь в городе?

С ножом во рту, Фидо несколько раз энергично мотнул головой и, не простившись, помчался домой...

Уже смеркалось, когда Дато спустился в Багеби. С кладбища выходили одетые в черное женщины. Город дышал зноем, но тут еще чувствовался прохладный ветерок из Цхнети.

Дато шел и думал обо всех маленьких Фидо, которых война лишила отцов и впрягла в тяжелое ярмо жизни. Он шел и думал о том, что станет с Фидо, когда тот вырастет: станет трудягой, верным и крепким мужиком, вроде того дуба, что растет над родником и сверху глядит на зеленую поляну, усеянную красно-черными маками...

Тяжело умирать. Невыносима мысль о том, что уходишь навсегда, зная, что умираешь и тебя не станет...

Тяжело оплакивать самое себя и ждать чуда, в которое уже не веришь.

Тяжело дышать, усталые легкие не могут вдохнуть достаточно воздуха...

Мама, бедная моя мамочка, ты осталась совсем, совсем одна, хотя мы все тут, с тобой. Я вижу, как тяжело тебе, как тебе жаль себя, слезы текут из твоих глаз и тут же высыхают на пламенеющих от жара щеках. Давно умерли те, кого ты больше всех любила. Тебя, мою любимую, добрую, ждет то же самое... Почему, почему должно быть так? В чем ты провинилась? Ты была такой верной, стойкой. Может, именно в этой стойкости и твердости кроется причина твоей трагедии? Если бы ты была легкой, ветреной, бездумной, может, не поразила бы тебя эта болезнь?

Где же справедливость? Пробьет час, и остаешься один, лицом к лицу со смертью, и никто и ничто не спасет, не защитит.

Почему наша семья была отмечена каким-то трагическим знаком? За какие грехи мы отвечаем? Кто объяснит, закономерно это или случайно?

Вот сидят наши бабушки, моя и Дато. О чем они думают? Оплакивают тебя и тех, кого родили, вскормили, вырастили и собственными руками уложили в землю? Оплакивают тех, кто умер вдали? Оплакивают погибшие в этой войне тысячи и тысячи молодых жизней? Может, в их души тоже вселяется смерть и оттого сидят они так спокойно? Старость мудра, мудра и беспомощна...

Все было тщетно: не спасла тебя ни жажда жизни, ни наша любовь к тебе, ни твое ожидание чуда... Кто виноват? Разве бывают виновные в трагедии?! Лишь в фарсе на сцену выходит убийца с кинжалом, или злой дух. Я давно поняла это. Виноваты время и обстоятельства. Тот, кто попадает меж их равнодушными и тяжелыми жерновами, обречен. Даже если он не виновен ни в чем, потому что, оказывается, так надо. Почему надо, кому надо? Вот и ты оказалась между молотом и наковальней, и кончено! Но почему, почему?! Как все бессмысленно! Перед лицом смерти все остальное кажется бессмысленным.

Но это невозможно! Невозможно, чтоб все было бессмысленно! Я должна подумать. Я не верю в фатальность и судьбу. Что же это в таком случае? Случайная закономерность? Если случайная, то какая же это закономерность? Закономерная случайность? А что это такое? Кто мне объяснит? Я окончательно запуталась. Если рассуждать просто, например, так: у мамы плохая наследственность (рано умершие братья), затем — внезапная смерть отца, потеря мужа, эта война, постигшая нас нищета... Разве понятно? Ничего не понятно! Главный вопрос: почему именно она, почему именно ее постигло столько несчастий? Кто может сказать, какой жестокой закономерностью объясняется это? Не знаю, не знаю, не нахожу ответа... Кто может сказать, для чего мы являемся на этот свет и куда мы исчезаем, умирая?

Мама, родная моя!.. Все уже будет без тебя: и моя

жизнь, и конец войны, и весна, и возвращение отца, и любовь, и деревья, и солнце, и синяя речка... Почему? В чем ты провинилась? В чем виновата я? Кому бы помешало, если бы мы с тобой были вместе еще хоть немножко, может быть, и на нашу долю выпало бы немного счастья, немного удачи, хоть щепотка радости... Как помимо своей воли несешься ты теперь в темных волнах смерти... Прощай, моя родная!

Разве такие уж странные эти взрослые? Оказывается, не такая уж простая штука эта жизнь, как казалось раньше, и вовсе не по собственной воле осложняют эту жизнь люди. Оказывается, жизнь человеческая состоит из цепи поступков и действий, и каждый поступает и действует сообразно своему характеру и обстоятельствам.

Потому-то мне теперь вовсе не кажется странным возвращение в деревню моего дедушки после той знаменательной беседы и его странное поведение там. Я не понимал тогда, не мог знать, насколько все это сложно. С годами появляется и способность глубже постигать и осмысливать явления.

Когда жизнь почему-либо не удовлетворяет человека, вероятно, вполне естественно его стремление хотя бы мысленно вернуться назад и окунуться в прошлое, которое он склонен приукрашивать, хотя в нем было, конечно, тоже много сложного, противоречивого.

Человек обладает удивительным свойством: он запоминает некоторые события прошлого лишь в желанном ему виде, чаще всего забывая все плохое. Отсюда — совершенно неожиданный для меня вывод: человек считает, что был счастлив лишь в прошлом, в прожитом, так как настоящее настолько сложно, что воспринять его как счастливое бытие обычно человеку не под силу (ясный пример — история моего деда). Конечно, это не всегда и не со всеми так (это было бы странно!), но думаю, что это наблюдение все-таки верно.

Так или иначе, но каждому поступку, каждому действию, даже бездействию людей, которые лишь на пер-

вый, поверхностный взгляд кажутся странными, можно найти объяснение.

Сейчас меня не удивляет то, что моя и Мариинина бабушки никак не могли успокоиться и упорно твердили, что в поисках правды дойдут до самого товарища Сталина. Они верили в справедливость, ведь если человек утратил веру в конечное торжество справедливости, он не может жить дальше полноценной жизнью.

Сейчас мне понятен и «конфликтный» характер мамы. Главное то, что она не может не говорить вслух то, о чем другие говорят только тайком, не боится открыто высказать то, что думает.

Несмотря на то, что эта черта ее характера вызывает конфликты, неприятности, напряженность во взаимоотношениях с другими, я считаю ее одним из редких и лучших качеств человеческого характера. У мамы это не желание самоутвердиться или привлечь к себе внимание (об этом она вообще не думает), а стремление к общественной пользе. Итак, человек не может ощущать себя полноценной личностью без общей веры в то, что общественно-полезное, как правило, выше лично-полезного.

Что же касается дедушкиной идеи «уравновешивания», я понял, что она несостоятельна. Сколько я ни старался проверить ее на практике, ничего не вышло. Сперва я проанализировал события за десять лет, потом — за двадцать. Безрезультатно... То, что недоказуемо, следует отвергнуть. Наш преподаватель физики говорил, что человек еще далек от постижения и объяснения всех законов природы, что еще будут открытия, и открытия удивительные, но основные законы как будто уже все известны.

Возможно, существуют иные миры, где действуют другие законы, но, думаю, то, что природа нашего мира совершенно равнодушна к бытию, судьбе и существованию человека, не требует особых доказательств. И так как помимо природы, помимо материального мира не существует никакой другой потусторонней силы, то идея «уравновешивания» ошибочна.

Быть может, высказанная Мариной мысль, что будущее будет светлым, не имеет ясной связи с идеей «уравновешивания», но в упрощенном виде она внутренне связана с ней, это ясно. Во всяком случае Ма-

рина убеждена в том, что наша сегодняшняя жизнь
противоестественна и что в будущем она как-то долж-
на «уравновеситься».

Эта вера обусловлена внутренней тягой человека
к полноценному бытию. И даже свойственное Марине
стремление к «симметрии» и «гармонии», вероятно, для
нее (как и для многих) есть неосознанное стремление
к полноценной жизни...

Подходит к концу и второй год войны.

Мама много работает, очень устает. Бабушка в де-
ревне воюет с землей, Марина тяжело переживает
смерть матери и борется с одиночеством.

Не может быть, чтобы эта война не закончилась
нашей победой. У нее ведь тоже есть свои законы, и
скоро должен начаться перелом.

Вера и действие, и никаких жалоб! Все должно
быть хорошо, все должно «уравновеситься!» (Оказы-
вается, и я в это верю!).

А насчет того, что мне взрослые казались странны-
ми, чувствую, что и я взрослею и вступаю в ряды этих
«странных». И теперь я твердо знаю, что ничего стран-
ного и необъяснимого на этом свете не бывает. Дей-
ствия всех людей можно объяснить. Объяснить, но не
оправдать!

Спит Симон Габгабиа. И видит во сне себя сидя-
щим на стуле в огромном зале. В зале шумно, полно
народа, и все почему-то смотрят на него, а может, на
кого другого? Он огляделся; и впрямь, рядом с ним
стоят двое в милицейской форме! Но зачем стоят, кого
охраняют? Неужели меня? Но почему? Что случилось?
Почему я здесь, а не в зале, там, с людьми?

Товарищ Симон вскочил, хотел было бежать, но
не смог сдвинуться с места. В чем дело? Кажется, я
во сне — ноги не слушаются, будто я пригвожден к
полу... Он качнулся на месте и снова сел. Тут, навер-
ное, какая-то ошибка.

Вдруг раздался голос, очень знакомый голос, но
чей? О чем это он? Не понять. Как странно, говорящий,
оказывается, висит в воздухе, ноги его не касаются по-
ла. Как же он держится в воздухе и что он говорит?

— Товарищ общественный обвинитель в чем-то странном обвинял тут гражданина Габгабиа Симона. Нет, нет, я говорю не о его деятельности в той несчастной булочной, нет, я — о другом. О том странном обвинении, помните?! Нет, тут не было сказано прямо, что в той старой трагедии (нашли что вспомнить) виновен именно гражданин Габгабиа Симон. Прямо не сказали, но достаточно ясно намекнули (мы-то понимаем, что к чему). Но разве можно человеку, случайно попавшему на скамью подсудимых, предъявлять еще и это, столь страшное обвинение?

В чем меня обвиняют? Кто обвиняет? Чего им от меня надо?

... — И я, общественный защитник, если сейчас же не докажу невиновность этого человека, кое-кто и впрямь подумает, что он преступник, злодей. И это бросит тень на его безупречную идейную жизнь, на его преданность делу, и может усугубить его и без того тяжелое положение. Но если бы речь шла только о нем, может, я и не сказал бы ничего, так как порой малейшая попытка оправдать человека сама по себе уже подразумевает его виновность. Раз уж понадобилось кому-то оправдаться, вроде он и вправду виновен в чем-то...

Как странно и путано говорит этот человек! В чем меня обвиняют, хотелось бы мне знать, и кто обвиняет? Покажите-ка его! Чего им от меня надо? Господи, как душно, открыли бы окна! Ну-ка, ну-ка, это который же меня обвиняет?.. Нет, это просто ошибка какая-то, ошибка! Может, настал конец света?..

— Повторяю, я не касаюсь темного и запутанного дела о булочной, так как дело это настолько давнее...

Давнее! Давнее! Давнее! Кажется, я спасен...

... — что никакого значения уже не имеет. Я говорю о другом. Симон Габгабиа всегда поступал в соответствии с законами. Но, видимо, были обстоятельства, которые, по субъективному мнению, высказанному тут некоторыми, требовали иных действий, нежели те, которые совершал в то время гражданин Габгабиа, и, следовательно, раз теперь его нужно оправдывать, значит, когда-то и у кого-то зародились подозрения на его счет...

Что же это такое, а? Люди добрые, что происхо-

дит? Разве я когда-нибудь поступал неправильно? Разве я не всегда был верен делу? Ничего не понимаю, в глазах темно, может, выключили свет?! Или я уже где-то в другом месте? Зачем я тут?.. Чего вам от меня надо, люди?! Отпустите меня, умоляю, освободите, мне не хватает воздуха, воздуха...

— Нет, граждане судьи, если бы то, что было сказано или подразумевалось в сказанном, касалось только его, я бы не обронил и слова, не стал бы оправдывать, и мое молчание свидетельствовало бы о том, что сказанное здесь вовсе не касается гражданина Габгабиа Симона и нет необходимости ему в чем-то оправдываться. Я не имею в виду давнее дело, связанное с булочной...

Что они пристали к этой булочной, что за дело? Разве это преступление, что я уношу оставшийся хлеб (слышите, оставшийся!), уношу, чтоб не заплесневел... Я ведь помогаю и некоторым соседям тоже... Ведь теперь, в разгар войны, все нуждаются. И нуждаюсь я тоже... Нет, тут говорят о чем-то другом, о чем-то другом... Это месть, чья-то месть... Но ведь вот вижу знакомые лица... Что же произошло, что произошло, люди добрые?!

— Прошло десять лет с окончания войны, и ни к чему сейчас вспоминать старое. Но обвинение, прозвучавшее тут, касается не только гражданина Габгабиа Симона, подразумевались тут многие другие люди, как известно, жертвовавшие собой ради общего дела, осуждению подверглось все то, что происходило в те времена, и я обязан выступить и постараться оправдать поступки гражданина Габгабиа, поскольку и я представитель того времени, того поколения, которое и впрямь выполнило историческую роль...

Это правда! Это правда!

... — в деле упрочения государства...

Совершенно верно, мы укрепляли государство!

... — в идеологическом воспитании, чистке и сплочении народа!

И это — правда! Мы идейно очищали и идейно спланивали! Почему так зашумели в зале? Правду товарищ сказал, чистую правду!

— Да, да, именно идейно... Что за выкрики? Что значит — «за чей счет»? Когда лес рубят, щепки летят!.. Дайте сказать, я имею на это право... Не кричите, прошу вас, дайте сказать!.. Да, их честность и преданность заслуживают оправдания. В наше время понять их трудно, сложно, но я настаиваю... Я хочу сказать и то, что гражданин Габгабия гордится тем...

Что он говорит, мне нечем гордиться! Ничем я не горжусь, я простой, рядовой солдат...

... — и вы прекрасно знаете, что он никогда, никогда не совершал несправедливых поступков...

Это правда! Этим я горжусь...

... — всегда был стойким и безупречным...

Верно, я всегда был безупречен!

... — насколько это возможно в нашей сложной жизни...

Что за шум опять, что за выкрики? Это возмутительно! Это безобразие! Куда смотрит председатель? Как обнаглели, а? Жалко, что я... Ага, вот и председатель наконец зазвонил в колокольчик... Все равно ничего не слышно. Дайте послушать! Этот человек говорит правду!..

— ... Люди, о которых здесь говорилось, почти все умерли, вряд ли кто остался в живых... Да, большинство из них лежит в могиле, те, кто были близкими друзьями гражданина Габгабия Симона, который совершенно случайно оказался на скамье подсудимых и обвиняется в ложном доносе на некоторых из них, в том, что он их коварно предал!

Что за шум опять? Чего они хотят? Господи, помоги, господи...

— Тут кто-то говорил о том, что гражданин Габгабия, именно Габгабия виновен в безвременной их гибели. Что он — причина их горькой судьбы. Но что мог сделать этот муравей, это насекомое, этот несчастный? Нет, граждане, этого не может быть. Смотрите, он утирает горькие слезы, что теперь льются у него из глаз. Он плачет, потому что не может без слез слышать о тех святых именах! Он плачет еще и потому, что здесь, в этом зале, кто-то незаслуженно обвинил его в предательстве, оказывается, именно он пре-

дал их, своих добрых друзей, соседей и товарищей, он стал их палачом...

Дайте же ему в конце концов высказаться!..

— Это очень тяжелое обвинение, убийственное обвинение! Но я хочу рассеять ваше заблуждение, я хочу доказать, что смерть тех честных людей, теперь уже ни у кого не возникает сомнения в их честности, их трагический и внезапный уход из жизни—не его вина, граждане, вовсе не его вина! Что вы сказали, что? Живет в квартире одного из них... Ну и что же, граждане, дали ему, вот он и живет! Ну кто из вас не взял бы, если бы дали?

Почему такая тишина? Почему замолчали? Ничего не пойму...

— Ну что, убедил я вас? Так вот, он не виновен, он тут ни при чем. Он не виновен, во-первых, потому, что он никого не убивал. Смешно — кто может обвинить гражданина Габгабиа в убийстве, когда он в своей жизни и курицы не зарезал! Ведь общеизвестно, что все его безукоризненное прошлое...

Это правда!

— ... вся его жизнь...

Воистину!

— ... каждый его шаг были направлены на благо народа, на торжество справедливости...

Еще бы!

— И он никого не убивал. Нет у вас никакого юридического факта, доказывающего обратное.. Но, быть может, невольно, не сознавая того, гражданин Габгабиа стал причиной чьей-то гибели? Нет и еще раз нет!

Кажется, я спасен!..

— Никто и никогда не докажет этого! Нет таких фактов и никогда не будет! Нет никого, кто бы мог... Простите, что вы сказали? Какие заявления? Какие доносы?.. Я ничего не знаю... В чем дело, почему вы кричите, люди?! Товарищ председатель!..

Ничего не слышно! В чем дело, почему они так разбушевались? Что за топот, крики?.. Дайте послушать, дайте послушать... Что такое, что вам от меня надо, не трогайте меня! Не надо, я все скажу, сам ска-

жу... Отпустите, вы меня задушите! Помогите...
— Симон, Симон, что с тобой? Проснись, Симон!
Товарищ Симон подскочил на кровати, весь в поту, с выпученными глазами. Над ним в ночной рубашке, растрепанная, стоит Маргарита.
— Симон, что с тобой, Симон? Что тебе снилось? Ты так напугал меня...
— Ничего, уже все... привиделось мне что-то страшное. Чуть не погиб я... Мальчик спит? Ничего,.. ничего. Ты ложись, спи, чего стоишь над головой, как палач?.. Уйди, сатана! Нет, не уходи... Что со мной? Душно мне. Открой окно, задохнуться можно в этой жаре... Пройдет это, сейчас пройдет, — бессвязно бормотал Симон. Потом, вздыхая и всхлипывая, опустился на край кровати. Схватился за голову и замер...

В семь часов утра маленький паровозик «кукушка» присвистнул у станции Чиатура. Было еще темно, когда Чабриа ступил с подножки вагона на платформу, заваленную неубранным снегом.

Невысокие отроги заснеженной горы спускались к центру городка. Вверх в гору вела аробная дорога, но ее теперь и не видать: все покрыто снегом, все сравнял снег — холмы, овраги, плетни, кусты. А он все валит и валит...

На мгновение Чабриа заколебался: может, заночевать в городе и дожждаться погоды? Но тогда зачем он ехал? Ведь сегодня тридцать первое декабря и он хотел Новый год встретить дома, где его ждут не дождутся брат с сестрой! Он представил себе их ожидание (он дал им знать, что приедет именно сегодня), разочарование, досаду, грусть... «Ну нет, дойду как-нибудь дотемна, неужели за день не пройду 17 километров, ведь тут ходу-то всего три часа! Сейчас только светает».

Чабриа затянул потуже пояс видавших виды брюк, застегнул доверху старенькую телогрейку, натянул до бровей козырек кепки, с сомнением глянул на кое-как залатанные ботинки, затем закинул за спину полотняный мешочек с подарками и бумагой для рисования, перешел мост над черной, как сажа, речкой и тяжело зашагал по подъему.

Ноги по колено увязали в снегу. На склоне горы дорога еще угадывалась, но когда взмокший Чабриа добрался до ее вершины, она окончательно исчезла. Тут на него налетел ветер, засыпал снегом. Он еще мог ориентироваться по редким, растущим в ряд деревьям, ну а потом?...

Незаметно рассвело. Но солнце не показывалось. Кружил снежный вихрь, и сливались в одно пасмурное небо и снежная целина плоскогорья. Чабриа едва шел, цепляясь за видневшиеся кое-где из-под снега кусты. С трудом дошел он до противоположного склона горы и стал спускаться. Вдоль ущелья он вновь заметил дорогу и облегченно вздохнул.

Чабриа шел и, чтоб не думать о голоде, думал о своих маленьких брате и сестре: как они обрадуются ему, как бросятся на шею, какой поднимут радостный визг двоюродные братья и сестры, как застенчиво улыбнется дядя Мамиа...

Шел Чабриа и думал о своих родителях: мать он почти не помнит, она умерла, когда родилась сестренка, зато отца Чабриа помнит отлично. В финскую войну, накануне отъезда на фронт, он сидел за столом с друзьями, весело смеялся и подмигивал старшему сыну, осушая стакан за стаканом. И письма от него шли веселые. Потом писем не стало, и спустя какое-то время пришло извещение о том, что он героически погиб, защищая социалистическое отечество... Брата и сестренку стал растить дядя Мамиа, сам инвалид, с больной женой и своими двумя маленькими детьми... Но Чабриа уже не маленький, пора ему подумать и о своих брате и сестре, и о Мамии.

Чабриа шел и думал о Дато и Марине, об Отаре и Марклене, о тете Нателе и Этери. О себе он решил окончательно: он будет художником, закончит школу и пойдет учиться на художника. Он обязательно будет художником!

А вот Марина после школы, наверное, поступит в университет на филологический. Ее призвание — литература. Она пишет хорошие стихи, некоторые Чабриа знает наизусть. Вот эти, например, о Тбилиси, о том, что она счастлива быть грузинкой, потом еще эти — о

курдянках, нет, о платье курдянки: «Мне в детстве нравились пестрые платья курдянки...» Как там потом?

Уже не помню. Что за напасть такая, как часто он стал забывать, порой все вылетает из головы! Из-за этого он и в школе страдает, преподаватели все время ставят ему в пример других, зубрил... Но пусть попробуют эти зубрилы рисовать так, как он!

А что будет делать Дато после окончания школы? Никому не известно. Сейчас он рвется на фронт. Но ведь когда-нибудь окончится эта проклятая война, а что потом? Он наверняка станет очень важным человеком, руководителем, организатором, начальником. Руководить — это он умеет! Если война кончится нескоро, он пойдет на фронт и так будет воевать, что чертям станет тошно... Да, Дато, брат, это сила...

А что будет с Маркленом? О-о, Марклен, ясное дело, будет юристом. Он проговорился однажды, что так решил его отец. Если решил отец, так и будет! Не может он его послушаться! А на кой черт ему быть юристом? А что такое вообще юрист? — судья, милиционер? Из-за этого будущего юриста чуть не пропал Чабриа, чуть из школы не вылетел, черт бы его побрал!..

Эх, бедный Григол Угрехелидзе! Второго отца лишился Чабриа. Нет, тетя Натела, его жена, тоже очень добра к нему, хороший человек и врач хороший, но Григол был совсем другим! Новая директриса даже в сравнение с ним не идет! Она, говорят, с большими связями, ну и что? Зато ни школу не любит, ни детей. Мы-то знаем, от нас ведь ничего не укроется!

А Отар? Отар сам сказал ему, что станет инженером. И станет.

Но вот что будет с бедной Этери? Кто же за ней присмотрит — товарищ Симон с Маргаритой или Дато с Мариной? Дато говорит, что в Этери есть что-то таинственное, необъяснимое, в ней воплощено — как он сказал? — да, вечное детство. Нет, он сказал иначе и лучше, кажется так: вечная невинность души! Какой странный парень Дато, что только не придумает!

Наконец кончился спуск. Чабриа переполз по сугробам через овраг и стал опять медленно подниматься по склону другой горы. Он никого не встретил, будто все вокруг вымерло. Сколько же он идет? Часа два, может, больше? Внизу тихо, но сверху, куда он поднимается,

доносится вой ветра. Надо еще раз подняться, спуститься, потом еще подняться и спуститься, у подножия сле-
дующего холма, на берегу речки и будет их село... 041935940
302 001101333

Кое-как преодолел он и этот подъем. И тут налетела на него метель, и закружил его снежный вихрь. Где дорога? В какую сторону идти? Чабриа идет дальше, идет, снег слепит глаза, но он упорно идет.

...Он уже не чувствует ни рук, ни ног, идет, весь мокрый. А мороз крепчает. Чабриа бредет и бредет по нескончаемой проклятой дороге, а есть ли вообще у нее конец? И куда он бредет? Дойдет ли он до спуска, где тихо, где нет ветра... Может, вернуться? Но как? В какую сторону возвращаться? Нет, надо идти прямо, надо идти прямо, прямо...

Идет Чабриа, бредет согнувшись, и вдруг куда-то проваливается и летит...

Упав в огромный сугроб, он на секунду потерял сознание. Затем, бешено работая руками, он разбросал снег и еле выполз. Откуда он свалился? Где его мешочек? Где шапка? От телогрейки отлетели все пуговицы, окончательно развалились ботинки... Но где же мешочек? Он старается нашарить его в снегу. Нет ни мешочка, ни шапки. Потом почувствовал, что окончательно замерзает. А черт с ним, с подарками, и с бумагой, и с кепкой! В будущем году он привезет им гостинцев получше, и шапку новую достанет. А теперь надо идти, надо идти, не погибать же из-за них сейчас?

Идет Чабриа, ползет в гору. Скользят руки и ноги. Все лицо в снегу. Ничего уже не видит, не различает. Лишь воет ветер и в каком-то диком танце кружится снег...

Дополз, поднялся! Вот он наверху! Стал во весь рост. И снова, чуть не сбив его с ног, бешено завывая, налетела метель.

Осталось совсем немного — пройти бы только это ровное место, доползти до его края — а внизу деревня, тепло. Осталось совсем немного, совсем немного...

И снова идет Чабриа, бредет, ползет все дальше, дальше, дальше...

И вот наконец он пришел, пришел! Кончились мучения! Окончена школа! Он учится в академии! Стал

художником! Разрисовал, украсил все дома в своей деревне, в своем городе, во всей стране! И радуются люди, и радуется он сам! И тепло ему, и хорошо.

Уходит Чабриа, поднимается все выше и выше. Гремит торжественная музыка, звучат колокола. Он поднимается по высокой лестнице, по лестнице славы и любви, все выше и выше, чтобы глянуть оттуда на свою родину, полюбоваться на нее, насладиться любовью друзей, победой, праздником мира...

Уходит Чабриа все дальше, все выше и выше...

Перевод с грузинского автора

Окончание следует

ХРОНИКА

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ — ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В ДОМЕ-МУЗЕЕ Александра Чавчавадзе в Цинандали прошел симпозиум, посвященный проблемам развития грузинской детской литературы.

На симпозиуме, организованном ЦК ЛКСМ Грузии и Союзом писателей республики, обсуждался широкий круг вопросов, касающихся воспитательной роли литературы, ее задач в формировании подрастающего поколения в духе коммунистических идеалов.

Симпозиум вступительным словом открыл первый секретарь ЦК ЛКСМ Грузии В. Лордкипанидзе.

Перед собравшимися также выступил заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Джанберидзе.

В выступлениях секретаря правления Союза писателей

Грузии Дж. Чарквиани, председателя секции по детской и юношеской литературе, главного редактора журнала «Дроша» поэта Х. Берилава, главного редактора журнала «Дила» поэта Э. Нижарадзе, заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ В. Уварова и других отмечалось, что детские писатели постоянно должны идти в ногу со временем, замечать все глубокие процессы, происходящие в сознании ребенка, помочь школе в воспитании людей самостоятельных, серьезно мыслящих, духовно богатых.

Были заслушаны доклады о состоянии грузинской детской прозы, поэзии, критики, перевода о языке и стиле произведений для детей.

Итоги работы симпозиума подвел секретарь ЦК КП Грузии Г. Енукидзе

РАССКАЗЫ

На мосту

Поздний вечер. На
чугунные перила старого
моста облокотилась жен-

щина и неотрывно смотрела на черную маслянистую
воду. Послышались шаги, и женщина испуганно обер-
нулась. Перед ней стоял худощавый парень в мешко-
ватом плаще.

— Извините...

Он поежился, зябко запахнул плащ.

— Мне кажется... Если вы... Зря вы это...

— Что зря?

Женщина беспомощно огляделась: внизу бесшум-
но двигалась река, тянуло сыростью. Потом подняла
глаза на незнакомца. А он смущенно и сбивчиво заго-
ворил:

— Холодно, правда? Столько народу вокруг, в
каждом доме, за каждым окном, а ведь никому нет до
тебя дела. Ни единой душе! Но жить-то надо... Жить!
Послушайте, все наладится! Все, все будет хорошо.
Вы только поверьте...

Голос упал до шепота. Парень неожиданно протя-
нул руку и несильно сжал ей пальцы. Женщина вздрог-
нула, но руки не отняла. Только внимательно посмот-
рела ему в глаза.

В переулке вспыхнули фары, и на мост въехала
машина.

Скрипнули тормоза. Женщина тихонько высвободила
руку.

Хлопнула дверца; к ним энергично подошел пол-
ный представительный мужчина в замшевой кепочке,
походя скользнул взглядом по щуплой фигурке незна-
комца.

— В чем дело?

Мгновение помедлив, она овладела собой, взяла мужчину под руку.

— Ничего, ничего... Пойдем.

Пока шли к машине, он извинялся за опоздание. А она молчала. Она шла, то и дело оборачиваясь, и мужчина, уже за рулем, снова недоуменно оглядел парня.

Машина тронулась. Женщина оглянулась в последний раз.

На мосту остался стоять человек.

Деревенский гость

От старика пахло кислой овчиной, сыром... Запыленные мешки и сумки, которые он, кряхтя, втащил в разболтанный рейсовый автобус, загородили проход. Старик суетливо заталкивал их под сиденье, и из одной сумки что-то просыпалось.

— Ну, ты даешь, отец!..

Водитель, вихрастый парень с рулончиком билетов в руке, неловко перебрался через мешки.

— Тебе бы персональный автобус иметь!

Усмешливо покосился на старика. А тот, с усилием нагнувшись, молча собирал рассыпавшееся зерно. Водитель передал сдачу, подмигнул пассажирам и тут же притворно насупился:

— Еще и намусорил! А убирать кому? Мне!

Старик медленно разогнулся, утер взмокший лоб.

— Это не мусор, сынок. Это — хлеб.

— Ну, ты, отец, Америку открыл! Хлеб, он в магазине: булки, батоны и все такое. А зерно твое, ну, скажи, кто купит? Хотя, говорят, теперь модно, йоги рекомендуют!

Старик снова выпрямился, глянул пристально.

— Не на базар еду, к сыну. Зерна чуток для внука взял. Сын... на тебя похож, тоже такой говорливый. А внук... Пусть знает, хлеб — не булки-батоны, а вот...

В жесткой ладони светились теплые зерна.

Он возвращался далеко за полночь. Над голо-
вой медно поблескивали

троллейбусные провода, впереди светились коробочки домов, а узкая тропинка круто уводила в темноту, в ов-
раг.

Человек пошатывался. И вдруг из мрака выступил пес, глухо гавкнул, ему отозвались еще с десятка собак. Человек остановился.

Лай поредел. Пес, худой и облезлый, шагнул ближе, чуть заметно блеснул старый ошейник. Он обнюхал человека, повернулся и пошел впереди.

Поминутно спотыкаясь, человек брел за собакой и бормотал:

— Что? Житуха — собачья? А я не-е... Я ничего. А что? Семья, слава богу, работа...

Зацепился за какую-то железку, чертыхнулся. Пес терпеливо подождал, пока он подыметесь, только вроде сочувственно хлопнул его хвостом по колену. Но человек не торопился, он притянул к себе собаку, обнял:

— А на душе пакостно! Мечтал ведь так жить, чтобы не хуже других, по-людски. И живу! Только, знаешь, иногда мерещится — нету ничего... Ну, ни Москвы, ни Европы, ни Америки... Ни-че-го! Телевизоры там, газеты — все нарочно так устроено, как будто есть. А на самом деле только вот — клочок земли, совсем маленький, где живу, куда на работу хожу. И все. Дом — работа, работа — дом...

Махнув рукой, он опять чуть не упал. Собаки сгруппировались вокруг человека, он неловко гладил их ускользающие спины...

Тропинка пошла вверх. У своего подъезда человек остановился. Его провожатый, отвернувшись, застыл рядом и словно чего-то ждал. Потоптавшись у дверей, человек неуверенно кивнул:

— Ну, пока...

Пес, не глядя на него, с достоинством шагнул в темноту. На ошейнике под грязью еще сохранилась табличка «Поводырь слепого».

Сладкое

Последний перед зарилатой рубль они утром поделили поровну — на обед, работы

Но ей обедать не пришлось. Зато после работы она принесла домой два свежих наполеона, его любимые. В кафе были и кремовые, она их просто обожает, но тогда наполеон был бы всего один, а что ему, взрослому мужчине, одна штучка? Ладно, пусть полакомится в охотку, не одной же мамочке его баловать, теперь ее, жены, очередь.

Пирожные она положила на тарелочку. А ровно в шесть щелкнул замок, в комнату деловито вошел он и после поцелуя галантно подал ей сверток. Она осторожно развернула... Там были пирожные! Кремовое... и наполеон.

Завтра в пять...

Они были созданы друг для друга. Она не знала этого двадцать пять лет, он — тридцать. Работали в одном здании, только в разных крыльях. После работы ровно в шесть оба выходили на одну и ту же остановку. Только он садился в автобус, идущий вверх, а она — вниз.

Ехать обоим было неблизко, и потому каждый обычно старался устроиться поуютней, у окна. Однажды их автобусы, перед тем как разъехаться, остановились рядышком у светофора. И надо же было так случиться, что он еще не развернул свежую «вечорку», а она не успела взяться за вязание; их взгляды встретились...

Зспыхнул зеленый свет, автобусы медленно тронулись. Растерянно смотрел он, как мимо, мимо проплывает ее лицо с широко распахнутыми глазами. Еще мгновение... И тут он, торопливо ловя ее взгляд, внезапно решил: указал пальцем на остановку — «Здесь!», потом быстро прижал к стеклу раскрытую пятерню — «В пять!». И она поняла. Он был уверен, что она поняла и даже кивнула в ответ.

Вечером он зачем-то прибрал в своей комнате, вытер пыль, перемыл посуду. Потом долго не мог заснуть, просто лежал, не шевелясь, в темноте, с раскрытыми глазами и мечтал. А утром, стоя с бритвой у зеркала,

вдруг представил себя с букетом на остановке, за час до конца рабочего дня... Да весь их отдел от любопытства из окон выпадает! И без цветов нельзя... А вдруг она задержится?

В тот вечер она места себе не находила: начала вязать, но тут же воткнула спицы в клубок и забросила за трюмо, попробовала читать, но больше страницы не одолела — раскрытая книжка так и осталась на тахте...

Утром надела свое лучшее платье и пришла на работу на четверть часа раньше обычного. Сегодня она увидит его! Вот только он ли это? И даже если действительно он, стоит ли так, сразу?.. Взглянуть бы на него еще разок, чтоб не ошибиться.

В своем отделе он был единственным мужчиной, и его необычное состояние, конечно же, не осталось без внимания. Ему даже показалось, что вокруг начали перемигиваться, шептаться, посмеиваться... А окна в отделе, как назло, прямо на остановку. Неловко как-то, возраст все-таки, не семнадцать лет...

А вдруг это просто глупая шутка? И над ней хотят посмеяться? Неужели... Нет, не может быть! Все-все будет хорошо. Придумала! Она подойдет на пять минуточек позже. Рассмотрит его в окно и сразу выйдет.

Два. Три. Четыре.

Ну, пора. За цветами. Хотя ладно, успеется. Придет или нет? Знать бы наверняка!.. Нет, не придет она. Померещилось ему, вот и все. А вдруг не померещилось? И она будет ждать?!

Полпятого.

Идти? Нет, пусть он придет первым, постоит, поволнуется. А потом и она подойдет. Иначе что он может о ней подумать?..

Без пяти.

Бежать? Поздно? Нет ее! Нет! Вот если сейчас появится, он успеет!..

Пять. Никого. Вот оно как, оказывается... Хотя, может, она просто не смогла? Или... Он ведь только место и час назначил. А день... Тогда, может, завтра?..

Значит, не он. Не он. Не-он.

Ф-фу! Хорошо, что не вышел.

И ладно, и слава богу.

На остановке все чужие. Оба стояли у окон, тоскливо рассматривали прохожих.

И снова все пошло по-прежнему. Только теперь каждый день в пять оба украдкой поглядывают на улицу. Может, кто-нибудь из них догадается поднять глаза и всмотреться в окно напротив?..

Нетелефонный разговор

Писем не было. Он зашел, щелкнул почтовый ящик и, сутулясь, стал подниматься по темной лестнице. У двери отряхнул снег, достал ключ, на ощупь открыл. Не включая свет, прошел в комнату, устало опустился в кресло.

И в этот момент зазвонил телефон.

— Слушаю.

Женщина в трубке сдержанно поздоровалась. И тут же поспешно добавила:

— Я по делу.

Он попытался вспомнить, кто бы это мог быть. Но женщина уже заговорила, торопливо и сбивчиво, про какой-то очерк, который она печатает, про вставки, цитаты, страницы...

Трубку он зажал щекой и плечом, нащупал в кармане сигареты. Чиркнула спичка. Он уже понял: обычная телефонная неразбериха, не туда попала. Молча слушал незнакомку — взволнованную, растерянную и немножко жалкую с этим своим звонком. Потом медленно стащил с головы шапку: ледяная капля щекою скользнула по щеке.

— Все будет хорошо...

Сказал еле слышно, но она тут же осеклась. Секунду молчала:

— Тебе плохо?..

— А тебе?

Тишина. И вдруг он услышал прерывистый шепот:

— Прости, я такая дура... Прости.

Пальцы стиснули трубку. А женщина все шептала, горячо и настойчиво:

— Ты один? Сидишь в темноте? Да? И страшно устал? Слышишь? Да?

Пепел осыпался на пальто.

— Да...

— Я иду! Ты слышишь? Иду!

«ВАС ЖДУТ В ПАРАУЛИ, РЕВАЗ»

Рассказ

ВОЛНА боя откатывалась к реке. Огрызаясь огнем и ловко уходя из-под ударов, «южные» пятились к водной преграде, чтобы, преодолев ее, закрепиться на противоположном берегу. И тогда попробуй сбить их с крутолобой высоты, что возвышалась в сотне метров от воды и «контролировала» округу.

«Северные» же стремились на плечах неприятеля форсировать реку и тем самым сорвать его замысел...

Помощник руководителя учений, пожилой седобровый полковник, невозмутимо, подобно богу-олимпийцу, наблюдал за тем, как раскручивается пружина боя. Замысел каждой из сторон был ему ясен, но в эту минуту и он не взялся бы предсказать исход скоротечной схватки у реки.

«Южные» тем временем, умело организовав прикрытие, начали переправу. Река в том месте была мелководной, изобиловала бродами, ленивыми перекатами. Но ливень, обрушившийся на горы ночью, превратил ее в мощный, бешено ревущий поток, который катил по руслу тяжелые камни, нес бревна, доски, мусор... «Вот бы ввести резервы!» — мелькнуло в голове полковника.

И в то же мгновение на правом фланге появилась тяжелая бронированная машина и, с ходу обрушившись в кипящий поток, пошла на «южных», ведя беглый огонь. Следом сошли еще три танка, и взвод, развернувшись веером, двинулся на перебирающегося через поток «противника».

«Молодцы танкисты! — подумал полковник. — Однако такие атаки даром не проходят». И, пользуясь правом «бога-олимпийца», прижав поплотнее ларингофоны, прохрипел простуженно:

— «605-й», вы уничтожены...

Головной танк, уже начавший преследовать неорга-

низованно отступающего «противника», словно споткнувшись на разрыве, остановился.

«Ничего, лейтенант, — мысленно утешал взводного полковник, — хорошо атаковал, дерзко. Только вперед зря лез... Вот и оставил взвод без командира. Ничего, в другой раз умнее будешь...»

— Все, отвоевались, — раздался в наушниках расстроенный голос младшего сержанта Курицына.

«Мальчишка! — ругал себя лейтенант Боровков. — Когда же выдержке научусь? Увидел, что «южных» голыми руками взять можно, бросился сломя голову и напоролся. Конечно, успех мой взвод обеспечил, но как он теперь без командира?»

— Товарищ лейтенант, — вновь послышался в наушниках насмешливый голос Курицына, — слева по борту «баржа» без опознавательных знаков.

Боровков принял к прицелу, повернул башню влево и увидел, как ревущий поток несет к водопаду утлое суденышко. В приближенной мощной оптикой лодке он увидел женщину, которая обломком весла пыталась перебороть течение.

— Внимание! — скомандовал он экипажу. — Отставить шутки. Там, может, люди гибнут... К бою!

Взревел могуче мотор.

— Держись! — крикнул Курицын и прямо с кручи бросил танк в воду.

Расчет был точен, и лодку, словно огромную щепку, прибило к перегородившему течение танку. Разом распахнулись башенные люки, из них показались головы в черных шлемах.

— Реваз, помоги-ка девушке, — сказал Боровков черноусому, кареглазому наводчику. В мгновение ока тот выбрался из башни и протянул руку потерпевшей. Но в этот момент глухой удар сотряс лодку, и девушка, потеряв равновесие, свалилась в пенящуюся у борта воду. Не раздумывая, солдат бросился следом...

...Словно дядька Черномор, борясь с течением, ефрейтор Реваз Джикиа нес к берегу попавшего в беду человека. Незнакомка была в легком цветастом платье, голова ее склонилась набок, черные волосы залепили лицо, обнаженные руки безжизненно плескались в студеной воде.

Едва он вышел на берег, девушка очнулась, посмотрела на солдата.

Джикиа, державший ее на руках, оторопел от этого взгляда и опустил девушку прямо на землю у танка.

— Что смотрите! — прикрикнул на подчиненных лейтенант. — Человеку согреться надо... Курицын, срочно костер организуйте, Реваз, с медсанбатом свяжитесь.

Через четверть часа запылал сдобренный соляжкой костер. На незнакомку было больно смотреть. Облаченная в черный комбинезон, очень бледная, с мокрыми, цвета вороного крыла волосами, она была похожа на вымокшего и очень несчастного галчонка.

Пока изрядно промокший Джикиа грелся у костра, лейтенант изучал местность.

— Ну что, согрелись? — бодро спросил он, вернувшись через полчаса.

Сидевшие у костра разом повернулись, и следующая фраза застряла у лейтенанта в горле. Он застыл, ошалело глядя на девушку. За те полчаса, что он отсутствовал, с потерпевшей произошло чудесное перевоплощение. Мокрый, словно ошипанный галчонок превратился в прекрасную птицу с ярким оперением, которая обожгла лейтенанта взглядом удивительно огромных зеленых глаз. Словно прикованный к месту, стоял Боровков и искал нужные слова. Искал и не находил.

Тут в командирском люке показался Курицын и встревоженно прокричал:

— Товарищ лейтенант, вызывают!

Боровков усилием воли сбросил с себя оцепенение, метнулся к танку и уже через минуту приказал Курицыну:

— Заводи!

Танк вздрогнул, словно откашлялся, и зарокотал свою боевую песню. Боровков хотел было скомандовать «трогай», как вдруг обнаружил, что рядом нет Джикиа. В недоумении он выглянул из люка и увидел картинку, которая неприятно резанула его по сердцу. Наводчик стоял неподалеку и тряс руку девушке. Лейтенанту показалось, что делает это солдат слишком долго, и он нетерпеливо скомандовал:

— Ефрейтор Джикиа, сколько можно? В машину!

Реваз сорвался с места и через мгновение был уже

в башне. Если бы Курицын видел это, он наверняка не упустил бы случая вернуть, мол, товарищ лейтенант, я давно говорил, что на отработку нормативов надо девушек приглашать — сразу все перекроем.

Мотор набирал обороты, лейтенант краем глаза видел, что девушка стояла рядом с танком и, морща вздернутый носик, прикрывала уши ладонями. Упрямый выхлоп бил прямо в нее, поднимал ее легкое платье, обнажая стройные ноги. Лейтенант невольно повернулся к ней, помахал рукой. Танк в очередной раз взревел и тронулся с места. Она пошла рядом, что-то крича. Боровков сдернул шлем и расслышал:

— Спасибо вам большое, приезжайте в Параули!

Танк мотало по разбитой полигонной дороге. Боровков крепко держался за ручки триплекса, вглядывался вперед, но мысли его то и дело возвращались на берег реки.

«Хорошая девушка, — размышлял лейтенант, — надо бы съездить, познакомиться... Как-никак, спасители».

Боровков вдруг почувствовал неприятный укол. «Вот именно, — подумал он, — спасители. Пока я на гору лазил, Реваз время зря не терял. Вон как тепло попрощались... Ну ничего, мы еще посмотрим... А где же это Параули?»

Лейтенант раскрыл планшет, стал разглядывать карту. Оказалось, Параули — небольшое село в двенадцати километрах от города. «Завтра же съезжу», — решил он и захлопнул планшет.

Точно к обеду экипаж вернулся в свое расположение. Вечером офицеров собрали в клубе на разбор учений. Вместе со всеми лейтенант порадовался хорошей оценке, а когда стали разбираться детально во всех перипетиях боя, с тревогой ждал, что вот сейчас назовут его фамилию. Но, против ожидания, его особенно не ругали, а полковник даже отметил энергичные, грамотные действия молодого офицера и лишь в конце сердито сказал:

— Только вперед зря лезли. Не для того вас государство четыре года учило, деньги тратило, чтобы в первом бою потерять...

Словом, уходил Боровков с совещания в приподнятом настроении. Перед ужином он решил зайти в ка

зарму, чтобы кратко довести до подчиненных итоги учений.

Спальное помещение встретило чистотой и порядком. Кроме дневального да разглядывающего себя в большое зеркало солдата, в казарме никого не было. Скоро глаза Боровкова привыкли к полумраку, и он с удивлением узнал в солдате ефрейтора Джикиа, по непонятной причине облаченного в парадный мундир.

— Далеко ли собрались, товарищ ефрейтор? — неслышно приблизившись, спросил Боровков.

Застигнутый врасплох, солдат вздрогнул. Их взгляды встретились. С минуту они рассматривали друг друга. Оба рослые, широкоплечие, они даже могли бы сойти за родных братьев, если бы смоляная чернота волос ефрейтора не контрастировала так резко с золотистой шевелюрой лейтенанта. «Соперники!» — неожиданно для себя подумал Боровков.

Джикиа словно разгадал тайные мысли лейтенанта, нахмурился и неохотно признался:

— Думаю в увольнение пойти в субботу... Отпустите?

«Так и есть, — с досадой утвердился в своей догадке офицер, — всю зиму, как медведь, в части просидел, а тут вдруг собрался».

— Посмотрим, — неопределенно ответил лейтенант, круто повернулся и вышел из казармы.

После ужина он, как ему казалось, бесцельно бродил по территории части, но скоро поймал себя на том, что ищет встречи с Джикиа. С одной стороны, ему хотелось расспросить ефрейтора о девушке, ведь он даже имени ее не узнал, с другой, его гнал дух соперничества. Но Джикиа как сквозь землю провалился. Можно было, конечно, спросить у дневального, но лейтенанту казалось, что уже вся часть знает об их с Джикиа соперничестве.

Боровков побывал в спортгородке, заглянул в читальный зал. В казарме тоже не было Реваза. И лейтенант решил спуститься в подвал, где уже несколько лет работал стрелковый тир, оборудованный по чертежам командира. Здесь частенько проходило личное и командное первенство части, победителям торжественно вручался традиционный яблочный пирог, испеченный женой командира.

Лейтенант толкнул тяжелую, обитую листовым железом дверь подвала и услышал редкие хлопки «духовок». Пройдя темным коридором, Боровков очутился в просторном, залитом ярким светом зале. Двое солдат лежали и стреляли с упора. Прапорщик Пайчадзе выводил мелом цифру под надписью «Лучший результат дня», а рядом именинником стоял Джикиа. Еще несколько воинов, в том числе и Курицын, ожидали своей очереди стрелять.

— Товарищ лейтенант, будете? — спросил, протягивая винтовку, Курицын. — Сейчас моя очередь, уступаю...

Боровков хотел отказаться, сославшись на неотложные дела, но вдруг, перехватив на себе пристальный взгляд Джикиа, понял, что и он жаждет поединка. Вообще-то лейтенант был хорошим стрелком и не раз превосходил этот «лучший результат дня» — 93 очка, выбитые Джикиа, но сейчас боязнь уступить сковала движения и... получилась ничья. И у зеркала в казарме, и здесь, в тире...

Каким-то шестым чувством Боровков определял, что решающий раунд будет завтра, но принесет ли он успокоение?..

Утро следующего дня и послеобеденное время взвод лейтенанта Боровкова занимался тем, что готовил боевые машины к смотру. Часам к пяти экипажи начали докладывать о завершении работ. Подошел Курицын и после доклада добавил с привычной для него бравадой:

— Порядок в танковых войсках!

— Кто готовил ходовую часть? — строго спросил лейтенант, хотя прекрасно знал, что Джикиа, так как сам «озадачивал» его накануне.

— Это что такое? — Боровков наклонился, взялся сильными пальцами за гайку, крепящую каток, и без видимого усилия повернул.

Джикиа показалось, что щеки его вспыхнули.

Он бросился к расстеленному поодаль брезенту, схватил гаечный ключ. Через минуту злополучная гайка была водворена на место, но лейтенант не удержался от язвительного замечания:

— А еще в увольнение собрались...

Уходил Боровков из парка в смятении. С одной стороны, все вроде в порядке: третий решающий раунд за

ним, но удовлетворения от этой победы не испытывает. В служебном плане, так сказать, он, казалось бы, более достойный кандидат, но у любви свои законы. Вспомнилось чье-то высказывание о том, что нам кто-то кажется, будто мы выбираем, — выбирают-то нас.

«А что, — приободрился Боровков, — может, съездить в разведку, узнать, кого выбрали?»

Весь следующий день эта мысль не давала Боровкову покоя. В нем боролись два начала: одно говорило, что нечестно так поступать, ведь солдат находится в неравном с тобой положении, он, может, и за год не выберется в Параули, в то время как ты, если пожелаешь, можешь хоть по два раза на день бывать там. Второе убеждало Боровкова, что его стремление зиждется в общем-то на благом намерении: разобраться во всем. А кроме того, говорил он себе, я завтра же уравнию шансы — отпущу Джикиа в увольнение.

Через полчаса, надвинув на лоб оранжевый шлем, Боровков мчался на новенькой «Яве» в Параули.

Ворвавшись на окраину села, он сразу же заметил под развесистой чинарой девушку в цветастом платье.

Разогнав «Яву», а затем сбросив газ, Боровков неслышно подкатил под дерево. Девушка недоуменно обернулась, обожгла знакомым взглядом. Но в следующее мгновение она узнала одного из своих спасителей и с улыбкой протянула руку Боровкову. От неожиданного ласкового рукопожатия у лейтенанта голова чуть кругом не пошла, а сердце откликнулось гулками толчками. Минуту они держались за руки, с интересом разглядывая друг друга, затем девушка смутилась и выдернула руку.

— А как ваш экипаж? — оправившись от замешательства, спросила она. — Как Реваз, не простудился? — с деланным, как показалось Боровкову, безразличием поинтересовалась собеседница. — Ведь из-за меня он промок.

— Ах, ефрейтор Джикиа, — неприятно удивился Боровков. — Жив, здоров.

— Его фамилия Джикиа? — девушка проявляла явно не случайный интерес к сопернику Боровкова, и лейтенант мрачнел с каждой минутой.

И о чем бы ни заходила речь, девушка, может быть,

незаметно для себя, всякий раз принималась спрашивать о Джикиа.

В конце концов лейтенант отчаялся и стал собираться домой. К его великому огорчению, девушка не стала его удерживать, а лишь пригласила своих спасителей на субботу в гости.

— И Реваза не забудьте, — прощаясь с Боровковым, сказала она.

— Хорошо, — раздосадованно буркнул лейтенант, лягнул заводную педаль и, оседлав «Яву», помчался в город.

Всю дорогу он не мог совладать с охватившими его чувствами. Не пришло успокоение и в минуты, когда, вернувшись в часть, он уединился в ротной канцелярии. На столе на самом видном месте лежали списки увольняемых. Фамилия соперника отсутствовала.

«Совестливый, — неожиданно тепло подумал он о солдате. — Оплошал накануне, и рука не поднялась. А ведь заслужил. Хотя бы за вчерашнее учение».

Невольно лейтенант признался себе, что всегда считал неторопливого, немногословного ефрейтора Джикиа самым надежным солдатом роты и симпатизировал ему. «Неужели, — думал лейтенант, склонившись над бумагами, — это соперничество изменит наши отношения?» Он вздохнул и размашисто вписал в список увольняемых короткую, будто колючую фамилию: «Джикиа».

Следующий день прошел для лейтенанта в бесконечных хлопотах. С утра он был назначен ответственным офицером и начисто забыл о своем намерении относительно Джикиа. Вспомнил о нем лишь на плацу, когда рота пришла в веселое возбуждение от команды дневального:

— Увольняемые, стройся!

Боровков спохватился, поискал взглядом ефрейтора среди щеголяющих начищенной и наглаженной формой солдат. Не найдя, вернулся в казарму, прошел вдоль ровного ряда коек, заглянул в бытовку и там увидел Джикиа. Ефрейтор сидел спиной к выходу. Пониженные плечи и склоненная голова лучше всяких слов говорили о том, что у него на душе.

— Ефрейтор Джикиа! — как можно бодрее воскликнул Боровков. — Почему не готовы к увольнению Джикиа резко поднялся, повернулся всем корпусом и уставился на лейтенанта непонимающим взглядом.

— Ну, что смотрите? — стараясь говорить спокойнее, спросил Боровков и, раздвигая губы в улыбке, добавил: — Поторопитесь, вас ждут в Параули, Реваз! В другой раз такой девушки можете и не встретить. — Сказал и болезненно ощутил, что улыбка не получилась.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

БАБАЕВ Станислав Рафаэлович (1955 г. рожд.) — окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища и Литературный институт им. Горького. Офицер Советской Армии, сотрудник окружной газеты КЗакВО «Ленинское знамя» (Тбилиси). Печатается в республиканской и центральной прессе и периодике, в коллективных сборниках. В «Литературной Грузии» публикуется впервые.

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Григорьевич (1949 г. рожд.) — окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища и Военно-политическую академию им. Ленина. Офицер Советской Армии, сотрудник окружной газеты КЗакВО «Ленинское знамя» (Тбилиси). Печатается в республиканской и центральной прессе и периодике, в коллективных сборниках. Автор книги «Перевалы мужества, перевалы памяти» («Мерани», 1985). В «Литературной Грузии» публикуется впервые.

Медея ШАВЛИАШВИЛИ

ЛИНИЯ ПЕТРЕ МАЙСУРАДЗЕ

●
О черк

В ПЕРЕУЛКАХ Авла-
бара пролетело его
детство. ЗДЕСЬ ПРОДВИ-
квартал Тбилиси не срав-
нится с Авлабаром по свое-
му многонациональному со-
ставу. Однако живущей
здесь детворе было совер-
шенно непонятно деление
людей на какие-то разновид-
ности.

У Артуша было больше
всех голубей, Хасан мог
безошибочно просвистать от
начала до конца оперу «Ар-
шин Мал-Алан», Пето луч-
ше всех умел забивать го-
лы — этим они и отлича-
лись друг от друга.

Они самозабвенно загоня-
ли потрепанный резиновый
мяч в обозначенные двумя
камнями ворота. Редкий ав-
томобиль или, тем более,
фаэтон прерывал их игру.

Пето славился и в качест-
ве нападающего, и в роли
защитника. Он был готов
играть в футбол с утра до
ночи, пока окрик матери не
заставлял его оставить при-
готовленный для пенальти
мяч и понуро брести к свое-
му дому.

Никто в семье не говорил
«Пайчадзе» или «Дорохов»;
даже мать называла их не
иначе, чем «Боря» и «Са-
ша».

Он душу вымотал роди-
телям просьбой отдать его
до срока в школу. Ему пы-

тались втолковать: мал, дескать, еще, нельзя, напалишь выгонят. Но он все равно настоял на своем.

Спустя некоторое время учительница вызвала в школу его мать: «Тревожит меня поведение вашего сына. Он хорошо учится, но совершенно не шалит. На уроках сидит — не шелохнется, во время перемен стоит у стены, словно приклеенный».

Сказав это, учительница покраснела.

Это был первый случай в многолетней практике седовласой женщины с морщинками под глазами, когда она вызвала в школу мать ученика за то, что ребенок не озорничал. Причем тот самый ребенок, который дома и во дворе без устали вертелся волчком.

В семье их было трое. У каждого была своя копилка. Его копилка вечно пустовала. Деньги, которые дарил ему отец, он отдавал либо старшей сестре, либо брату. Бескорыстно, от всей души, без тени сожаления.

Потом он стал чемпионом. Молодежная сборная, в которой играл и Петре Майсурадзе, завоевала первенство.

Год спустя он получил отличный аттестат об окончании средней школы. Как раз тогда Левитан и объявил по радио о величайшем несчастье, постигшем нашу страну.

Полтора месяца прошли для него и для его друзей в поисках и метаниях. Наконец отыскали знакомого — бывшего их тренера назначили секретарем райкома комсомола.

25 августа 1941 года восемь несовершеннолетних парней, пригладив вихры, явились к своему бывшему наставнику с просьбой посодействовать отправке их на фронт добровольцами.

По форме просьба скорее походила на требование.

Бывший тренер кашлянул, пряча волнение, и позвонил своему знакомому — командиру особого полка командования армии: «Тут ко мне замечательные спортсмены явились...»

— Задержи их, без меня никуда не отпускай.

Только накануне ночью мать узнала, что сын собирается на фронт. Впервые он принял такое серьезное решение, не получив заранее ее согласия. Старший брат и зять уже воевали на передовой.

Мать, крепясь, затемно подняла его, трижды повернула на пороге и пожелала скорого возвращения целым и невредимым.

Так и попрощались.

Трехмесячные курсы радистов они прошли за месяц. Из

трехсот ребят отобрали лишь двенадцать. Невысокий, худенький семнадцатилетний мальчик замучил всех просьбами отправить его на фронт. Но его направили в Муромское училище связи.

Под проливными дождями, в стужу и ветер проходили ребята подготовку в поле. Мать знала, что сын ее в училище, и в письмах просила его: не сбрасывай по своему обыкновению одеяло ночью — простудишься. «Я не сбрасываю, не волнуйся», — успокаивал почующий в болоте сын.

Полуторагодичную программу обучения им пришлось освоить в семь месяцев. Из семисот человек отобрали восемнадцать и отправили в Сталинград. Петре Майсурадзе в чине младшего лейтенанта назначили командиром взвода в 10-ю Дальневосточную пограничную мотострелковую дивизию.

Как бы ни сложилась история впредь, Сталинград никогда не сотрется в памяти человечества.

В конце лета и начале осени того года 500 самолетов бомбили город. Одна бомба угодила прямо в штаб дивизии, куда зашел по делу Майсурадзе. Взрывной волной его выбросило в окно.

Три дня и три ночи пролежал он без сознания среди развалин.

На рассвете четвертого дня его обнаружила спасательная группа.

Сам он не помнил ничего. Очнулся в астраханском госпитале. С осколком в плече, сильно контуженный — так, что почти не мог говорить.

Спустя месяц его лечащий врач, доведенный до отчаяния, ворвался в кабинет начальника госпиталя:

— Или помогите мне вразумить этого заику, или исполните его просьбу — отправьте его на фронт. Я уже не выдерживаю!

Он снова добился своего. Незаконченный курс лечения дает знать о себе и сегодня, сорок лет спустя, — когда Майсурадзе волнуется, он начинает заикаться.

Он получил назначение в город Орджоникидзе (тогда еще — Дзау-Джикау), в тот самый знаменитый пограничный полк, в задачу которого входила оборона города и который был награжден орденом Красного Знамени за оборону Одессы, а при отходе наших частей из Керчи прикрывал их отступление. Из полуторатысячного полка в живых осталось всего больше десятка человек.

Его назначили начальником радиоузла. Радиоузла, которого вообще не существовало.

В пятидесяти километрах проходила линия фронта. туда-то и тащили либо брошенную врагом, либо отбитую бою аппаратуру. Потом ее ремонтировали.

Через месяц полковая связь была полностью налажена и вступила в строй.

Скопившиеся вокруг Дзау-Джикау знаменитые немецкие горные егерские полки, преодолев противотанковые рвы, пошли в наступление. Бой приняли залегшие в траншее двадцать четыре пограничника во главе с Петре Майсурадзе. Он же возглавил и закрепившиеся позади них подразделения. За этот бой пограничники получили первую свою благодарности. Полк был представлен к получению звания «Гвардейский». Верховное главнокомандование ответило отказом. Наискосок через документ о представлении стояла резолюция: «Пограничные войска -- это лейб-гвардия, и звание «гвардии» их унижает».

О, с какой плохо скрываемой гордостью говорят пограничники о своей принадлежности к лейб-гвардии! Как дорожат, как носятся они с этим званием, добытым в тяжелейших боях, ценою беспримерного мужества и без счета пролитой крови; с каким достоинством и в то же время благоговением, как огонь, передают его бывалые пограничники новобранцам! Они прекрасно сознают свою особую ответственность. Гордятся они и тем, что не балуют их орденами и наградами.

Когда советские войска взяли на Кубани укрепленную немцами знаменитую «Голубую линию» и 10 апреля 1943 года вступили в Одессу, Краснознаменный пограничный полк находился в авангарде.

Было очевидно, что граница на прежнем месте, у Днестра, не останется, но у пограничников непреложный закон: пускай государственная граница установлена лишь на три дня — все три дня на границе должен царить образцовый порядок.

Легко сказать — порядок! Это когда поблизости не найдешь ни одного столба, не сыщешь ни одного метра проволоки, когда все вокруг изрыто ямами и представляет собою одну сплошную воронку.

Тогдашний румынский главнокомандующий Каролину Гигус Антонеску велел в свое время соорудить себе блиндаж.

Когда наши пограничники попытались его разрушить, самые мощные средства, существовавшие для этой цели, оказались бессильными, словно детские игрушки.

Местные рыбаки рассказывали, что строители мешали бетон с белком. Кто знает, может, так и рождаются легенды. Сваренные шестиметровые рельсы были уложены в шесть рядов.

Блиндаж был рассчитан выдержать прямое попадание бомбы в одну тонну. Построили же его так, что и трехтонная бомба не причинила бы ему никакого вреда. Однако дела у Каролину Гигуса Антонеску обернулись так, что он не успел использовать блиндаж по назначению.

Двадцатилетний Петре Майсурадзе сделал свой расчет. Он велел такому же чернявому, как и он сам, сержанту прикрепить взрывчатку к потолку блиндажа изнутри. После чего поджег фитиль. Они с сержантом чудом остались живы, так как ни опытом, ни чутьем подрывников не обладали. Однако блиндаж был взорван. Взрывная волна разбросала двенадцатиметровые рельсы, как спички, в радиусе двухсот метров. В селе, расположенном в полутора километрах, не уцелело ни одно оконное стекло.

На голове у сержанта не осталось ни одного черного волоска — он стал седой как лунь. У Майсурадзе побелели только виски. Это был второй случай в его жизни, когда он принял серьезное решение без ведома старших. За эту самодеятельность Петре Майсурадзе получил десять суток домашнего ареста.

Позже, когда начальство разобралось и подсчитало, какую сумму сэкономила самодеятельность Петре Майсурадзе, он получил премию в размере месячного оклада, а еще позже, спустя два года, когда его досрочно представили на получение капитанского звания, в числе других его заслуг был упомянут и этот случай.

В 1943 году с помощью тех рельсов и других материалов на государственной границе, проходившей у Днестра, был водворен надлежащий порядок.

Как только мать узнала, что Петре в Одессе, она немедленно собралась в дорогу, невзирая на протест мужа и уговоры близких. Весь квартал, старики и молодежь, пришли провожать мать Пето, редкая строгость, твердость и рассудительность которой так удивительно сочетались с нежной заботливостью. Каждый старался передать на фронт для Петре все, что мог. Она вернулась спустя два месяца, уже чуть

ли не оплаканная близкими, которые сочли было ее пропавшей. — измученная, оборванная, утратившая иллюзии и какой-то новой мудростью во взоре.

«Не сбрасываешь ли ночью одеяло...»

От Туапсе до Одессы она не встретила ни одного неразрушенного вокзала, ни одной не пострадавшей деревни, все вокруг было разорено, опустошено, уничтожено. И сын — поседевший, раньше времени посуровевший, утративший все детское, что было в нем, кроме одного — прежнего стремления в бой, готовности бороться до конца.

Фашисты не желают сдаваться, они надеются вернуться, взять реванш.

В уже освобожденной Румынии немцы, уходя, пытаются оставить близ границы своего резидента. Сотрудники госбезопасности ведут секретную работу по обеспечению безопасности границы. В начале 1945 года старший лейтенант Майсурадзе вызван для установления связи с Москвой. Три недели спустя, также при исполнении особого задания, его машину опрокидывают в овраг диверсанты. Двое товарищей гибнут. Раненного в плечо, с переломанными ребрами, его на руках доставляют к своим связисты. На память о тех днях остались искусственные ребра.

Май 1945 года он встретил в Одессе.

Стоявший в порту английский корабль 8 мая произвел салют из своих орудий. Несколькоми часами позже Левитан торжественным голосом поздравил страну с окончанием войны.

Сколько бы лет ни прошло с тех пор, невозможно забыть день Победы в Одессе. Палили из всего — из орудий, из пулеметов, из пистолетов. Бросали вверх все, что попадалось под руку — шапки, детей, цветы. Пели, смеялись, вопили, обнимались, плакали. Город стал единым существом, живым и радостным.

Изумленные англичане сочли это помешательством.

Страна возвращается к мирной жизни. Майсурадзе оставляют в армии. Граница проходит в горах. Высота достигает местами двух километров над уровнем моря. Здесь свой микроклимат. Тысячей метров выше — горные хребты, покрытые ледниками.

Из-за природных условий в этом районе за все время существования пограничного отряда никогда не было связи. Два провода накрепко смерзались, теряли естественную эластич-

ность, становились ломкими и при первом же порыве ветра крошились на землю.

Майсурадзе начинает собственными силами линию связи. Он сокращает расстояние между столбами вдвое, до 25 метров. Зарывает их глубже в землю. Расстояние между проводами он увеличивает на десять сантиметров и, что самое главное, в местах креплений помещает специальные пружины.

Прибывшая в начале осени комиссия, проверяя проделанную работу, за бесперспективные траты материала, времени и средств, а также опять-таки за самодеятельность привлекает Петре Майсурадзе к дисциплинарной ответственности.

А начиная с весны застава не знала отбоя от гостей. Приезжали со всех уголков страны, из социалистических стран, специалисты и просто интересующиеся, начальники и однополчане.

В журнале «Пограничник» была напечатана большая статья полковника Гонковского под названием «Воля к победе». Пограничной заставе города присваивается звание образцовой. А сам объект взят в пример для связистов. С этого дня во всех инструкциях и постановлениях он будет приводиться как типичный. Будут написаны руководства и даже снят учебный кинофильм.

Самой линии было присвоено имя Петра Семеновича Майсурадзе.

Майсурадзе будет награжден медалью «За отличную охрану государственной границы». А потом придет приказ о переводе его в Киев.

Как не хотелось ему покидать ставшую родной заставу, своим трудом и потом налаженное дело, могилу безвременной умершей жены, испытанных в беде друзей... Его не повышали ни в должности, ни в звании. Стоило ли переводиться в отстающую, неблагополучную часть, хоть и расположенную в столичном городе?

Но, подобно тому, как прежде он беспрекословно оставлял на одиннадцатиметровой отметке мяч, готовый для удара, и, понурившись, брел домой, он на сей раз без возражений отправился в Киев. Через пять месяцев часть стала образцовой. В соревновании, в течение тринадцати лет проводившемся среди пограничников, его часть тринадцать раз становилась победителем. Почетное знамя совета республиканского общества

«Динамо» навсегда осталось в части. Грамоты, благодарности и много, много других наград...

На очередном заседании военного совета пожилой генерал внезапно объявил с трибуны:

— Полковник Майсурадзе, поднимитесь сюда и доложите нам, в чем секрет ваших успехов!

Зал неловко задвигался. Мужчина небольшого роста, слегка побледнев от волнения, поднялся на трибуну и окинул взглядом присутствующих. Равных ему по званию было немного; остальные и чином, и возрастом были гораздо старше. Поди скажи им что-нибудь, учи их уму-разуму...

Он поборол волнение и, стараясь заикаться не больше обычного, сказал:

— Стараемся все делать по правилам, товарищ генерал. Вот и весь доклад, — сказал он и улыбнулся.

Напрягшийся было зал вздохнул с облегчением, а затем взорвался аплодисментами.

В прошлом году друзья отметили 60-летие Петре Майсурадзе.

Стол завален грамотами, благодарностями, наградами за безупречную службу. Из этой груды наград Майсурадзе с гордостью извлекает документ о присвоении ему почетного звания «Динамовец». Динамовцы утверждают, что это звание заслужить труднее, нежели самый почетный орден.

Членский билет № 1 принадлежал Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. У Майсурадзе билет № 445.

Он остался верен своей отроческой страсти к футболу.

Кавалер двух орденов и восемнадцати медалей, он является также автором множества рационализаторских предложений, которые вот уже много лет успешно применяются на практике. У него дочь и двое сыновей. Младший, Тенгиз, пошел по стопам отца, остался в армии и уже получил звание лейтенанта.

В Музее пограничных войск в Москве стоит мраморный бюст Петре Майсурадзе.

За всю жизнь он не написал ни одного заявления, никогда не просил о переводе в другое место, о новых назначениях. Шел туда, куда посылали. На рожон не лез, но перед трудностями и препятствиями не отступал, от жизненных бурь не отгораживался. Старался достойно соблюдать правила, начертанные самой жизнью. Следовать им с точностью, верностью, принципиальностью, не щадя себя.

Принципы его также остались неизменными с отрочества. То, что он тогда считал важным и святым, не подверглось переоценке и поныне.

Ему не довелось вернуться в родной город, где бы он ни жил, повсюду с уважением относятся к достоинству и качествам грузинского характера. Тех, кто жил рядом с ним, он сумел влюбить в Грузию...

Недавно ректор Киевского инженерного института гражданской авиации, доктор технических наук Александр Федорович Аксенов, помощником которого в настоящее время работает Майсурадзе, писал: «Выражаю Вам искреннюю и глубокую благодарность за то внимание, которое неизменно оказываете Вы коллективу научно-исследовательского сектора в деле развития в институте научно-исследовательской работы».

И все-таки ему не удалось полностью реализовать свой талант. Поразительная точность выражений, бескомпромиссная требовательность к себе, быстрота и глубина оценок, мастерское умение передавать свои знания и опыт, природная склонность к изобретательству говорят о том, что носитель всех этих качеств был предназначен для иного рода деятельности.

Что подделаешь, война распорядилась по-другому.

Когда новобранцы принимают присягу, им всегда по традиции воинское начальство желает мирного неба.

Того самого мирного неба, за которое Петре Майсурадзе и его товарищи отдавали все, что имели — без колебаний, без сожалений, от всей души и навеки.

ПОЛВЕКА назад на месте села Хеивани тогдашнего Гагрского района были топкие болота, спящие на морском берегу. Нынешние колхозники жили тогда в горах, среди камней, раскаленных летним солнцем. А зимой горы снега ложились на дорогах, преграждая путь к долинам. Советская власть помогла осушить болота и превратить их в плодородные долины, проложила дороги, и люди спустились к морю.

Прокофий Сванидзе приехал в эти края с отцом в 1940 году из-под Кутаиси, да так здесь и остался.

Прямая, как стрела, улица. Ворота, калитка. Возле нее — две пальмы. В глубине большой двухэтажный дом с широкой входной лестницей. Справа — мандариновый сад. Сзади — виноградник.

А вот и сам дважды Герой Социалистического Труда Прокофий Николаевич Сванидзе. Среднего роста, чуть полноватый. На нем — коричневый свитер, серые брюки, кепка «аэродром», в руках — лопата, видимо, что-то копал.

— Я сейчас, сейчас..

И скрылся в помещении, расположенном за домом. А вскоре была собрана скатерть-самобранка.

В моей записной книжке уже немало сведений о кол-

Александр ФРОЛОВ:

«В НАШЕЙ
СТРАНЕ
ТАКИХ,
КАК Я,
МНОГО...»

хозе «Хеивани», а я все выжидаю момента, когда можно будет поговорить с хозяином о его жизни.

Колхоз «Хеивани» — интернациональный. В нем трудятся абхазы и грузины, армяне и латыши, русские и греки. В столовой до рогу от столовой — правление. За ним — огромная доска показателей работы всех бригад колхоза. Лучшие — у бригадира третьей Аветиса Грантовича Минасяна. По каждой культуре, по сравнению с остальными бригадами, у него урожай выше на 5—30 центнеров. И что характерно, урожаи ежегодно растут. Если в 1980 году бригада собрала с каждого гектара при плане 11,5 центнера табака 14,2, то в прошлом — 20 центнеров. Поднимается вверх кривая урожайности овощей, винограда.

По разговорам с людьми, по достигнутым результатам понял, что дела в хозяйстве идут нормально. Председатель — человек хотя и молодой, но энергичный, общительный, дело свое знает, агроном. Правда, работать здесь нелегко. Почему? На территории колхоза расположено 15 домов отдыха, не считая нескольких предприятий. Чуть что — люди уходят туда. Там — легче. Постель застилать — не землю лопатой копать. Чтобы вырастить растение, тот же табак, ему надо за лето «поклониться» 150 раз!

Показатели бригад толкнули и на такую мысль. Урожаи в них иногда очень разнятся, хотя и земля одинаковая, и небо над ними одно. В том же колхозе «Хеивани» они очень пестрые. Почему? Видимо, люди не отдают земле то, чего она требует, трудятся спустя рукава. Возьмем, скажем, разницу в урожае хотя бы в один центнер. Если эту цифру помножить на площадь колхоза, района, всей страны, то это составит десятки миллионов центнеров. Вот где таятся неисчислимы резервы увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

— Году, кажется, в 1951 в Хеивани приезжала копенгагенская молодежная организация консервативной партии Дании, — вспомнил Прокофий Николаевич. — Руководил ею человек лет тридцати, экономист Пер Иохансен. Он не поверил, что годовой доход колхоза превысил пять миллионов рублей, что люди, жившие на клочках земли, вырванной у болота, имеют теперь 1.700 гектаров земли, более тысячи голов скота, что здесь научились разводить табак и цитрусы и что для их детей открыты две школы-десятилетки — грузинская и русская.

Когда председатель колхоза Серапион Чания об этом рассказывал гостю, нисколько не смущаясь, безапелляционно заявил: «Этого не может быть».

Тогда председатель колхоза попросил принести акт о закреплении земли навечно за колхозом. Принесли и сведения об учете

доходов колхозников: они зарабатывали в год по 4—6 тысяч рублей.

Кто-то из делегации спросил:

— А как у вас живут многосемейные?

Чания не ответил. Он посмотрел в окно и увидел возле правления, где происходил разговор с датчанами, колхозницу Михалеву, мать двенадцати детей. Он вышел вместе со всеми из кабинета, подошел к Михалевой и попросил ее показать свой дом.

Чания ходил по новому, хорошо обставленному дому Михалевой и, распахивая двери комнат, одну за другой, повторял:

— Смотрите!

А по улицам села в это время мчались «Победы» и «Москвичи» колхозников. (Не могу не отметить, что спустя тридцать с лишним лет после событий, рассказанных выше, видел, как по улицам Хеивани сновали уже не «Победы», а юркие «Жигули» и элегантные «Волги»).

Датчанин Пер Иохансон познакомился и с Прокофием Сванидзе. Когда гость стал удивляться успехам Прокофия, он ответил, что его жизнь — не исключение.

— Таких, как я, в нашей стране много..

Прокофий Сванидзе приехал в Хеивани из горного села Цхукушери Цагерского района, что недалеко от Кутаиси. Отец умер, когда ему было 16 лет. Пришлось стать главой семьи. Хотя семья и осиротела, два брата и сестра получили образование. А когда пришла война, братья пошли воевать. Один, студент педагогического института, погиб на фронте. Младший сержант Прокофий Сванидзе освобождал от фашистов Ростов, Одессу, Румынию, Польшу, форсировал Одер. Дважды был тяжело ранен. Дошел со своим минометным расчетом до Берлина. И когда на ступеньках сожженного рейхстага в последний день войны — в первый день мира — присели грузин Прокофий Сванидзе, саратовец Николай Самашев и одессит Иван Кочкин, Самашев достал кiset и сказал:

— Закурим на прощание саратовской махорки. Может, Прокофий, скоро будем курить твой, абхазский?

В ответ:

— У нас в колхозе табак не растет. ;

Тогда не знал еще сержант Сванидзе, что ошибается, что в родном селе уже начали разводить эту культуру. Возвратился Прокофий в Хеивани после войны и сразу стал бригадиром. 22 года исправно нес эти нелегкие обязанности. За это время было всякое. Опыта разведения табака у него не было. Советовался с людьми. Читал литературу. Были случаи, когда растения с корнем вымывали

ливневые дожди — они здесь нередкие гости. Но у бригады не опускались руки. Было мало машин. Выручили мотыга, мозолистые руки, работа до седьмого пота. И не случайно, что в бригаде урожай табака из года в год превышал 20 центнеров с каждого из 11 гектаров.

Отметины войны заставили бригадира преждевременно уйти на покой...

Что же еще я узнал о жизни коммуниста Прокофия Сванидзе? Он за боевые заслуги награжден двумя орденами Славы, за трудовые — тремя орденами Ленина и двумя золотыми медалями «Серп и Молот». В орденской книжке знатного земледельца записано о причине награждения: «За Ваши исключительные заслуги перед государством».

В селе установлен его бюст. Правда, находится он на территории табачного ферментационного предприятия, куда без пропуска не попадешь...

Прокофий — депутат сельского совета, член правления колхоза и людская совесть. Случись ссора в семье, радость—люди идут к Прокофию. Он даст совет, утешит в горе, помирит поссорившихся.

Я спросил Прокофия Сванидзе, что он больше всего порицает в человеке.

— Лень и безделье... И как миллионы моих сограждан, ненавижу войну. Мир — это труд, почет, хлебосольный дом.

— Своих дел полно,—говорит Прокофий Николаевич,—сегодня меня волнует заметное отчуждение людей от крестьянского труда. По моим стопам не пошли ни дочь Маквала, ни сын Ваханг. Конечно, каждый человек должен хорошо работать на своем месте. Но вот отчуждение людей от земледельческого труда, потребность которого заложена в человеке самой природой, опытом многих поколений, ведет к потере чего-то очень дорогого, к какому-то внутреннему разладу. Мои дочь и сын, покинув землю, что-то потеряли.

Прокофий Николаевич не сказал об этом прямо, но намекнул так, что понять, что к чему — было нетрудно.

Есть надежда, что его внук Давид пойдет по стопам деда. Но только надежда. Какую же профессию изберет внучка Диана — покажет время. И уже с улыбкой, в которой светилась грусть, Прокофий Сванидзе сказал:

— Держал две коровы. У нас их пасут по горам, по очереди. Говорю дочери — завтра наша очередь, приходи. Не пришла. Одну корову в тот же день продал. Вечером она с укором: зачем продал, внукам нужно молоко. Ответил, что осталась еще одна и что ее тоже надо пасти. Отказалась. Точно так же поступил и сын.

К сожалению, мои дети — не исключение из правил. Благо в Гагра есть где устроиться на работу — полно санаториев, го-
стиниц. Пришлось продать и вторую. Сейчас держу только кур-
порсят. На большее не хватает силенок...

Сыну Вахтангу тридцать четыре года, а он все в холостяках ходит. Каждый день просит отца купить машину. Многие его товарищи их имеют. Прокофий отвечает, что будет машина, если он женится.

Поведал Прокофий и о том, что у него был еще один сын, Тариэл. Утонул, когда ему было девять лет. Жена Ольга Багратовна от этой потери до сих пор не может прийти в себя.

Прокофий достраивает дом. Вывез с участка сотни кубометров песка. Брат Варлам — он на 10 лет моложе Прокофия — работает в колхозе бухгалтером.

— Знал и знаю многих жителей, которые ушли из деревни в разное время и по разным причинам. Они от села отошли, но и к городу не пристали. Труд им не приносит радости и удовлетворения, где бы они ни работали. Я далек от мысли, что таким нужно все бросить и вернуться к крестьянскому труду, но сожалеть о политой потом предков земле, утренней росе, песне жаворонка в небесной синеве они всегда будут. Не секрет, что есть люди, которые, живя в городе, ощущают себя там чужаками.

А тосты шли своим чередом. Казалось, что им уже не будет конца. Прокофия Николаевича уже следовало пощадить — через год ему, как-никак, стукнет 70.

Пригубили за умерших его земляков: Героев Социалистического Труда председателя колхоза Самуила Антоновича Рухая и главного агронома Михаила Дмитриевича Чипагуа. Колхоз «дал» стране восемь Героев Труда.

Прокофий Сванидзе провожал нас за калитку. В его рукопожатии еще чувствовалась сила, а ясный взгляд говорил, что он еще потрудится на земле. Жизнь ведь такая штука: пока гребешь — двигаешься вперед, чуюк отпустил весла — и тебя понесет назад.

В БОЙ

ВСТУПИЛИ

«КАТЮШИ»

НАЧАЛО ПУТИ

ШЕЛ седьмой день войны, когда меня, совсем еще молодого преподавателя тактики Московского артиллерийского училища им. Красина, вызвал начальник училища полковник Бажанов.

— Товарищ Небоженко! С вами хотят побеседовать члены комиссии ЦК.

Наконец-то! Я в душе ждал и побаивался этого момента. О том, что в училище работает специальная комиссия ЦК, отбирающая командиров для посылки на фронт, я знал. Но поскольку в армии, тем более в военное время, не приняты излишние расспросы, я лишь догадывался, что речь идет о каких-то особых частях. Что-то в самом тоне начальника училища, придавшем многозначительность вроде бы простым словам, вызвало у меня предчувствие необычайной важности предстоящего собеседования.

За четыре года учебы в училище, а потом двухлетней работы под началом Юрия Петровича Бажанова я научился хорошо различать его интонации, имевшие для нас иногда большее значение, чем сами слова. Доброе отношение к себе Юрия Петровича я ощущал постоянно (был он для меня не только начальником, командиром, но и наставником, хотя в то время не существовало в обиходе этого слова). Значит, рекомендовал! — сердце мое учащенно стучало. В глазах

Глава из книги Т. Н. Небоженко «В бой вступили «Катюши»», подготовленной к печати.

моих, видимо, отразилась такая неподдельная радость, что на осунувшемся лице полковника Бажанова промелькнула улыбка.

— Рветесь побыстрее на фронт? Понимаю, хотя вы здесь очень и очень нужны. Надеюсь, все будет в порядке, я в вас верю.

Но и на комиссии я не сразу узнал, о чем идет речь. Первые вопросы касались биографии. Безусловно, уже знакомился с моей анкетой. Вкратце я рассказал: родился в 1915 году в семье крестьян-бедняков. В школе был секретарем комсомольской ячейки, членом райкома комсомола. Принимал активное участие в организации колхоза. Профессию выбрал еще в младших классах школы — мечтал стать артиллеристом. Осуществил мечту, поступив в артиллерийское училище. Учился хорошо, был членом бюро комсомольской организации, по окончании остался в училище командиром взвода курсантов. В Коммунистическую партию вступил в 1939 году. Следующие вопросы комиссии касались моей специальности. Затем мне предложили выйти и подождать. В течение двадцати минут,

«...Книга Т. Н. Небоженко «В бой вступили «Катюши» — результат большого труда автора, решившего рассказать об отдельной реактивной батарее, принимавшей участие в ожесточенных боях в обороне Киева, 48-го отдельного гвардейского реактивного дивизиона, участвовавшего в 73-дневной героической обороне Одессы, Крыма и в боях в Донецких степях, 54-го гвардейского реактивного полка, который сражался под Москвой, Ржевом, на Курской огненной дуге, в Белоруссии, Прибалтике, Восточной Пруссии, на Дальнем Востоке с японскими самураями, 25-й отдельной тяжелой гвардейской бригады «Катюш» — воевала на Курской дуге, освобождала Смоленщину, Белоруссию, Советское Заполярье, Норвегию, Польшу, штурмовала Берлин и последний залп дала по рейхстагу.

О героических подвигах гвардейцев - ракетчиков «Катюш», среди которых были представители всей нашей многонациональной Родины, о политработниках, офицерах штабов, тыла, об их самоотверженном труде во имя победы написаны эти волнующие воспоминания. Они не только волнуют, но и многому учат, заставляют человека, будь то бывалый фронтовик или воин нынешнего поколения, или юноша, которому предстоит нести воинскую службу, еще глубже осознать величие совершенного советским народом подвига, еще больше ценить Родину, во имя которой этот подвиг совершен...»

Герой Социалистического Труда, маршал артиллерии

П. Н. КУЛИШОВ

(Из предисловия к книге Т. Н. Небоженко «В бой вступили «Катюши»).

пока я ожидал решения, я то взлетал в заоблачные выси, мысленно видя себя на фронте командиром взвода, орудий нового образца, то повергался в уныние и опять надеялся.

Но вот меня снова пригласили в кабинет начальника училища. То, что я услышал, превзошло все мои ожидания — речь шла о совершенно новом реактивном оружии, поступившем на вооружение Красной Армии. Мне предстояло стать командиром отдельной реактивной батареи — одной из самых **первых** пока еще очень немногих батарей, направлявшихся на разные участки фронта.

— Приступайте к формированию. Срок — две недели, — таков был заключительный итог собеседования.

Я был счастлив, преисполнен гордости, но, что скрывать, еще не осознавал полностью бремя огромной ответственности, которое отныне ложится на меня — не только как на любого командира артиллерийской батареи, но и ответственности за сохранение государственной тайны, за то, чтобы ни при каких обстоятельствах ни одна боевая машина не попала в руки врага.

Началось формирование батареи — прибывали артиллеристы, рядовые и сержанты, во двор училища въезжали грузовые автомашины новой марки «ЗИС». Начались специальные занятия для знакомства с новым оружием. Пока они были чисто теоретическими — лишь через месяц впервые воочию увидели мы действие наших «Эрэсов», как сокращенно называли реактивные снаряды, перенеся это название на боевые машины.

Итак, мне, старшему лейтенанту, которому в то время было только 25 лет, доверили командование одной из первых батарей нового реактивного оружия. Приступая к ее формированию, я, безусловно, был далек от мысли, что реактивное оружие, только начинавшее тогда свою боевую биографию, станет моей военной специальностью почти на четверть века, так же как не мог себе представить, родоначальниками какого потомства совершенной ракетной техники станут скромные по нынешним понятиям установки сорок первого года.

Но и то, что мы (я как командир батареи и командиры взводов и расчетов) увидели, знакомясь с боевыми установками, не могло не поразить воображение. Прежде всего поразило отсутствие стволов — вместо них укрепленная на машине своеобразная платформа с своеобразными рельсами, так называемыми направляющими. И, главное, 16 ракет, которые

могут быть выпущены одновременно в течение 10—15 секунд, причем радиус действия в пять раз больше артиллерийского снаряда.

Не знаю, как представлял себе каждый новое оружие в действии, но мне кажется, всеми уже в тот первый момент знакомства с ним владела одна мысль: «Вот оно, оружие победы над врагом!». Эта победа казалась нам тогда гораздо более близкой, а цена ее гораздо менее жестокой, чем стала она на самом деле.

И все-таки мы были правы — наше новое, невиданное раньше оружие сыграло большую роль в разгроме фашистской армии. Недаром гитлеровское командование прилагало колоссальные, так и не увенчавшиеся успехом усилия, чтобы захватить «Катюши» в качестве трофея.

Славная боевая биография одной из самых первых батарей «Катюш» началась на украинской земле.

26 июля 1941 года я доложил заместителю Наркома обороны В. В. Аборенкову (в сентябре 1941 года он стал командующим гвардейскими минометными частями) о готовности батареи и получил карту предстоящего маршрута, конечной целью которого был Киев.

За трое суток, преодолев для этого 1000 километров, нам предстояло прибыть в Киев. Задача была нелегкая: не только совершить марш (кстати, первый в моей жизни) в предельно короткий срок, но и сохранить боеспособность батареи.

Тысячекилометровый переход мы совершили за трое суток, а точнее—за три ночи: двигались в основном ночью с потушенными фарами, чтобы максимально уберечься от бомбежек: слишком дорого во всех отношениях обошлась бы потеря даже одной боевой машины.

Первый приказ гласил: батарею сосредоточить в Киеве, в Ботаническом саду, боевой порядок занять в районе поселка Ирпень и быть готовыми дать залп по врагу, сосредоточившемуся на западном берегу реки. Нам предстояло поддержать героическую борьбу защитников столицы Советской Украины... Земля моих предков. Как семейное предание, передавалась несколькими поколениями семьи Небоженко история о том, как храбро сражался хорунжий Небоженко в войске Богдана Хмельницкого и весьма ценим был оным. И хоть родился и учился я на территории России, но отделяла наше село от Украины только небольшая речушка, и я все равно считал Украину своей родиной, а воинские подвиги моего пра-пра-прадеда

во многом определили сделанный еще в детстве выбор военной профессии. «Не посрамлю твоего имени, диду, не позволю топтать фашисту твою могилу», — мысленно клятва, когда наша батарея размещалась в Ботаническом саду Киева.

О мужестве бойцов Красной Армии и народного ополчения, проявленном в боях за Киев, о массовом героизме жителей города мы слышали много. Упорное сопротивление частей Красной Армии вынудило немецкое командование произвести перегруппировку войск и подтянуть свежие силы в район западного берега реки Ирпень. Вот на эти подкрепления и предстояло обрушить огневую мощь нового оружия.

И вот, наконец, ровно пять часов утра. Уже доложена готовность огневого взвода. Обращаюсь к командиру: «Разрешите открыть огонь». Получив «добро», передаю команду: «По фашистским захватчикам, батарея, — огонь!». Знаю: там, на огневой позиции, ее примет командир взвода и передаст боевым расчетам.

Тишину раннего летнего утра разорвали оглушительной силы раскаты — около сотни тяжелых ракет батареи прочертили в небе огненные следы, напоминающие хвосты исполлинских комет. С наблюдательного пункта хорошо было видно, как пламя охватило вражеские танки, машины, как в панике разбежались немногие оставшиеся в живых фашисты. Впоследствии взятый в плен обер-ефрейтор рассказывал: «От залпа уцелели считанные единицы, да и тех трясло, как в лихорадке, а некоторые солдаты лишились рассудка».

Нужно сказать, что даже мы, казалось, подготовленные к эффекту действия наших боевых установок, были ошеломлены результатами первого залпа.

— Вот это мощь, — произнес генерал Кирпонос, опуская бинокль. — Да, да... — Генерал крепко пожал мне руку: — Ну, спасибо, старший лейтенант! Побольше бы таких зрелищ, — он кивнул в сторону гитлеровских позиций. — Не представлял я такую силу. С твоими «Эрэсами» мы повоюем.

Так впервые заявило о себе новое советское оружие на юго-западном фронте.

Историю названия этого нового реактивного оружия установить очень сложно. Гвардейцы всех соединений «Катюш», действовавших на разных фронтах, оспаривали место его рождения. Оно, конечно, так и не установлено, да это и неважно. Но у названия есть своя предыстория. Самое первое от-

Центральная библиотека
Министерства обороны СССР

ражало суть нового оружия — «реактивные снаряды». Однако заполнившие русский язык сокращения проникли и в военное дело: оно сократилось до «Эрэс». Бытовало и второе сокращение «БМ» (боевая машина), но чем больше стала распространяться на фронтах слава об «Эрэсах», тем меньше удовлетворяло бойцов название. Не было, конечно, ни научных, ни даже ненаучных дискуссий по этому поводу, но появилось у боевой установки имя — Ранса Семеновна. Но долго оно не прижилось — уважительно, но слишком официально. Оно не отражало любовь, даже нежность, испытываемую к этому мощному, смертельно разящему врага оружию. Повторяю, не знаю кто, когда и при каких обстоятельствах впервые произнес ласковое «Катюша». Слышал я от людей, воевавших в тридцать шестом в Испании, что «Катюшами» окрестили испанские республиканцы реактивные снаряды, которыми были вооружены некоторые советские самолеты, сражавшиеся в небе Испании. Может быть и так, мне же кажется, что название это родилось вместе с переделанной на военный лад чудесной песней о Катюше. Не отвечали, безусловно, строгим литературным нормам новые слова, но вместе с самим именем долгожданного на всех фронтах оружия передавалась из уст в уста и песня. И звучала в короткие передышки между боями: «Выходила, песню заводила про большого, лихого врага, про того, которого разила, про того, кого живьем сожгла».

Нужно сказать, что у фашистов ходили о «Катюше» самые разнообразные легенды, и они дали ей свое имя — «Черная смерть». Даже разбрасывали угрожающие листовки, что в ответ на «Черную смерть» применят химическое оружие.

Я находился на наблюдательном пункте, когда мне сообщили, что немцы выбросили воздушный десант в районе нашей огневой позиции. Связь с огневой позицией оказалась прерванной, и я немедленно выехал на место. Тут же пришлось принимать руководство боем. Немецкие десантники опустились на довольно обширном пространстве, и таким образом на смену уничтоженным подходило подкрепление. Положение осложнялось еще и тем, что часть фашистских парашютистов появилась в нашем тылу — явно немцы обладали достоверными сведениями о том, что батарея «Черной смерти» располагалась именно в данной местности: охотились ведь фашисты за нами постоянно. Конечно, чуть раньше или позже к нам должна была подоспеть помощь наших «подзащитных», как мы шутя называли пехотные соединения, которым придавались наши «Катюши». Но время на фронте не считается

с этим «чуть» — «чуть позже» означает всегда потери, то есть те человеческие жизни, которые стоят за этим словом и могут в любой момент оборваться. И вдруг немецкие автоматчики в нашем тылу перестали появляться, я увидел, как их перехватывает какое-то подразделение, вступившее в бой. Что это за подкрепление и откуда оно, размышлять в тот момент не приходилось. Важно было одно — оно есть, и десант мы уничтожим.

Совсем неподалеку от нашей огневой позиции отделившаяся в процессе боя от остальных группа бойцов вступила в схватку с фашистскими автоматчиками. Силы были примерно равны, и сомнение в исходе борьбы у меня не возникало; и в более сложной обстановке при перевесе сил врага помогал в подобного рода бою одерживать победу советский патриотизм. (Пусть не воспримет молодой читатель эту фразу как громкое слово — те, кто прошел фронт, несомненно скажут то же самое). Но вот упали двое из бойцов, видимо, тяжело раненные или убитые, и тут произошло неожиданное для меня: вижу, бойцы, шедшие в атаку рядом с ними, почему-то замешкались и стали отступать в направлении нашей огневой позиции. Но не прошло и нескольких минут, как до моего слуха донесся громкий возглас: «Стой! Ни шагу назад! За мной, вперед!» В какое-то мгновение подавший команду офицер уже был впереди, его автомат выпускал одну очередь за другой, а сам он словно и не видел падающих вокруг вражеских пуль. «Молодец командир», — невольно отметил я. Я находился на другом краю поля боя и следил за всем его ходом. Больше таких заминок не было, дрались все действительно отважно.

Десант был разгромлен, и я решил познакомиться с офицером, командовавшим, как я понял, разглядев форму бойцов, курсантами. Подоспел я как раз к разбору прошедшего боя. Глядя на курсантов, на их командира с петлицами военного комиссара, я не сразу сообразил, что именно привлекает меня в их облике. И только еще раз окинув взглядом статную, ладную фигуру комиссара, курсантов в гимнастерках, заправленных под ремень по полной форме — все складки только по бокам, я понял: выглядят они так, будто не только что вышли из боя, а готовятся на парад. Даже звездочка на пилотке у каждого строго по центру, хоть перпендикуляр проводи, что является в армии высшим признаком подтянутости.

Мое расположение к комиссару сразу же неизмеримо возросло — я ведь и сам преподавал в военном училище и

тоже всегда требовал от своих курсантов подтянутости и по-
ложенной по уставу выправки: всегда был глубоко убежден,
что внешний вид влияет и на внутреннее состояние, там, где
собранный внешняя, ей обычно отвечает и внутренняя.
А в армии вдвойне.

Разбор боя комиссар проводил спокойно. Мне понравил-
ось, что прежде всего он подчеркнул мужество, проявленное
его воспитанниками, выразил уверенность, что они и в буду-
щем не дрогнут перед врагом. Восхищение вызвало у ме-
ня и то, с какой тактичностью остановился он на происшед-
шем инциденте. Никаких позорящих эпитетов в адрес курсан-
тов, начавших отступать во время боя, никакого распека-
ния (что греха таить, некоторые офицеры считают наказание луч-
шим методом воздействия, даже в мирное время, на провин-
ившихся солдат, а уж на фронте они вообще считали изли-
шеством «заниматься психологией» того или иного поступка
и вникать в причины). Комиссар даже не назвал имена тех,
кто в этом своем первом бою в какой-то момент растерялся.
«Я знаю, это не трусость — просто не каждый сразу же об-
ретаёт силу духа, а мы, политработники, на то и поставлены,
чтобы воспитывать ее, что называется, денно и нощно», —
объяснил он мне потом. Нет, комиссар не обошел стороной
этот момент боя. Но, рассматривая происшедшее как резуль-
тат отсутствия боевого опыта, еще раз подробно разобрал сло-
жившуюся во время боя ситуацию (причем сразу чувствовалось,
что это не просто политработник, но и профессиональ-
ный военный), как велся и как должен вестись бой. И хотя ни
одного плохого слова не было произнесено в адрес бойцов, я
видел, как переживают те, к кому косвенно относились слова
комиссара: «Учтите, если вы поворачиваетесь к врагу спиной,
он не замедлит расстрелять вас. Только вперед, и враг дрог-
нет». Кстати сказать, когда мне довелось на фронте же встре-
титься с комиссаром Пайчадзе во второй раз, он рассказал,
что курсанты, о которых шла речь выше, так воюют, что по-
лучили медали «За храбрость».

На высокой патриотической ноте прозвучали заклю-
чительные слова комиссара, предложившего почтить память по-
гибших товарищей и отомстить за них гитлеровским фаши-
стам. Я видел по лицам курсантов — они дошли до их сер-
дец, пробуждали у них ненависть к врагу.

Когда комиссар закончил разбор боя, я подошел к нему:
«Спасибо за помощь!».

— Как мои курсанты, товарищ старший лейтенант? Я

«считаю, для первого боя они показали себя отлично. А ведь еще совсем мальчишки, некоторым только-только восемнадцать исполнилось. Но крепкие ребята, — в голосе комиссара звучала гордость.

— Орлы! — улыбнулся я, а комиссар просиял.

Мы разговорились. Я узнал, что курсанты — из Киевского танкового училища, они находились на тактических занятиях в поле, когда увидели десант. Комиссар, присутствовавший на занятиях, тут же принял на себя командование и повел курсантов в бой.

— А кому мы, кстати, помогали? Это не те ли рельсы на машинах, что адский огонь фашистам посылают? — шутил он. — Земля всегда слухами полнится — кое-что и до меня дошло, — он взглянул в сторону, где стояли наши еще не зачехленные после залпов боевые машины, которые мы давали в поддержку пехоты незадолго до появления десанта.

Я в ответ промолчал.

— Молчание — знак согласия, — чуть лукаво заметил комиссар, а потом серьезно добавил: — Важна не форма, а суть. Как бы ни называлось ваше оружие, важно, что оно хорошо разит фашистов. А знаете что? — неожиданно предложил он. — Давайте отметим боевыми ста граммами наш общий успех и поднимем тост за окончательную победу над Гитлером. Правда, мы, грузины, любим длинные, красивые тосты, но нет сейчас красивее коротких слов «За Родину! За Сталина!»

К сожалению, принять предложение комиссара я не мог.

— Ничего, — обнимая меня, как старого друга, на прощание произнес он. — Мы еще встретимся у нас, в Тбилиси, после войны. Будем считать, что мы теперь вроде бы побратимы. Знаете, у Шота Руставели:

«Но клянусь я, где б я ни был,

Сердце горечью не рань.

Этих троп я не забуду,

Жаждаю встреч с тобою буду

И тебя найду повсюду,

Как находит воду лань», —

процитировал он и еще раз крепко сжал мне руку.

Дороги войны... Мы никогда не знали, с кем они сведут нас и с кем разлучат. Они были настоящим калейдоскопом встреч и расставаний, причем часто довольно неожиданных. Жого-то, с кем я начинал свой боевой путь и расстался, уйдя в сентябре 1941 г. из батареи на командование дивизионом,

135940
302011033

я так больше и не встретил до самого конца войны, а с другими, пройдя многие фронты, закончил войну на территории фашистской Германии, в Берлине, где наши «Катюши» дали залп по рейхстагу. Среди и тех и других было много прекрасных людей, с некоторыми из них читатель еще встретится на страницах моих воспоминаний, о многих просто нет возможности рассказать. Но не только в памяти — в сердце живут бойцы и командиры батареи, дивизиона, полка, бригады, которыми мне довелось последовательно командовать.

Есть у меня несколько фронтовых друзей, людей очень мне дорогих, время встреч с которыми на фронтовых дорогах исчислялось в сумме всего лишь днями, но эти дни стали узелками, крепко связавшими нас на всю жизнь. И сегодня сотни, а то и тысячи километров, пролегающие между городами, где мы живем, не ослабляют нити дружбы.

Передо мной фотография — с нее глядит волевое, гордое и вместе с тем доброе лицо молодого человека в офицерской форме с петличками военного комиссара. И еще одна, отделенная от первой почти сорока годами: мой друг в группе ветеранов Великой Отечественной войны у поста «Катюши» в Одессе. Годы, конечно, не прибавляют молодости и, увы, к сожалению, не красят, но весь облик Галактиона Афанасьевича Пайчадзе говорит о том, что он по-прежнему комиссар, то есть человек, ведущий за собой других, умеющий вдохновить на большие дела. Одно из них связывает нас с Галактионом Афанасьевичем, помимо просто дружеских уз, еще и единой целью — военно-патриотическим воспитанием молодежи.

Рэм ДАВИДОВ

ГОДЫ ВОЙНЫ, ГОДЫ ТРУДА

ЭТО была первая послевоенная зима. Махнула она в волнистым рукавом и засыпала землю снегом.

Тряхнула второй раз — утопила в снегах всю Самгорскую степь. А она не маленькая — от Тбилиси до самого Гардабани раскинулась.

Снега, снега... Давно такого не знали в Грузии. Правда, январское солнце стояло в зените огромным оранжевым шаром. Снега — налево, снега — направо. Искрился снег бесчисленным множеством драгоценных камешков.

В один из таких дней гвардии майор запаса Кирилл Никифорович Уклеба приехал в строящийся город Рустави. Он был инженером-строителем и, еще находясь на фронте, мечтал о дне, когда, вернувшись к мирному труду, начнет поднимать из руин и пепла советские города, разрушенные войной. Будучи на фронте, он узнал и о том, что в 30 километрах от Тбилиси, на месте некогда голой, безжизненной степи начинается сооружение нового города Рустави и стройка нуждается в кадрах.

Кирилл Уклеба направился в контору. Этот маленький домик с легким тесовым крылечком в Рустави знали все. Здесь приютился трест с громким названием «Закавказметаллургстрой», которому в дальнейшем предстояло воздвигнуть пер-

венец черной металлургии Закавказья — Руставский металлургический завод, предприятия большой химии — по производству минеральных удобрений, капролактама, химических волокон, цементный, краностроительный, другие заводы, а рядом — город с населением до 160 тысяч человек.

За окнами домика во всю ширину снежной степи шумела стройка. «Газики» брали приступом каждый метр дороги. Клевали промерзлую землю экскаваторы. Свечами подымались столбы, по ним протягивались электропровода, в которых свистел ветер. Чуть поодаль стояли два крохотных вагончика, где проживало начальство, а вокруг раскинулось до двух десятков брезентовых палаток для первых строителей. На фоне белой пустыни палатки казались черными, как бы обугленными.

Очень хорошо приняли Кирилла Уклеба в тресте. Обрадовались, узнав, что после окончания Грузинского политехнического института он работал заместителем главного инженера на одной из крупных строек, что и в первые месяцы войны строил аэродромы.

— Да, такие люди нам очень нужны, — сказал ему начальник строительства, крепко пожимая руку. — Будете работать, Кирилл Никифорович, начальником карьерного управления. Это наиболее ответственный участок. Стройка сильно нуждается в строительных материалах, без которых нет и не может быть дорог, домов, промышленных зданий.

Кирилл Уклеба сразу привлек внимание присутствующих в конторе. Он был человеком незаурядной внешности: среднего роста, мускулистый, с крупной головой, красивыми темными волосами. Резко выраженные черты смуглого обветренного лица выдавали сильную волю.

Грудь его украшали золотая звезда Героя Советского Союза, ордена Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, два ордена Отечественной войны I степени, орден Отечественной войны II степени, Красной Звезды, до десятка медалей.

«Сразу чувствуется крепкий сплав инженера с фронтовиком. На него можно положиться», — таково было мнение всех сотрудников треста.

Вечером Кирилл Никифорович вернулся из Рустави домой, в Тбилиси. «Все! С войной уже кончено, — сказал он жене. — Пора вновь возвращаться к мирному созидательному труду».

Темнело. Столица республики погружалась в сон. Но

долго, очень долго не мог заснуть Кирилл Уклеба, вспоминая прошлое, мысленно заглядывая в будущее. Вынул из письменного стола большой конверт со старыми, выцветшими от времени фотографиями военных лет.

22 июня 1941 года. Несет воинскую службу под Ленинградом юноша из села Курсеби Ткибульского района Кирилл Уклеба. На рассвете этого навсегда запомнившегося ему дня он проснулся внезапно. Кто-то вбежал в казарму и громко крикнул:

— Подъем!.. Тревога!..

Кирилл наспех оделся и вместе с остальными выскочил во двор. На ходу застегивая ремень и поправляя шлем, он бежал в строй... Через какие-то минуты стали отчетливо слышны раскатистые взрывы. Они донеслись со стороны города. Что это? Неужели бомбы?!

Еще через несколько минут все прояснилось. В казарме состоялся короткий митинг. Комиссар полка сообщил личному составу о том, что войска фашистской Германии без объявления войны, вероломно нарушив государственную границу, вторглись на территорию СССР и подвергли ожесточенной бомбардировке мирное население многих советских городов.

Полк стал готовиться к боевым действиям. Была во всей этой подготовке и какая-то необычная, приподнятость, торжественность. Люди еще не представляли себе по-настоящему, что такое долгая, кровопролитная война.

Это будет потом, когда рядом убьют товарища, когда ты увидишь, как бредет по дороге с длинной палкой пятилетняя девочка с истертыми в кровь босыми ногами, на глазах которой расстреляли мать и брата, как спотыкается, падает, и ты бессилён вырвать ее из лап смерти.

Это будет потом...

А сейчас... В воинской части, где служил К. Уклеба, сразу же все было приведено в полную боевую готовность. Через двадцать минут после подъема по тревоге часть была готова выполнять свои обязанности.

Просмотрели еще раз личное дело Кирилла Уклеба и как инженера, специалиста, послали строить военные аэродромы. Он их строил, но сердце звало туда, где шли яростные бои с врагом, где были его друзья, где, как он сам считал, можно принести больше пользы Родине.

23 апреля 1942 года лейтенант К. Уклеба был назначен командиром взвода саперов на Северо-Западном фронте, а

вскоре переведен на должность заместителя начальника отдела штаба 59-й инженерно-саперной бригады Волховского фронта.

Вот одна из фотографий. Сиявинские высоты. Серые тучи плывут над Ленинградом. Артиллерийская батарея. У пушки стоит Уклеба. Да, он хорошо помнит тот день, когда его сфотографировали. Бригада, возглавляемая им, успешно осуществила одну из важнейших операций по уничтожению четырех дзотов противника, мешавших боевым действиям советских войск, и К. Уклеба был награжден орденом Красной Звезды.

Семь человек из бригады в тот день точным попаданием уничтожили особо важное укрепление врага, разгромили его, взяли в плен оставшихся в живых фашистов и невредимыми вернулись в часть.

— Молодцы, ребята! Завтра о вас заговорит весь Ленинград, вся страна, — сказал командующий армией, тогда еще генерал-лейтенант Владимир Захарович Романовский (с 1945 года — генерал-полковник). Он велел сфотографировать К. Уклеба и послать это фото для опубликования в газете Ленинградского фронта. Одну фотографию корреспондент подарил тогда на память отважному воину, защищавшему Ленинград.

В 1944 году К. Уклеба — командир саперного эскадрона кавалерийского корпуса — находится на Белорусском фронте.

В одном из боев командир корпуса был тяжело ранен, и Кирилл Уклеба взял командование на себя. Тогда и родился у него дерзкий замысел: ночью перетащить батарею через болото и оседлать дорогу, по которой фашисты подбрасывали подкрепление. Риск был большой: орудия могли застрять в трясине. Однако старшие командиры план одобрили: без риска, мол, не воюют. Тщательная разведка, предусмотрительность молодого командира помогли артиллеристам преодолеть трудности. Утром они почти в упор расстреляли вражескую колонну бронетранспортеров и вновь двинулись вперед, на Запад.

В боях при форсировании реки Вислы Кирилл Уклеба был дважды ранен — в голову и плечо, но поле боя до окончания сражения не покинул. «Командир у нас семижильный», — так говорили о нем. В госпитале, перевязав ему раны, твердо сказали: «На фронт больше нельзя, для лечения»

потребуется много времени». Но вскоре он бежал из госпиталя и весь забинтованный вернулся в эскадрон.

А впереди — освобождение Кишинева, Варшавы, шатающиеся бои на территории врага в Восточной Пруссии и Германии.

Письма, благодарности Верховного Главнокомандующего, фотографии, вырезки из газет, указы о награждении орденами... Все это — документы исторические. Они, эти полинявшие и выцветшие от времени документы, обязательно отыщут себе место на стендах музеев, потому что в них — история нашей Родины.

Вот еще фотография. Уклеба вместе с танкистами, артиллеристами сфотографирован возле самоходки. На ее броне надпись: «Вперед, на Берлин!» В боевом донесении тех дней сказано:

«Холодной зимней ночью ударная группа корпуса, в состав которой входили саперы под командованием старшего лейтенанта Уклеба, форсировала Одер в районе Кюстрина и насмерть вцепилась в берег. Попытки немцев уничтожить отважных воинов не увенчались успехом. В невероятно трудных условиях советские воины укрепили и удержали до подхода главных сил стратегический плацдарм».

Трудно представить себе всю грандиозную картину сражения, которое с начала 1945 года гремело по всей Германии. Двигалась громадная сила людей и техники, чтобы завершить войну победой, окончательно сломить, уничтожить гитлеровскую военную машину.

Но тогда не было времени вдумываться в величие этой силы. Надо было тщательно готовиться к боям, надо было выполнять поставленную задачу — стремительно гнать врага, чтобы он не успевал опомниться, не успевал закрепиться на подготовленных позициях. Надо было до мелочей продумывать каждую предстоящую операцию, чтобы с меньшими потерями идти к цели.

Под командованием Уклеба был создан передовой отряд, который должен был проложить путь корпусу на противоположном берегу Вислы, произвести глубокую разведку до берега реки Одер, переправиться через нее и захватить плацдарм на западном берегу.

Одер... От него до Берлина рукой подать — километров восемьдесят.

Переправлялись ночью. Очень скрытно, чтобы враг не почувствовал, что против него здесь готовится наступление.

041935340
302 00110333

Под покровом ночной темноты отряд занял свой участок и Кирилл Уклеба отправился на рекогносцировку переднего края обороны. Когда картина стала ясна, по приказу штаба корпуса провели разведку боем с целью выяснения огневых точек противника. На рассвете пошли в атаку. С боем были взяты сильно укрепленные деревни Крезм и Рандорф, обошли железнодорожную станцию Кельтмиц. Три дня и три ночи отряд Кирилла Уклеба вел непрерывный бой на Одерском плацдарме, удерживая его до подхода основных частей корпуса.

20 апреля 1945 года в 7 часов 15 минут началась артиллерийская подготовка и форсирование реки Одер всеми армиями ударной группировки фронта. Враг яростно сопротивлялся. Шли ожесточенные бои по расширению захваченных плацдармов и отражению многочисленных контратак четырех пехотных дивизий и танкоистребительной бригады противника, выдвинутых сюда из резерва главного командования.

На четвертый день после начала наступления с Кюстринского плацдарма отряд Уклеба увидел Берлин — огромный город, раскинувшийся широко по всему фронту.

К Берлину тянулись лучи асфальтовых дорог, разбитых гусеницами танков и штурмовых орудий отступавшего противника.

Дороги пересекали главную магистраль, которая кольцом опоясывала город и легкой полосой уходила в туманные дали. Гитлеровцы поспешно откатывались за нее, торопясь занять там заранее подготовленные позиции.

Вместе с тысячами советских воинов вступил в логово гитлеровского фашизма и отряд Героя Советского Союза Кирилла Уклеба. А затем он безостановочно шел на Заксенхаузен, Ораниенбург и наконец вышел на Эльбу, где и закончил свой долгий, трудный, но победоносный поход.

Сперва Кирилл Никифорович начал работать начальником карьерного управления. Затем — начальником специализированного строительного управления. А когда в Рустави, наряду со строительством металлургического завода, началось и строительство химического комбината, он был назначен начальником крупнейшего стройуправления «Химпромстрой». Более пятнадцати лет Кирилл Уклеба возглавлял большой, дружный коллектив строителей. Все эти годы «Химпромстрой» являлся передовым стройуправлением.

Когда вы едете по Рустави, то слева, за полотном железной дороги, внимание ваше привлекают огромные башни, гра-

дирни, раскинувшиеся на огромной территории цеха. Это химический комбинат. Продукция его — аммиак, аммиачная селитра, перманганат калия, минеральные удобрения разных видов и наименований — идет отсюда на колхозные поля и пастбища, в агропромышленные комплексы нашей необъятной Родины. Здесь же изготавливают капролактан — исходное сырье для получения синтетических волокон, как необходимых легкой промышленности. Этот крупнейший комбинат, который сейчас именуется Руставским производственным объединением «Азот», воздвигнут коллективом «Химпром-строя».

Грузия становится республикой крупных новостроек. Партия посылает К. Уклеба возглавить другой крупный строительный трест — № 18 Министерства строительства республики. Много жилых домов, гражданских сооружений построено этим трестом в Тбилиси, других городах. Одним из трудных считался Центральный телеграф на проспекте Руставели, рядом с Институтом марксизма-ленинизма. Достаточно сказать, что здесь впервые было применено крупноблочное строительство, не имеющее себе аналогов.

Работал К. Уклеба и на мелиорационном строительстве, прокладывая в безводных степях каналы для орошения, возрождал к жизни тысячи гектаров земель.

Партия и правительство высоко оценили его заслуги как инженера-строителя, руководителя многих крупных трестов и управлений, присвоив почетное звание Заслуженного инженера Грузинской ССР и звание лауреата Государственной премии Грузинской ССР.

Несмотря на годы, Кирилл Никифорович не подает в отставку.

...Каждое утро степь сотрясается от ударов. Клубы дыма и пыли застилают небо. Комья твердой как камень земли стучат по обшивкам экскаваторов, автопогрузчиков, бульдозеров. Вот так же, бывало, барабанили осколки по броне танков, когда гвардеец Кирилл Уклеба и его побратимы, наступая, громили немецко-фашистские полчища. Каждое утро на строительстве новых оросительных систем, которые прорезают наши уголья, чтобы жизнь людей стала более зажиточной, он вспоминает о боях. Впрочем, это и есть бои — напряженные бои за еще лучшую жизнь, за счастье народное. И его, строителя, не покидает ощущение, что он, как в дни войны, находится на передовой линии.

МУЖЧИНА со шрамом на лице достае! из сейфа толстый альбом — самую ценную свою реликвию. Каждая страница этого альбома — страница летописи военного времени. Сюда вклеены письма, характеристики, фотографии, выписки из приказов, оттиски статей, опубликованных в газетах. Сколько интересного собрано здесь! Ваню Рехвиашвили бережно хранит все, что касается прошедших партизанских боев, послевоенных встреч бывших партизан.

В рабочий кабинет Ваню приходят многие, кто интересуется боевой славой ковпаковских партизан и хочет познакомиться с его богатым архивом. Ваню Рехвиашвили снова и снова осторожно листает альбом, комментирует каждый документ.

В годы Великой Отечественной войны на земле Украины и Белоруссии в рядах легендарного партизанского соединения Ковпака героически сражались мужественные сыны грузинского народа: Давид Бакрадзе, Ваню Рехвиашвили, Михаил Схиртладзе, Ясон Жоржоллиани, Васил Манджавидзе, Зиновий Метревели, Иван Топчиашвили, Даниел Данелия, осетин Сардион Цхов-

Спартак РЕХВИАШВИЛИ

СТРАНИЦЫ БОЕВОЙ ДРУЖБЫ

ребов, тбилисские армяне Сергей Арутюнов и Баграт Галустьян. Они плечом к плечу с бойцами нашей многонациональной Родины самоотверженно сражались против фашистских захватчиков.

На страницах украинской и белорусской прессы в материалах, посвященных партизанскому движению, в монографиях и мемуарах приводятся многочисленные факты, свидетельствующие, что грузинские партизаны, в том числе Ваню Рехвиашвили, внесли достойный вклад в дело освобождения братской Украины и Белоруссии от фашистских орд. Редактор районной газеты «Ленинский путь», выходящей в Путивле Сумской области, Василий Стецюра 12 октября 1968 г. опубликовал очерк «Где вы в настоящее время, ковпаковские партизаны», в котором пишет: «Мои дорогие друзья, дорогой Ваню, я уже в Путивле — в далеком и таком близком для тебя украинском городе на серебристом Сейме. Я расстался с тобою, но впечатления от нашей, хотя и очень короткой, встречи остаются такими же свежими и глубокими, они останутся вечными и незабываемыми. Еще недавно мы были незнакомыми, и я удивляюсь, что до сих пор не знал такого чудесного человека.

После того я мечтал попасть в Грузию и повидать тебя. С нетерпением ждал встречи с тобой, с человеком, которого с уважением вспоминают в моем краю, память о котором берегут у нас.

Тбилиси встретил меня теплым сентябрьским солнцем, а теплее всего была встреча с тобой, дорогой Ваню!

Ты рассказывал о прошлом с большим волнением, и это волнение помимо воли передавалось мне. Ты говорил о моей Украине с такой же любовью, как и о своей солнечной Грузии, потому что она стала для тебя второй родиной. Рань, полученные тобою на украинской земле в боях против немецких фашистов, остались на всю жизнь горьким воспоминанием о ненавистном враге.

Дорогой Ваню! Сейчас, когда я вернулся в свой родной город, постоянно перед глазами стоят наши встречи в Тбилиси, душевные беседы, грузинское гостеприимство.

Пишу это письмо с любовью, чтобы твои соотечественники знали о твоих тяжелых походах по партизанским тропам.

Поистине благородное желание! И именно потому мы решили познакомить читателей с Ваню Рехвиашвили — славным ветераном войны, человеком, который всю свою жизнь посвятил служению нашей Родине, нашему народу.

В сражениях не на жизнь, а на смерть пали многие смель-

чаки и в далеких краях нашли свои могилы. Оставшиеся живых после войны возвращались на родину, в свой район, в свой город, в свое село и вовлекались в трудовой хоровод. Наступило время мирного слета бывших партизан. Партизаны переписывались, устраивали встречи и вспоминали боевые эпизоды. Так встретились после войны в Тбилиси ковпаковские партизаны-земляки: Ваню Рехвиашвили, Давид Бакрадзе, Ясон Жоржолиани, Ваграт Галустян, Михаил Схиртладзе, Серго Арутюнов, Василий Манджикавидзе и другие. Вспоминали своего любимого командира Сидора Артемьевича Ковпака. Вскоре они связались с ним и уточнили адреса бывших партизан, проживающих в разных уголках нашей Родины. Установив связь друг с другом, партизаны заложили основы дружеских встреч ковпаковцев в мирное время.

«Бывшие партизаны-путивляне, — писал Василий Стецюра, — твои побратимы по оружию часто в беседах вспоминают молодого грузинского партизана, командира пулеметного взвода, инструктора соединения по пулеметному делу, мастера огня, грозу нашего врага.

Ветераны войны тепло вспоминают тебя, Ваню Рехвиашвили, в моем краю, как самого любимого человека. В их рассказах звучало что-то необыкновенное, до легендарности привлекательное, пленяющее сердца слушателей. Те, кто слышал эти рассказы, проникался чувством почтения и уважения к непоколебимым, бесстрашным воинам-грузинам, не жалевшим своей жизни для защиты нашей Родины. Сейчас я окончательно убедился, что мои соотечественники никогда не приукрашивали свои рассказы о тебе, хотя, как я уже сказал, кое-что кажется необыкновенным и до легендарности привлекательным. Эти эпизоды являются ярким показателем твоего мужества и реальной картины пройденного тобою пути.

Путивляне бережно хранят память о героическом прошлом своего края, о тех, кто на их земле сражался с врагом. Партизаны-ковпаковцы часто вспоминают непоколебимого уроженца солнечной Грузии, вспоминают его мужество и отвагу, проявленные в боях. Путивляне помнят тебя, дорогой Ваню, и справедливо считают тебя гражданином своего края».

Естественно, земля, орошенная кровью, становится второй родиной.

Сидор Ковпак и Ваню Рехвиашвили не раз приглашали друг друга на свою родину, в свою семью.

«В домашнем альбоме, — вспоминает Василий Стецюра,

— я в нескольких местах видел фотографию легендарного Ковпака. Командир партизанского соединения считал тебя своим сыном. И это заслуженно».

В июне 1957 года Ваню Рехвиашвили и Давид Бакрадзе получили из Киева от «батьки» — так с любовью партизаны называли Ковпака — пригласительные билеты. Ковпак пригласил грузин-партизан на 70-летие со дня своего рождения.

Со всех концов страны съезжались в Киев бывшие воины для встречи с легендарным командиром, который внес огромный вклад в дело победы над врагом. Гостеприимные украинцы тепло встретили Ваню и Давида. Ковпаковцы радовались встрече, обменивались новостями, делились сокровенным. Фактически это была первая встреча бывших партизан и командиров после войны на той земле, где они так много вместе пережили. Все были огорчены трагическими событиями в семье Ваню Рехвиашвили. В то время как Ваню бил врага на украинской и белорусской земле, три его брата сражались на других участках фронта. В Керчи погиб его старший брат Ладдо, Мелитон, тяжело раненный в боях за оборону Ленинграда, вернулся домой, где вскоре скончался, младший брат Ираклий героически погиб в Севастополе и был похоронен в севастопольской братской могиле. Пожилой отец Мате не смог пережить горя. Оба шурина Ваню также погибли на фронте. Его жена Марго от нужды и нервного потрясения заболела туберкулезом и умерла.

Партизаны и командиры собрались в большом зале Киевского театра. В почетном президиуме — партийные и советские руководители Украины, ветераны войны. Люди разных национальностей сменяли друг друга на трибуне. Приветствиям и овациям не было конца.

Когда Давид Бакрадзе и Ваню Рехвиашвили передавали Ковпаку подарки — маленький бурдюк, полный грузинским вином, и несколько сувениров, украшенных грузинским орнаментом, в том числе два турьих рога, старый командир со слезами на глазах по-отцовски обнял обоих и прижал к груди.

Ковпаковцы вспоминали свою партизанскую жизнь, всех погибших товарищей. На следующий день гости и хозяева осмотрели места сражений, цветами украсили братские могилы и сфотографировались на память. Эти фотографии Ваню бережно хранит в личном архиве.

Через двадцать лет, в сентябре 1961 г., Давида Бакрадзе и Ваню Рехвиашвили пригласили на 20-летие основания пар-

тизанского соединения Ковпака и на открытие памятника Герою Советского Союза Семену Васильевичу Рудневу.

14 сентября Давид и Ваню вылетели в Киев, остановились в гостинице «Украина» и позвонили по телефону «батько». Ковпак, узнав, что гости остановились в гостинице, рассердился и приказал перейти к нему.

Ковпак с обычной теплотой встретил грузинских гостей, угостил их мясом убитого им на охоте дикого кабана.

Долго беседовали бывшие партизаны, вспоминая прошлые годы. В конце беседы Ковпак сообщил о своем намерении приехать в отпуск в Грузию в гости к грузинским «сынам».

Давид и Ваню посетили супругу Руднева Доминику Даниеловну, которая сердечно встретила бывших братьев мужа и обратилась к Ваню: «Помнишь, Ваню, как Семена Васильевича ранили в одном из боев и ты на лошади его вывез?» — «Как же, помню, Доминика Даниеловна, как могу забыть это», — сказал Ваню.

Вскоре бывшие соратники собрались на железнодорожном вокзале. Здесь было около 40 партизан. Среди них была главный врач партизанского соединения Дина Маевская, которая спасла жизнь Ваню. Заметив, что Ваню не сгибает в колене левую ногу, Дина вспомнила, что в марте 1943 года у села Кодра он был ранен.

Поезд быстро приближался к Путивлю. Вокруг были знакомые места.

«Помнишь, как здесь взорвали фашистский эшелон», — сказал Семен Тутученко Ваню.

«Как не помнить. Кто знает, сколько фрицев пало здесь от моего пулемета».

Среди приехавших на слет ковпаковцев были прославленные командиры партизанского соединения Сидор Ковпак, Петр Вершигора — автор книги «Люди с чистой совестью», Петр Бромко и многие другие.

Улицы были празднично украшены. Начался парад. В первых рядах шагали Петр Вершигора, Доминика Даниеловна, Семен Тутученко, Давид Бакрадзе, Ваню Рехвиашвили. Парад принимал Сидор Артемьевич Ковпак.

После окончания парада участники встречи направились в Спадцанский лес к избушке лесника, где во время войны находился партизанский штаб. Из этой избушки руководил «батько» партизанскими боями, здесь образовалось легендарное партизанское соединение Ковпака, которое затем стало грозой для врага.

После ухода партизан фашисты сожгли избышку. Потреблесник со своей семьей. После войны избышка была восстановлена и превращена в партизанский музей. На стенах фотографии, среди которых на почетном месте Вано Рехвиашвили и Давид Бакрадзе.

На Украине имя Вано стало легендарным. Многие мечтали встретиться с нами и побеседовать с легендарным пулеметчиком.

Интересный эпизод описан в книге Давида Бакрадзе «По старым дорогам и тропинкам». В избышке-музее Давид заметил старика, который с любопытством рассматривал фотографию Вано. Давид, указывая на Вано, спросил старика: «Вы его знаете?»

— О! Это Ваня, грузин, он был гордостью Ковпака. В селе Виргуле он, несмотря на то, что был ранен в подбородок, вынес пулемет. Тогда два бойца погибли в бою.

У Вано был очень большой маузер, и он ходил в бурке. Равного ему не было в соединении. Как я узнал, в 1943 году он был тяжело ранен и, потеряв ногу, был прикован к постели.

Старик вздохнул. Секретарь райкома подошел к Давиду Бакрадзе и сказал старику: «Вано здесь, завтра придет».

На другой день Вано встретился со стариком, который с восторгом отметил: «Правда, настоящий богатырь-грузин».

17 сентября в Путивле был открыт памятник легендарному комиссару партизанского соединения, Герою Советского Союза Семену Васильевичу Рудневу. Собралось много народу. С волнующими словами выступили Сидор Ковпак и Давид Бакрадзе.

Незабываемой для грузинских партизан была встреча в Спадщанском лесу. Они украсили цветами братскую могилу, а на опушке леса подошли к взорванному танку. Первым подошел Вано. Он стоял у взорванного им танка и на его лице, иссеченном шрамами, лучилась победоносная улыбка. «А шрамы-то нашему пулеметчику к лицу», — пошутил кто-то.

Бывшие партизаны провели ночь в лесу. Принесли сено и расстелили в землянке, как 20 лет назад. На наблюдательных постах и дорогах поставили караульных. Паролем был «мир». Разожгли костер, выделили поваров и их помощников, которые приступили к приготовлению партизанского ужина. Ковпак позвал повара и шутя сказал: «Как во время войны ты распоряжался при распределении пищи, так и хозяйничай сейчас».

Двадцать лет тому назад партизаны еще совсем молодыми расстались в лесу...

Из Путивля, Киева, из ближайших селений потянулись в Спадщанскому лесу поток людей, чтоб увидеть героев партизанских боев. Узнав о ночевке партизан в лесу, многие решили остаться с ними и принять участие в партизанском ночном слете. Приходили сюда с хлебом-солью, всякой снедью, даже привели телянка для уважаемых гостей. Ваню, по-партизански выпрямившись, доложил Ковпаку: «Товарищ генерал-майор! Этого телянка отбил у врага, жду ваших распоряжений». Поднялся хохот.

Вдруг послышалось: «Партизаны — на линию!»...

Седые ветераны развернули знамя и разожгли партизанский костер. Сверкающее пламя поднялось к небу. У костра выступили партизаны—грузины, русские, армяне, украинцы, белорусы и другие. Они рассказывали о своих действиях в годы войны.

С наступлением темноты в Спадщанском лесу в воздух взлетели ракеты. На зеленом поле был накрыт партизанский ужин. Тамада вспомнил партизанский пароль. «Да здравствует мир!» — воскликнули партизаны, затем выпили за погибших.

• Костер потихоньку затухал. Праздник кончился, но партизаны долго не расходились. Петр Вершигора достал записную книжку и стал делать записи. Он обещал написать книгу об этом слете партизан.

Ковпак отличался необыкновенной простотой и искренностью, радовал друзей своим вниманием. Было еще немало таких теплых, волнующих партизанских встреч, митингов и костров, памятных событий. И всегда Ковпак радушно встречал своих бывших соратников. Не было такого праздника или важного дня в жизни Ваню Рехвишвили, чтоб его не поздравил Ковпак.

В июле 1965 г. легендарный командир I Украинского партизанского соединения Сидор Артемьевич Ковпак с женой Любовью Архиповной и дочерью Анной приплыл в Батуми на теплоходе «Россия».

Славный сын Украины впервые стал гостем грузинской земли. Ковпак был очарован сердечностью нашего народа и красотой природы. Для встречи с уважаемым гостем и любимым командиром сюда приехали Ваню Рехвишвили, Давид Бакрадзе, Дурмишхан Магалашвили, Тома Агладзе и др.

На следующий день гости на машинах в сопровождении грузинских партизан отправились в Тбилиси. В Грузии все хорошо знают, кто такой Ковпак. Поэтому по всей стране его встречали с восторгом, стремились близко увидеть, пожать ему руку...

Узнав о приезде Ковпака, гурийские партизаны в г. Махарадзе вышли навстречу гостям, показали им свой город, с Ковпаком беседовали передовые люди города. Волнующей была встреча Ковпака с матерью прославленного генерала К. М. Леселидзе. Затем его проводили до Чохатаури. По дороге народ останавливал их, встречал хлебом-солью, устраивал в честь дорогих гостей концерты с танцами и песнями. Очарованный этим прекрасным зрелищем, Ковпак не скрывал своего восторга. Он многое слышал о прекрасной природе Грузии, о гостеприимстве грузинского народа, но то, что он видел, ему казалось сказкой.

По дороге в Тбилиси Ковпак остановился в Харагаули. Он был хорошо знаком с Серго Орджоникидзе и его революционной деятельностью, поэтому хотел познакомиться с его домом-музеем.

В селе Горана долго и внимательно осматривал Ковпак дом Серго, его личные вещи, отдохнул под ореховым деревом, под которым любил сидеть Серго.

Самой радостной, конечно, была встреча Ковпака с трудящимися родины Сталина — Гори. Осматривая дом-музей Сталина, Ковпак сказал, что Сталин проявлял особую заботу о партизанах и их командирах. По его непосредственному указанию были созданы и действовали в глубоком тылу врага партизанские отряды и соединения. Связь Сталина с партизанами была непрерывной. И. Сталин пользовался большой любовью и авторитетом среди советских бойцов и партизан, поэтому каждое его выступление, каждое его слово поднимало дух народа, вливало силы и веру в тяжелом бою. «Я лично много раз встречался со Сталиным, — сказал Ковпак, — неопценимыми для меня были его мудрые наставления, его помощь и внимание к партизанам».

В Тбилиси Ковпаку с семьей предоставили номер в гостинице, но он там не ночевал. Их пригласил Вано Рехвиашвили, который проводил свой отпуск на даче в Мцхета. Ковпак и члены его семьи чувствовали себя здесь как дома. Ковпак часами сидел на открытом балконе в Мцхета, где перед ним простиралась величественное ущелье Арагви, виды Сагурамо, Цицамури, Зедазени, Джвари, Светицховели.

По вечерам в доме Ваню собиралось много народа — соседи, девушки, юноши, учащиеся. Они многое слышали и читали в книгах о жизни и героизме командира партизанского соединения.

Часто собирались у любимого командира его бывшие соратники: Давид Бакрадзе, Михаил Схиртладзе, Ясон Жоржодiani, Баграт Галустян, Сергей Арутюнов и др.

Они вспоминали минувшие дни, эпизоды войны, павших в бою товарищей, а также послевоенные события. Рассказывали о каждодневной трудовой деятельности и о планах на будущее. В семье Ваню Ковпак познакомился и подружился с 80-летним тестем Ваню — Фомой Шеразадишвили. Старики легко нашли общий язык и целый месяц провели в приятном друг для друга общении. Снялись на память в партизанской бурке Ваню.

Ковпак всегда с большим удовольствием и вниманием осматривал личный архив Ваню. Каждое письмо, каждый фотодокумент восстанавливали в его памяти прошедшие партизанские бои. Поэтому он говорил Ваню: «Молодец партизан, что так тщательно собрал и хранишь все. Это очень полезное, нужное для потомства дело».

Бывшие грузинские партизаны окружали заботой любимого командира. После недолгого пребывания в доме Ваню Ковпака повезли в Боржоми, затем пригласили в Кахетию. Он увидел Телави, Икалто, Шуамта, Греми, Алаверди, Кварели, Цицандали. Всюду, куда они ни приезжали, встречи с ними превращались обычно в большой праздник украинского и грузинского народов. Незабываемой была встреча Ковпака с винницким партизаном Васо Осикашвили в Сагареджо. Украинского гостя встретили трудящиеся Сагареджо, бывшие фронтовики и грузинские партизаны, сражавшиеся на Украине. «Уже больше двух недель, как я и члены моей семьи находимся в Грузии, — сказал там на митинге Ковпак. — В течение этого времени нас окружили заботой наши бывшие соратники, повели нас в горы и долины, рассказали о героическом прошлом грузинского народа. Мы много нового узнали из многовековой истории грузинского народа, из истории славного содружества грузинского и украинского народов».

В последний день гостей встретили в ЦК КП и Совете Министров Грузии. Ковпак выступил перед присутствующими с речью, вспомнил важные эпизоды из партизанской войны, отметил смелость грузинских партизан в борьбе против врага

на украинской земле. Он сказал: «Ваши соотечественники Ваню Рехвиашвили и Давид Бакрадзе оказались партизанами с рыцарской душой. Давид, командир роты, был бесстрашным в бою, поэтому всегда выходил победителем, а командир одного из взводов соединения Ваню, непревзойденный мастер огня, инструктор по пулеметному делу наводил ужас на врагов и показывал пример не только своему взводу, но и всем бойцам соединения».

Вскоре после отъезда Ковпака Ваню получил бандероль. В ней лежал сувенир — прекрасный кубок и открытка, на которой было написано: «Дорогой Ваню Матеевич! Прими маленький подарок в честь моего пребывания в Тбилиси». На кубке была надпись: «Дорогому другу-партизану, мужественному и знатному инструктору, пулеметчику Ваню Матеевичу Рехвиашвили от дважды Героя Советского Союза Ковпака».

Потом было еще немало слетов и встреч, например, в Путивле в сентябре 1966 года в честь 25-летия со дня перехода партизанского движения в подполье. Собирались партизаны отметить и 80-летие со дня рождения своего легендарного командира Ковпака.

Но накануне 80-летия Ковпака пронесся слух о его болезни. Действительно, свой день рождения он встречал в киевской больнице.

Больничная палата, в которой Ковпак лежал, превратилась в центр слета бывших партизан, прибывших со всего Союза. Безжалостная болезнь не давала Ковпаку отдыха, но он все же мужественно держался, с обычной теплотой принимал посетителей, беседовал. Ваню Рехвиашвили и Давид Бакрадзе тоже вылетели в Киев. Увидев Ваню и Давида, Ковпак очень обрадовался, прогулялся с ними по больничному двору, шутил, смеялся, вспоминал партизанскую жизнь. Увидев косу, он взял ее в руки и стал косить сено. Потом они присели на скамейку, долго беседовали. В тот же день они сфотографировались.

Не только простые, дружеские встречи, но и официальные церемонии происходили в больничной палате у Ковпака. Советское правительство за боевые и трудовые подвиги наградило его орденом Ленина. Председатель Верховного Совета Украинской ССР Д. Коротченко лично передал юбиляру орден Ленина, пожелал ему скорого выздоровления и долголетия. Правительственная награда обрадовала Ковпака и ободрила его.

Ваню остался на несколько дней в Киеве и все время находился при больном «батяко», ходил по врачам, выпрашивал о здоровье, но ничего обнадеживающего он не слышал.

16.035940
003 0110333

Однажды Ковпак узнал, что Ваню Рехвиашвили получает сравнительно небольшую пенсию. «Он беззаветно предан Родине и народу, почему же он должен получать несоответствующую пенсию», — сказал Ковпак и по этому поводу 25 сентября 1961 г. обратился с письмом к заместителю Председателя Совета Министров СССР. Ковпак перечислил личные заслуги Ваню Рехвиашвили в партизанских боях, отметил ту роль, которую он сыграл в боевых операциях партизанского соединения как инструктор-пулеметчик.

Партизаны Советской Украины гордятся боевыми успехами славного сына братского грузинского народа Ваню Рехвиашвили. В заключение Ковпак писал: «...Учитывая все это, убедительно прошу Вас ознакомиться с пенсионным делом Ваню Рехвиашвили и решить его пенсионный вопрос по его боевым заслугам».

В личных письмах отражена любовь Ковпака и Любови Архиповны к Ваню и его семье. В августе 1967 г. Любовь Архиповна писала ему: «Дорогой Ваню Матеевич! Сейчас Лука Ягорович пишет книгу «Сидор Ковпак», поэтому я и Сидор Артемьевич отобрали для этого большой материал, особенно о новослободском бое, где Вы геройски проявили себя, более того, Ковпак считает, что победа была одержана благодаря Вам, так как решающую роль в этом бою сыграли Ваши пулеметчики, Ваше личное мужество, стойкость и терпение. Как только книга выйдет, сейчас же пришлю... Обнимаю, целую. Ваша Любовь Архиповна».

21 августа 1966 г. газета «Сельская жизнь» попросила Ковпака ответить ученику 8 класса, 16-летнему Николаю Черни, который сообщал: «С тех пор как отец оставил нас, я охладел к учебе и время провожу праздно, в хулиганстве, в пустом времяпрепровождении. Я не знаю, как поступить. Прошу Вас, посоветуйте, научите, покажите выход из этого положения, чтобы стать на правильный путь и стать достойным членом общества». Ковпак часто получал аналогичные письма, у него просили совета, как воспитать характер. Прошедший сквозь огонь и воду Ковпак, несмотря на пожилой возраст, на перегруженность служебными делами, всегда сердечно отзывался на просьбы людей и никого не оставлял без ответа. «Знаешь, в нашем отряде был один грузинский паренек Ваню Рехвиашвили, — ответил Ковпак в письме к Черни. — Помню, пошли ночью разведчики, с ними был Ваню. Стоит у дерева очень грустный мальчик. Я подошел и спросил:

— Ваню, боишься?

«Вы думаете, товарищ командир, что я слабый, думаете, я трус?» — обиделся Ваню на мои слова, доказывал свое. Но я видел, что мальчик волновался. Конечно, трудно было для него Ваню ходить в разведку, но он упорством и мужеством преодолел страх и стал отличным разведчиком.

Пришел ко мне Ваню и попросил: «Товарищ командир, разрешите стать пулеметчиком». Я догадался, в чем дело. Ваню стал пулеметчиком и грозой на поле боя! Немцы пошли в атаку. Ваню молчал. Вот они уже приблизились, подошли еще ближе, и внезапно раздался звук пулемета, он встретил врага страшным огнем. Таким образом, высокой требовательностью воспитал в себе Ваню Рехвиашвили смелость, стойкость, непоколебимость, сдержанность. Став волевой личностью, он был примером для всего партизанского соединения. Затем Ваню был серьезно ранен. Его вылечили. Думаете, у него опустились руки? Нет, и здесь он вышел победителем. Окончил институт, работает и сейчас. Как во время войны, вокруг него собираются, растут и мужают хорошие люди».

Несмотря на тяжелую болезнь, Ковпак не забыл поздравить Ваню с праздником 7 ноября. Это было последнее поздравление Ковпака, посланное своему любимому соратнику и преданному другу.

8 декабря 1967 г. Ваню получил телеграмму с сообщением о смерти Сидора Артемьевича Ковпака.

«Из киевского Дома офицеров до кладбища пешком прошел 8 км и оттуда вернулся пешком. Это был последний долг».

Новый слет партизан 22-23 июня 1974 г. был посвящен 30-летию освобождения Белоруссии от фашистских орд. Это был второй слет партизан на белорусской земле.

В честь погибших друзей был воздвигнут монумент партизанской славы. Здесь же был устроен многочисленный митинг. От имени грузинских партизан собравшихся приветствовал Ваню Рехвиашвили. В заключение Ваню сказал: «Воздвигнутый здесь монумент партизанской славы должен напоминать будущему поколению, что победа над фашизмом и завоевание свободы досталось нашему народу путем страданий и многочисленных жертв, что большую долю в эту победу внесли братство и скрепленная кровью партизан разных народов нашей Родины дружба, которая возникла в тяжелые дни Отечественной войны и продолжается сегодня. Молодежь за зеницу ока должна хранить эту дружбу, являющуюся гарантией силы и могущества нашей Родины».

О многом можно прочесть и узнать из писем и документов, хранящихся в личном архиве Вано Рехвиашвили.

Когда готовился этот материал, он очень ревниво и заинтересованно следил за подбором документов, за тем, чтобы никто из его героических соратников по партизанскому движению, вписавших вместе с ним блестящую страницу в летопись боевого содружества народов, не был забыт.

К сожалению, Вано Матеевичу Рехвиашвили не доведется прочесть эти страницы о нем, о его боевом пути и верной дружбе, написанные еще о живом, активно действовавшем человеке, проводившем большую работу по военно-патриотическому и интернациональному воспитанию при тбилисском Доме Советской Армии, неутомимо выступавшем с воспоминаниями о боевых подвигах ковпаковских партизан среди трудящихся и молодежи Грузии, братских республик и всегда находившем благодарных и заинтересованных слушателей.

Сегодня Вано Матеевича Рехвиашвили уже нет среди нас. Не дожил он до светлого и радостного праздника — 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Но народ не забывает своих героев. Мы верим, что на предстоящих торжественных партизанских слетах, где бы они ни проходили — в Грузии, на Украине, в Белоруссии — его имя в ряду самых достойных будут произносить с благоговением.

Алексей МОРНЕВ

ГОСПИТАЛЬ ФОРМИРОВАЛСЯ В ТБИЛИСИ

●
ЗАПИСКИ
ВОЕННОГО
ВРАЧА

В СЕНТЯБРЕ 1973 года я ехал в Новороссийск на торжество по случаю 30-й годовщины освобождения его от гитлеровских захватчиков. В Геленджикском аэропорту, куда прилетел самолет из Тбилиси, мне посоветовали ехать в центр города, откуда в Новороссийск шли автобусы и такси.

Краски на горах, окружающих Геленджик, уже поблекли и приобрели золотистый оттенок, но город на берегу бухты все еще красовался в зеленом убранстве. Белые дома словно светились в лучах осеннего солнца. Было тепло, отдыхающие и детвора купались в море, загорали на пляже. И тогда мне вспомнилась другая картина.

В феврале 1943 года я прибыл в Геленджик из-под Краснодара. Город, который незадолго до моего приезда бомбила вражеская авиация, выглядел сумрачным, серым и пыльным. Кругом разрушенные дома, воронки на улицах...

Память снова вернула меня к тем военным дням, когда на пути между Геленджиком и Новороссийском я увидел село Кабардинку. Здесь, на перекрестке дорог, в дни тяжелых боев за Новороссийск размещался армей-

ский распределительный пункт, начальником которого я был. Сюда доставляли раненых и больных со всех участков фронта, отсюда после сортировки они направлялись в специализированные и другие армейские госпитали, а через Кабардинский перевал — во фронтовые.

По моей просьбе шофер такси остановил машину в центре Кабарды: где-то здесь, как мне помнится, начиналась дорога на Кабардинский перевал к станции Шапсугской. За перевалом в лесу был развернут хирургический полевой подвижной госпиталь № 750. Я хорошо знал многих его работников, часто заезжал к ним.

Погруженный в воспоминания, не заметил, как доехал до Новороссийска, где меня встретила уже приехавшая из Тбилиси с группой ветеранов хирург, доктор медицинских наук Тамара Готуа. С ней я впервые познакомился еще в июне 1943 года под Геленджиком, когда она и Тина Николаева, ныне доцент-физиолог, были направлены по окончании Тбилисского медицинского института в распоряжение санитарного отдела 18-й армии. Увидев усталых, немного растерянных девушек, шагавших по шоссе, я подвез их на машине в Фальшивый Геленджик, где и располагался санотдел армии.

...Вместе с Тамарой Готуа мы разыскали вечером на торжественном собрании в городском театре среди собравшихся

На снимке: Г. С. Инасаридзе (в центре) с медперсоналом хирургического отделения госпиталя.

ветеранов своих однополчан-медиков. Встретили и Сусаниу Абрамовну Санамову из 750-го госпиталя. Вспоминали с ней работу там в период боев за Кавказ, отвагу и самоотверженность врачей и всего медицинского персонала, прежде всего тех, кто отдал свои жизни за свободу Отчизны.

Позже, в период работы в Центральном архиве Министерства обороны, мне попались документы, представлявшие по существу летопись боевого героического пути того же госпиталя, свидетельствовавшие о мужестве его личного состава.

Сложен и труден был боевой путь этого госпиталя. Волею военных судеб и обстоятельств он постоянно оказывался на участках тяжелейших боев. И в этих условиях благодаря самоотверженной работе личного состава всегда успешно справлялся со стоявшими перед ним задачами, возвращая в строй героических защитников Родины.

Формировался госпиталь в Тбилиси, в июне 1941 года. Первым начальником его был военврач 1-го ранга Л. И. Юзбашев, военным комиссаром — старший политрук Гуджабидзе. В то время такого типа госпитали имели два основных лечебных отделения — хирургическое и терапевтическое. Начальником первого был доцент Тбилисского мединститута военврач 3-го ранга Г. С. Инасаридзе, второго — военврач А. Г. Лежава.

После окончательного укомплектования госпиталя его личный состав проходил военно-медицинскую боевую подготовку, в частности по военно-полевой хирургии, как в окружном военном госпитале и в клиниках, так и за городом, где проводились его тренировочные развертывания в полевых условиях.

Много труда в подготовку врачей и медицинских сестер вложил военврач Г. С. Инасаридзе. Блестящий хирург, человек большого организаторского таланта, высокой внутренней культуры, он вскоре стал душой всего коллектива.

С августа по октябрь эвакогоспиталь размещался и работал в Авчала, а уже с октября 1941 года был передан 47-й армии и развернут в селениях Казбеги и Куби. Здесь он принимал и лечил обмороженных и больных воинов, не переставая при этом совершенствовать боевую и специальную выучку личного состава.

20 октября 1941 года начальником госпиталя был назначен военврач 3-го ранга В. З. Кецаба, комиссаром — старший политрук Коходзе. Это ими в январе 1942 года был по-

лучен приказ о переводе госпиталя на Керченский полуостров, где сражалась 47-я армия. Пробиваясь сквозь снежные заносы и завалы на Военно-Грузинской дороге, мужественно преодолевая мороз и невзгоды, весь госпитальный персонал прибыл в Орджоникидзе. Отсюда и начался его долгий, трудный и славный путь по дорогам Великой Отечественной войны.

В Новороссийске, где госпиталь остановился, направляясь в Керчь, произошло первое «крещение» огнем войны его сотрудников, которые попали под бомбежку вражеской авиации. К счастью, на этот раз обошлось без потерь.

Из Новороссийска путь лежал на Темрюк, а уже оттуда, двигаясь по замерзшему Керченскому проливу, в марте 1942 года госпиталь достиг Керчи.

На Керченском полуострове он работал в нескольких небольших населенных пунктах, совершенно разбитых вражеской авиацией. Территория и полуразрушенные помещения были малопригодны для развертывания в них госпиталя, но все же приходилось их использовать, так как палаток оказалось недостаточно, а раненые поступали непрерывно. Каждый раз на новом месте врачи, сестры и санитары сами приводили в порядок помещения, ремонтировали их, утепляли. Трудности приема и обслуживания раненых усугублялись отсутствием воды, недостатком топлива, весенней распутицей.

Работники санитарного отдела 47-й армии оказывали госпиталю постоянное внимание и помощь. В особенно тяжелые периоды сюда приезжал начальник Санотдела армии военврач 1-го ранга Н. Г. Костев, ныне генерал-майор медицинской службы в отставке, знавший большинство госпитального медперсонала не только по фамилиям и именам, но и по их личным качествам. Проверая работу госпиталя, он интересовался обычно организацией всего комплекса лечебно-эвакуационных мероприятий, выявлял слабые участки и тут же принимал конкретные решения по оказанию помощи личному составу, устранению недочетов. Строгость, требовательность в себе и другим сочетались в нем с подлинной человечностью.

В начале мая 1942 года на Керченском фронте создавалась тяжелая обстановка, войска стали отходить на новые рубежи обороны. Госпиталь, не получив приказа на отход, продолжал работать в селе Алибай. Сюда и попадали раненые из боевых порядков воинских частей. Бомбежки и артиллерийско-минометный обстрел села не прекращались. В этих усло-

виях велась непрерывная эвакуация в тыл раненых, в том числе и тяжелейших, нетранспортабельных.

Войска с боями продолжали отходить. Прекратилась связь с санитарным отделом армии. Госпиталь фактически находился на уровне полковых и батальонных пунктов — раненые поступали непосредственно с поля боя, их становилось все больше и больше. Необходимо было срочно принять решение по быстрой эвакуации большого числа раненых и части госпитального имущества, а также обеспечить боеспособность госпиталя как воинской части. На случай самообороны почти весь личный состав был вооружен винтовками и гранатами. Командование госпиталя день и ночь находилось среди раненых, успокаивая их, вселяя уверенность в благополучный исход.

Поскольку весь автотранспорт вышел из строя, 10 мая был организован конный обоз, на котором под бомбежкой, по разбитым дорогам, в условиях весенней распутицы раненые эвакуировались в Керчь. Их сопровождали военком госпиталя, старший политрук А. В. Дзасохов, руководивший эвакуацией, а также часть личного состава, обеспечивавшего наблюдение за тяжелоранеными.

Оставшиеся в Алибае продолжали свою работу. Обстановка все более ухудшалась, поток раненых не прекращался. Во время одной из бомбежек погиб на боевом посту водитель санитарной машины коммунист Чердикоев, тяжело ранило санитаря Волошина. Здания операционно-перевязочного отделения и стационара для тяжелораненых были фактически разрушены, и отделения пришлось переводить в подвальные помещения. Работа продолжалась и днем и ночью при керосиновых лампах, свечах, плашках. Никто не думал об отдыхе. Если возникала необходимость перелить раненому свежую донорскую кровь, медсестры Н. Д. Арапова и другие здесь же, в операционной, отдавали ее. Иногда даже возникал спор, кому из них это сделать первой.

Между тем с боями отходили последние подразделения войск, поток раненых заметно уменьшился. Возникла угроза захвата села противником. И тогда по приказу начальника госпиталя часть сотрудников вместе с ранеными стала группами отходить к Керчи.

Сам начальник госпиталя В. З. Кецаба, врачи Г. С. Инсаридзе, С. А. Санамова, медсестры М. М. Чадунели, Ф. И. Гегучадзе, И. Г. Барова, Карбанская, Н. Д. Арапова, сани-

тарки и водители Оситашвили, Козашвили, Мясоедников, Я. М. Решетов, Микаэлов и другие, оставшиеся в Алибае, продолжали эвакуировать раненых, останавливая для этой любой проходящий транспорт, в том числе и боевые машины. На них тяжелораненых устроивали в сопровождении легкораненых. Последняя группа эвакуировалась под разрывами мин противника. Под захлебывающийся лай вражеских пулеметов и треск автоматов, уничтожив материальную часть, на Керчь уходили оставшиеся работники госпиталя.

При выходе из-под огня противника и по пути его следования к Керченской переправе они продолжали нести потери убитыми и ранеными.

Во время одной из бомбежек были убиты две медсестры и тяжело ранен молодой врач Г. Б. Вочоришвили. Требовалась срочная операция. И тогда прямо под открытым небом соорудили импровизированную операционную. Столом, на который его уложили, послужила створка двери от разбитого дома, вместо хирургических инструментов были использованы подручные средства. Воздушный поединок советских летчиков с немецкими еще продолжался, вокруг гремели разрывы бомб, а врачи Г. С. Инасаридзе и С. А. Санамова уже оперировали больного. Состояние Г. Б. Вочоришвили было крайне тяжелым, и поэтому после операции его поначалу несли на носилках, а позже устроили на проходившую мимо машину, доставившую раненого в керченский госпиталь. Радостной вестью было полученное спустя несколько недель известие о том, что, находясь на госпитальном излечении в Грозном, он уже выздоравливает.

Ныне Георгий Багратович Вочоришвили — хирург, профессор Тбилисского медицинского института. Переданный мной по приезде из Новороссийска привет ему от Сусанны Абрамовны очень обрадовал и взволновал его, видимо, напомнив тяжелые огневые дороги войны. В ответ на его расспросы я рассказал, что в декабре 1942 года С. А. Санамова была назначена начальником второго хирургического отделения госпиталя и до 1945 года находилась на фронте. После демобилизации в родном Баку, где она кончала в 1931 году медицинский институт, вернулась к своей довоенной профессии врача-педиатра и с 1962 года работает в детской клинической больнице имени профессора А. Ф. Караева.

Но все это спустя много лет после Победы... А тогда С. А. Санамовой вместе с отступавшей группой госпиталь-

ных работников удалось достичь Керченской переправы. На берегу пролива было много раненых, шла их непрерывная погрузка на суда для переправы. Врачи, медики, медсестры, санитары, не смыкавшие глаз несколько ночей, сразу же включились в работу: они оказывали помощь раненым, помогали эвакуировать их через пролив. Здесь при бомбежке был ранен врач Волков, медсестру Чадунели взрывной волной сбросило в воду. Но героическими усилиями товарищей она была спасена. Стало известно, что старший политрук А. Дзасохов обоз с ранеными до Керчи довел и сдал их в эвакуационный госпиталь. Но о дальнейшей его судьбе никто ничего не знал, как и о судьбе начальника госпиталя В. Кецаба и некоторых других товарищей, уходивших из АLIBA самыми последними. Лишь работая в Центральном архиве Министерства обороны, мне довелось прочитать о них следующие скорбные строки: «В памяти личного состава госпиталя они остались как стойкие воины, несгибаемые коммунисты и мужественные патриоты, до конца выполнившие свой долг перед Родиной»¹.

В июле-августе 1942 года, получив пополнение, госпиталь работал в Краснодаре. Начальником его был назначен военврач первого ранга С. С. Арутюнов, комиссаром — старший политрук Н. Д. Репин.

Впереди предстояли новые тяжелые испытания.

10 августа последним железнодорожным эшелонам госпиталь был эвакуирован в Новороссийск, где под бомбежкой погибло все его имущество. К счастью, раненых здесь уже не было. В сентябре 1942 года он находился в поселке Молодежный, а затем был переведен в Туапсе и развернут там в школе № 8.

Туапсе был разрушен, но продолжал жить и бороться. Работавший здесь 750-й госпиталь также подвергался бомбардировкам, иногда по несколько раз в сутки. «В один из таких налетов сильно пострадало помещение госпиталя, особенно операционно-перевязочного блока и пищеблока. Выбыло из строя 15 человек, из них четверо убитыми. К счастью, все раненые были ночью эвакуированы, а нетранспортабельные находились в укрытиях и не пострадали»².

На следующий день при бомбежке были убиты еще двое. Одним из них, как отмечено в архивном документе

¹ ЦАМО, ф. 371, оп. 6410, д. 14, л. 117.

² ЦАМО, ф. 371, оп. 6410, д. 14, л. 121.

... был «преданный, честный коммунист — старшина Гуджаби-
...»³.

Впоследствии госпиталь был переведен на 210-й кило-
метр шоссе Новороссийск—Сухуми и размещен в поме-
щении детского санатория, где принимал тяжелораненых
(детранспортабельных), оказывая им необходимую квалифи-
цированную хирургическую помощь.

В жестоких боях, освобождая населенные пункты, наши
войска продвигались все дальше вперед. Лечебные учрежде-
ния подтягивались за войсками, чтобы как можно раньше и
быстрее оказывать раненым квалифицированную медицинскую
помощь. Поэтому 22 января того же года второй эшелон гос-
питаля вышел пешим порядком (частично на выюках) через
высоту 960,1 и село Перевальный в село Гунайка. 18 человек
во главе с врачом С. А. Санамовой испытывали при перехо-
де по горным тропам на всем 20-километровом пути огром-
ные трудности, преодолевая местами непроходимые участки
троп и дорог.

Ноябрь-декабрь в горах Кавказа — самое тяжелое вре-
мя. В ту зиму дожди размыли дороги и тропы, движение по
ним даже вьючного транспорта стало почти невозможным. Гор-
ные ручьи превратились в стремительные потоки, которые нес-
ли с собой деревья и камни, неимоверно затрудняя переход че-
рез них. Во второй половине января в горах выпал снег. Это
еще больше осложнило обстановку: непролазная грязь внизу,
у подножия гор, метели и мороз на вершинах. Продвижение
шло медленно.

Только 26 января второй эшелон добрался до пункта на-
значения и развернул отделение в Гунайке. Это небольшое гор-
ное село было расположено в котловине, где среди густого
леса местами виднелись участки земли, обрабатываемые на-
селением под огороды. В селе уцелело несколько жилых по-
строек, находившихся на значительном расстоянии друг от
друга.

Сразу же по прибытии в Гунайку отделение госпиталя при-
няло от медсанбата 162 тяжелораненых и продукты питания
на два дня.

В отчете о работе медицинской службы армии за первое
полугодие 1943 года начальник санитарного отдела армии пол-
ковник медслужбы Н. Г. Костев, характеризуя работу госпита-
ля в районе селений Перевальный и Гунайка, писал: «Личный

³ Там же.

состав ХППГ 750 поистине совершил героический подвиг. В труднейших горных условиях оказывая помощь раненым и обслуживая их, отлично справился с возложенной на него задачей. Начальник хирургического отделения военврач 2-го ранга Инасаридзе — награжден орденом Красной Звезды, ординатор хирургического отделения военврач 3-го ранга Санамова С. А. — награждена медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды, ст. операционная сестра Наполова — награждена медалью «За боевые заслуги», мл. медсестра Чадунели награждена орденом Красной Звезды, младшие медсестры Барова, Гегучадзе, Гукасова, Заднепрная, Симоненко награждены медалями «За боевые заслуги»⁴.

В этот период орденами и медалями было награждено 14 человек.

В первой половине февраля 1943 года, когда войска 18-й армии вели бои на Кубанской равнине, госпиталь оставался на прежнем месте, проводя большую лечебную работу и в то же время постепенно эвакуируя всех раненых и больных. После того как эвакуация была закончена, к концу февраля он перебазировался и развернулся в Геленджике. Однако в марте в связи с массированными налетами авиации противника часть госпиталей была выведена из города и размещена в других населенных пунктах. В их числе находился и 750-й, переведенный в станицу Шапсугская. Сюда раненые поступали из войск правого фланга армии, которые вели боевые действия в районе станицы Небережаевской.

В Шапсугской госпиталь неоднократно подвергался артиллерийскому обстрелу и бомбежке с воздуха. Во время одной из них были разрушены помещения операционно-перевязочной и некоторые другие подразделения. Пришлось дважды менять место расположения, прежде чем было найдено удобное и относительно безопасное — в лесу, за Кабардинским перевалом, в четырнадцати километрах от станицы Шапсугской, у развилки двух дорог, ведущих из Шапсугской и из Цемесской долины на Геленджик.

Помню, это было в июне 1943 года. Незадолго перед этим я вернулся из десантной группы войск с мыса Мысхако. Как представителю санитарного отдела при штабе армии мне приходилось часто выезжать в войска для проверки работы и ока-

⁴ ЦАМО, ф. 371, оп. 6410, д. 16, л. 13.

звания помощи медико-санитарным батальонам, полковым и бригадным медицинским пунктам.

Прибыв на новое место расположения госпиталя, я откровенно говоря, удивлен и восхищен: в лесу возник целый палаточный городок. В небольших просеках между деревьями стояли палатки тридцати различных типов отечественного и американского образца. Они служили не только для приема раненых. В них помещались также операционная, перевязочная, штаб госпиталя, Ленинская комната. И личный состав находился там же.

С начальником госпиталя майором медицинской службы Саладином Эльбусдукоевичем Тугановым я был хорошо знаком. Опытный организатор лечебного дела, энергичный, очень общительный человек с неиссякаемым чувством юмора, он умело руководил госпиталем, все работники которого любили и уважали его. Желанный собеседник в кругу товарищей, Туганов в случае необходимости всегда приходил на выручку тем, кто в тяжелой обстановке того времени нуждался в помощи или поддержке. Позднее, когда армия вела бои на Правобережной Украине, его назначили в более крупный эвакуационный госпиталь.

В тот свой приезд я его не застал, и с работой госпиталя меня ознакомил ведущий хирург — майор медицинской службы Георгий Самсонович Инасаридзе. О его героическом и самоотверженном труде по организации хирургической работы и обслуживанию раненых на правом фланге армии в сложнейших условиях горно-лесистой местности и полного бездорожья в селах Перевальный, Гунайка, Котловина, а также северо-восточнее Туапсе я был давно наслышан.

Блестящий хирург мирного времени с пятнадцатилетним стажем, с большим опытом работы в тяжелейших полевых условиях майского керченского отступления и туапсинских оборонительных и наступательных боев, Г. С. Инасаридзе стал отличным военно-полевым хирургом. В последний раз мы встретились в феврале 1944 года, когда Георгий Самсонович направлялся сопровождать больного командарма — генерал-полковника К. Н. Леселидзе в Центральный военный госпиталь в Москву. После этого он в 18-ю армию не вернулся, так как был назначен ведущим хирургом в один из крупных эвакуационных госпиталей другого фронта.

Обходя с Г. С. Инасаридзе территорию госпиталя, знакомясь с его подразделениями, нетрудно было убедиться, что развернут он с учетом массового и неравномерного поступле-

ния раненых. Три большие палатки предназначались для медицинской сортировки, отдельно для носилочных и легкораненых, имелись палатки для накопления раненых, санитарной обработки, а также эвакуационная — для нетранспортабельных раненых, получивших хирургическую помощь, и другие. С большим старанием был оборудован светлый, буквально слепящий белизной операционно-перевязочный блок с операционной на два стола и перевязочной — на шесть. Противошоковая палата в ночное время отапливалась, благодаря чему в ней поддерживалась необходимая и достаточно высокая температура для раненых, находившихся в шоковом состоянии.

В госпитале широко осуществлялось переливание крови и кровезаменяющей жидкости как одно из массовых лечебных и особенно противошоковых мероприятий. Поэтому противошоковая палата была оборудована так, чтобы максимально ускорить помощь и облегчить состояние раненых, чему служили здесь специальные подставки для фиксации банок и ампул с консервированной кровью, а также верхних и нижних конечностей и т. д.

В дальнем углу территории находилось отделение для раненых с газовой гангреной. Там имелись своя операционно-перевязочная и отдельные палатки для раненых и для личного состава. Сюда не допускался никто из остальных отделений, чтобы исключить возможность переноса газовой инфекции.

Тот день выдался особенно солнечным и жарким. На фронте было затишье: не грохотала артиллерийская канонада, не слышался гул самолетов. В лесу было тихо, трещали цикады, легкий ветерок навевал прохладу. Все это создавало иллюзию мирного времени. И если бы не санитары, сновавшие между палатками с ранеными на носилках, можно было бы подумать, что это лагерь для отдыхающих. Но госпиталь жил своей обычной жизнью: в операционной и перевязочной трудились врачи и медсестры, дымила расположенная в отдалении под кронами деревьев кухня, работала у санитарного пропускника дезкамера.

Раненые, получившие медицинскую помощь, ожидали автотранспорта для дальнейшей эвакуации. Тяжелораненые лежали на носилках в палатках. Для уменьшения жары стенки палаток были приподняты, и теплый ветер обвевал раненых. Ходячие расположились в тени деревьев. Многие дымили цигарками. Все в один голос просили оставить их именно здесь.

Приходилось объяснять, что это госпиталь первой линии, что близка передовая и что их эвакуируют в тыл для дальнейшего го лечения.

Уезжал я отсюда по недавно построенному мосту через реку Алегой. Невольно вспомнилось, как в начале января 1943 года мне так и не удалось добраться до высоты 960,1, где находилось первое хирургическое отделение 750-го госпиталя. Тогда эта разлившаяся маленькая горная речушка своим бурным потоком снесла старый мост. Ждать, пока его восстановят саперы, не было возможности, так как начиналось наше наступление, и я имел приказ быстрее возвращаться в штаб. Теперь же личным составом госпиталя и его «шефов» — инженерно-строительного батальона (комбат майор Алтайчинов) был сооружен новый капитальный мост не только для пешеходов, но и для автотранспорта. А это значительно облегчило работу по снабжению и эвакуации раненых.

Примерно месяц спустя с работой «лесного» госпиталя ознакомился заместитель главного хирурга Красной Армии, профессор, генерал-лейтенант медицинской службы В. Н. Шапов. Он дал ей высокую оценку, особо отметив отличное «выхаживание» тяжелораненых⁵.

Действительно, благоприятное по климатическим условиям время года, полный объем хирургической и другой помощи, лесной воздух, тщательный уход благотворно действовали на раненых, способствуя в последующем их быстрому выздоровлению.

В августе 1943 года началась подготовка к завершающим боям на Таманском полуострове. Предстояли трудные бои за сильно укрепленный Новороссийск. Поэтому в конце августа и начале сентября медицинская служба армии подтянула лечебные учреждения ближе к войскам. Госпитали первой линии развернулись в направлении медсанбатов и ближе. 714-й госпиталь и 128-й полевой эвакуопункт — на Мысхако (Малой земле), примерно в пяти километрах от переднего края, 5199-й — в Шисхарисе, в семи километрах, 750-й остался на старом месте, в лесу, в семи-восьми километрах от переднего края.

Медико-санитарные батальоны подтягивались еще ближе к полкам, а полковые медицинские пункты — к батальонам, ведущим бой. В районе Кабардинка — Геленджик был сосредоточен резерв лечебных учреждений из четырех хирургиче-

⁵ ЦАМО, ф. 371, оп. 6410, д. 14, л. 132.

ских госпиталей и одного головного полевого эвакуационного пункта. Все госпитали первой линии были высвобождены от прежних раненых и дополнительно развернуты с расчетом на массовый прием большого количества новых.

Боевые действия начались в ночь на 10 сентября одновременно по всему участку фронта армии. На правом фланге войска атаковали две горы — Долгую (район станицы Неберджаевская) и Сахарную голову. На центральном участке Новороссийск штурмовал высадившийся с моря десант. На левом фланге велись бои в предместье города — Станичке. Высадка десантной группы войск была невероятно трудной из-за почти сплошного минирования Цемесской бухты и берега и насыщенного огня противника. Различные постройки и дома Новороссийска представляли собой отдельные сильно укрепленные узлы сопротивления.

Бои носили упорный, ожесточенный характер. Много раненых поступало с тяжелыми травмами. Как правило, воины, получившие легкое ранение, продолжали сражаться, и лишь после повторного тяжелого ранения санитары выносили их из-под огня противника. Особенно усложнялся вынос раненых из боя на центральном участке, непосредственно в городе. Здесь их эвакуация из-за сильного артиллерийско-минометного обстрела Цемесской бухты осуществлялась ночью.

В дни штурма Новороссийска мне довелось еще раз побывать в 750-м «лесном» госпитале. Сюда шел непрерывный поток раненых из частей, ведущих бои на правом фланге за горы Долгая и Сахарная голова. Особенно напряженно работало операционно-перевязочное отделение под руководством Г. С. Инасаридзе. Необходимо было срочно наладить эвакуацию раненых. Для этого мною были направлены сюда из Кабардинки, с армейского распределительного пункта, санитарные машины, и вместе с начальником госпиталя мы следили за их отправкой.

В результате напряженных кровопролитных боев 16 сентября 1943 года Новороссийск был освобожден. На следующий же день сюда прибыл и первым развернулся 750-й госпиталь. Сразу же на месте он принял 300 раненых из медсанбатов, уходивших за наступающими войсками. До первого октября госпиталь работал с большой нагрузкой. Всего за эти две недели через него прошло 1166 раненых⁶. Эвакуация все еще велась в Кабардинку и Геленджик.

⁶ ЦАМО, ф. 371, оп. 6410, д. 14, л. 132.

04935940
20250110033

После взятия Анапы, продолжая наступательные бои, армия 3 октября освободила юго-западную половину Таманского полуострова и Тамань.

Героический подвиг воинов 18-й армии был отмечен приказом войскам Северо-Кавказского фронта № 51 от 9 октября 1943 года, в котором говорилось: «Славен и знаменит боевой путь войск 18 армии. Героическими боями на Малой земле, Мысхако, в горах под Новороссийском, смелым и дерзким штурмом города и порта Новороссийск проложен путь славы 18 армии. Войска 18 армии, овладев городами Анапа, Тамань, первыми выполнили боевую задачу по разгрому врага на Тамани»⁷.

Эту славу разделила и медицинская служба армии, в том числе работники 750-го хирургического подвижного полевого госпиталя.

После освобождения Тамани войска 18-й армии начали подготовку к высадке десанта на Керченский полуостров. Готовился к этому и 750-й госпиталь, хотя высаживаться ему не пришлось.

15 ноября 1943 года 18-я армия была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Началось ее перебазирование на Киевско-Житомирское направление Первого Украинского фронта. 750-му госпиталю до Дня Победы предстоял еще долгий и трудный путь по селам и городам Правобережной и Западной Украины, Карпат и Закарпатья, Чехословакии и Польши. Но это уже новая, особая глава истории его боевого пути.

⁷ ЦАМО, ф. 224, оп. 932, д. 365, л. 103.

ТАК выражает выстраданную историческую правду, веху героиня документальной публицистической повести С. Алексиевич «У войны не женское лицо» санинструктор Тамара Умнягина: «Я жизнь спасала. Человеческая жизнь нам очень дорого стоила... Умирали за эту жизнь молодые ребята... Мы же этот мир спасали...»

Татьяна ШАРОЕВА

МЫ СПАСАЛИ МИР!

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ
В СОВЕТСКОЙ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ
ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ
ПРОЗЕ

И действительно, сегодня, в дни великого праздника 40-летия Победы, когда над всем человечеством нависла угроза термоядерной войны, особенно зрима, рельефна, «духоподъемна» историческая миссия нашей страны, народа, Советской Армии, спасших мировую цивилизацию от гибели в Великую Отечественную и теперь стоящих на защите мира. Ценой жизни 20 миллионов советских людей окуплена эта победа. Поэтому так актуально звучит утверждение Алеся Адамовича: «Разговор о гуманизме сегодня нами воспринимается как разговор о самом насущном, ибо все в мире сошлось на совершенно практической реальности, дилемме: быть на земле человеку или не быть? Он ли уничтожит войну или она

его? Из кризисной ситуации атомного века вырвется, чтобы жить дальше, в тысячелетиях, человек гуманный»¹.

Мы являемся свидетелями, как эта остроактуальная дилемма эпохи в нашей многонациональной советской литературе приобретает все более ярко выраженный политико-публицистический тонус во всех жанрах — от самой горячей, пишущей историю современности публицистики до политического романа, документальной батальной повести.

Как известно, современный документализм превратился в мировое крупномасштабное идейно-эстетическое явление: возьмем ли мы хроникальные киноленты («Великая Отечественная...», «Освобожденная Франция» С. Юткевича, «Операция «Тевтонский меч» Торндайков, «Смеющийся человек» Г. Шоймана и В. Хайновски, антивоенные фильмы режиссера из ГДР Лизы Хадашек) или пьесы, созданные по протоколам судебных процессов, кричащим документам от «Дознания» П. Вайса до «В, как Вьетнам» А. Гатти, письма и воспоминания, написанные узниками лагерей смерти, живописные циклы — белорусского художника М. Савицкого «Цифры на сердце», литовского художника С. Красаускаса «Вечно живые» и наконец навечно вошедшие в память человечества «Репортаж с петлей на шее» Ю. Фучика, «Дневник Анны Франк», «Я должна рассказать» М. Рольникайте, «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича.

У нас читатель и зритель еще в конце 40-х — начале 50-х годов после публикации воспоминаний руководителей и участников партизанского движения С. Ковпака, П. Вершигоры, Д. Медведева, Д. Бакрадзе почувствовал острую потребность в параметрах документальных, ныне политических. Вторая волна документальной литературы (она развивается в русле советской литературы — после появления «Живых и мертвых» К. Симонова, повестей Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Быкова) — 60-е годы: тут и воспоминания видных военачальников, и почти одновременно вышедшие документальные книги С. Смирнова, В. Субботина, Е. Ржевской, «добела раскаленный материал», осмысленный личностью рассказчика. На новую ступень поднялась одухотворенная, художественная «документальность» в 70-е годы, документальность четко выраженная, публицистическая, использующая взаимодействие факта и домысла, «я» рассказчика и жиз-

¹ А. Адамович. «Ничего важнее», «Вопросы литературы», 1983, № 3, стр. 106.

ненных закономерностей, приобретающая часто звучание политической инвективы. Таково одухотворение фактов мыслью, концепцией в дневниках К. Симонова и Б. Полевого, «Мужских беседах» А. Кривицкого, заговорившей народной памяти в книгах Д. Гранина, А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника, в кадрах «Обыкновенного фашизма» М. Ромма и «Солдатских мемуаров» К. Симонова. Отталкиваясь от натуралистической подачи реалий, такая достоверность, согретая публицистической целеустремленностью автора, подкрепленная группировкой фактов и размышлений о борьбе людей и «нелюдей», цементирует новый жанр публицистической повести у Д. Гранина и белорусских писателей В. Яворивского и Ю. Туулика, «Зеленую брану» Е. Долматовского и «Истину и легенду» Азильхана Нуршаихова. Современная документальная проза в разных республиках, взаимодействуя и взаимообогащаясь, в актуальном политическом ракурсе разрабатывает проблему подлинного гуманизма, обращается к социально-политическим причинам возникновения войн, идеологии фашизма.

В первую очередь это дыхание времени, политический ракурс выразились в нашей публицистике, со всей остротой поставившей вопросы мира и войны, многоаспектно оценившей актуальные вопросы современности. Прежде всего это писательская художественная публицистика А. Чаковского и А. Кривицкого, В. Коротича и М. Стурца, В. Бээкмана и А. Лауринчукаса, Л. Гинзбурга и А. Алимжанова. Вот перед нами подлинно публицистические книги В. Коротича — «Кубатура яйца», «Мост», «Лицо ненависти», документальный очерк «От первого лица». Постоянная точка отсчета для автора — война, так как «первое его лицо — в пепле войны», перед глазами — часто солдатские теплушки, нюрнбергский завоеватель, выгнавший его с матерью из отчего дома. Выстрадавшая теза: «Не могу забыть ни одного погибшего на войне, ни одного ребенка, сгоревшего в заколоченном карателями доме» — сродни толстовскому выкрику - страданию «Не могу молчать», мысли Достоевского о слезинке замученного ребенка. Как дополнение к этой тезе поэта-публициста изображение стадиона Партайгеленде в Нюрнберге — постоянного места сборищ гитлеровских сподручных, по необъятному полю которого теперь идет одинокий калека войны на костылях. И этой трагедии войны, увиденному фильму, где «веселые негодяи перепиливают человека циркулярной пи-

лой», философии бесчеловечности противостоит зримая художественная метафора, символ — картины грандиозного митинга-концерта в Гамбурге с колоритными фигурами Гадда Белафонте, шведской актрисы Биби Андерсон и демонстрации участников конференции «Нюрнбергский трибунал» перед управлением оккупационных американских войск, недвусмысленно помещавшимся в бывшей штабс-квартире СС. С еще большей политической остротой это противопоставление миров, систем, идеологии представлено в романе в письмах, как определил жанр «Лица ненависти» (1983) автор. Перед нами проходит история Марии из Прикарпатья, разлученной с сыном, вскрывается подоплека ненависти, положенная в основу государственной политики Рейгана. Жанр писем к жене позволяет В. Коротичу в манере экспрессивного взволнованного монолога конкретно показать противоречие между американскими фарисейскими декларациями о правах человека и разжиганием психоза третьей мировой войны и в который раз разъяснить сущность миролюбивой политики Советского государства: «Когда мы победили в войне, то поставили на пьедестал в Берлине солдата со спасенным ребенком — символом победившей человечности».

Книга публицистических документальных повестей и памфлетов А. Кривицкого «Елка для взрослого» (1983) является истоком для понимания характера и сущности современной публицистики и документальной литературы, их встречного движения друг к другу. Воспоминания о К. Симонове, А. Платонове, «Мужские беседы» с Л. Свободой, заметки о личности К. Чапека, Ю. Фучика, В. Незвала — это художественные и политические уроки памяти, оценки прошедшей войны, соотнесенные с нынешней политической обстановкой на Ближнем и Дальнем Востоке, с сопоставлением разбуженного Великой Отечественной движения глубинных общественных сил во всем мире и современных сдвигов в сознании народов мира. При этом проблемы, раскрываемые в его документальных повестях, даются стереоскопически и объемно через живых людей, их взаимоотношения, конфликты, через авторское самовыявление.

Быть политическим публицистом, социологом, документалистом — значит находиться во всеоружии знания законов исторического развития, бить из крупнокалиберных орудий по врагам мира и социализма. И памфлеты А. Кривицкого, вошедшие в книгу, — «О, лицемеры», «История и мифы», «Одержимые бесом», «Доктрины... мифы... бюджеты», так же как

последний цикл М. Стуруа «Игра в гольф и... с огнем» («Звезда», 1984, №№ 8—9), входят в число лучших памфлетов. Вспоминается блестящий ленинский памфлет «Памфлет Гейдена», где В. И. Ленин сбрасывает маску с «конституционалиста», т. н. «гуманиста», типичного контрреволюционного помещика, видит за внешним блеском фраз социальную «ущность типа. Разве не чувствуется в памфлетах А. Кривицкого и М. Стуруа, что они мастерски усвоили уроки марксистско-ленинской публицистики — вести огонь по системе взглядов, идеологии врага, выяснять социальную сущность факта как звена в цепи реакционной концепции новых поджигателей войны, для которых не прошли даром приемы нацистских преступников с претензиями «сверхчеловека» и сотнями Хатыней и Дахау.

Нам кажется необходимым остановиться на книгах публициста, ученого, поэта-переводчика Льва Гинзбурга — «Цена пепла», «Бездна», «Потусторонние встречи», «Разбилось лишь сердце мое», без которых немислимы «Каратели», «Я из огненной деревни», «Вечные Кортелисы».

Сам прошедший через школу Дальневосточного фронта, увидевший в декабре 1945 г. «взъерошенную и взбаламученную Европу, испепеленную Польшу», Лев Гинзбург буквально выстрадал гуманистическую доминанту своего творчества — вскрыть генеалогию фашистской идеологии, философии, этики, приведшей к душегубкам, к невиданным злодеяниям. «Это наша боль, наше дело, долг, возложенный на наше поколение: до конца рассчитывать за всех вместе и за каждого в отдельности...» Перед читателем проходят страшные картины зверств зондеркоманды СС 10-А, портреты ее кровавых палачей Кристмана, Скрипкина, Еськова вместе с собирательными, домысленными образами, судебный процесс над ними. Роман-эссе «Разбилось лишь сердце мое» (1983) опять-таки поднимает гуманистический вопрос о назначении человека на земле, о бесчеловечной философии нелюдей, «недо-человеков», как скажет А. Адамович. Глазами человеческой совести, народной совести, как впоследствии А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник, описывает Л. Гинзбург берлинский суд над бывшим начальником гестапо для того, чтобы «предсмертные крики жертв — Придет и ваш час, палачи! — не остались пустыми угрозами, чтобы люди помнили: всемогущество зла зыбко». Потрясающая картина Освенцима с «миллионами пар стоптанной обуви... со всем, что останется от человечества, после того как его уничтожат» опять обраще-

на к нравственному сознанию народов мира — сказать «Нет!» термоядерной войне, объединением всех людей доброй воли, ходом исторического прогресса опровергнуть нацистско-термоядерную логику убийств, сожженных деревень, духовного растления.

По этому же пути пошли белорусские писатели А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник, создатели многоголосного документа-исповеди «Я из огненной деревни». По образному выражению А. Г. Бочарова, литература и художественная, и документальная пошла «широко — словно драга, промывая породу после старателей»¹, и вширь и вглубь.

Наши писатели-документалисты, создавая новый жанр публицистической повести, совершили поистине подвиг: в 35 районах многострадальной Белоруссии четыре года они неуклонно записывали рассказы людей, которых убивали, сжигали, расстреливали, но они остались живы. Так же поступили Д. Гранин и А. Адамович, идя в глубь живой памяти и дневников ленинградцев-блокадников. Вслед за ними В. Яворивский, чтобы рассказать о сожженных Кортелисах — украинском селе на Волыни и судьбе 2875 его жителей, день за днем, год за годом опрашивал очевидцев трагедии украинской Хатыни. И, наконец, Светлана Алексиевич приняла из рук своих предшественников эстафету великой памяти о великом подвиге, записала рассказы бывших фронтовичек и партизанок-подпольщиц. Затем вместе с режиссером В. Дашуком она создаст цикл документальных лент глазами народной памяти. Как реквием прозвучали заключительные слова В. Яворивского в повести «Вечные Кортелисы»: «Кортелисы подожгли 25 сентября 1942 г... Я родился 11 октября того же года. Может, воздух, который я впервые вдохнул, был с дымом Кортелис» («Октябрь», 1982, № 3).

Писатели многомерно используют скрытую энергию документа, его прямое воздействие на читателя. Обращаются ли они к наставлениям гитлеровского командования солдатам, как А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник («У тебя нет сердца, нервов, на войне они не нужны. Убивай всякого русского, советского»), или вслушиваются в людоедские показания подсудимого Кошелюка, как В. Яворивский, в страшный рассказ партизанки-разведчицы Кондрашовой, как С. Алексиевич («У

¹ А. Бочаров, «Рождено современностью», «Новый мир», 1981, № 8, с. 233.

меня до сих пор в ушах стоит крик ребенка, который ^{летит} в колодец»), — везде читатель физически, психически, морально ощущает взрывную силу документа.

В одном ряду с документальной прозой о войне стоит документальная писательская литература о пережитом, лично выстраданном. С каждым годом все больше выходит писательских книг-документов, книг-воспоминаний. Остановимся на последнем произведении Е. Ржевской «Ворошенный жар», творчестве Л. Промет, А. Каландадзе и Р. Джапаридзе — различных по манере, стилю и жанрам представителей советской многонациональной литературы.

Для Е. Ржевской — военной переводчицы, писательницы — боевое крещение началось со Ржева — «перекрестка войны, истории, людских судеб». Е. Ржевская в жанре исповедально-психологической повести «Ворошенный жар» (1984), написанной на документальном материале, сначала обращается к прошлому Ржева — голубино-голубого города с гербом льва на красном поле — символом непреклонности жителей в борьбе с оккупантами и захватчиками. За 17 месяцев оккупации и тяжелых боев немцы не пощадили Ржева и его голубей. Человеческое, нравственное, самоотверженное — в поступках доктора Земскова, семьи Богдановых, укрывавших людей от полицаев, в рассказах очевидцев фашистских зверств Андреевской, Кузьминой, Покровской. Возникают знакомые нам по русской, белорусской и украинской прозе образы карателей — предателя Алмазова, лагерного полицая Курганова. Как и более ранние повести Е. Ржевской «От дома до фронта», «Февраль — кривые дороги», так и повесть «Ворошенный жар» запечатлела образы солдат, поколения Великой Отечественной, документальную основу событий.

Несмотря на то, что эстонская писательница Лилли Промет — мастер пастельных тонов, микромира персонажей, она нашла в себе ту же гневную точку отсчета, что и белорусские писатели в изображении войны. Ранняя повесть «Деревня без мужчин» передает личные впечатления эвакуированного подростка в далекой татарской деревне, когда эстонцы увидели всю силу стойкости советского народа. В диалогической же повести «Время темных окон» виден звериный оскал группенфюрера Астера, посылающего молодых эстонцев как рабочий скот в Германию, карателя Бодмана, избивающего известного вильнюсского хирурга Салкинзона, кричащая картина сжигаемых заживо эстонцев, когда «языки пламени под-

нимаются к вершинам сосен, и черный дым от горящего человеческого мяса заволакивает дневной свет».

Та же выстраданная тема мук человеческих, столкновения подлинного гуманизма с расистскими теориями фашизма — сначала в документальной повести литовской девочки Марии Рольникайте «Я должна рассказать», затем в ее двух уже писательских повестях «Три встречи», «Привыкни к свету». Маленькая мученица вынесла тяжкие муки в гетто, каторжную работу в концентрационном лагере. Дневниковые записи точны, конкретны: о собственной голове, оцененной дешево — в 8 марок, о кошмарных ночах расстрела стариков и детей, о возвратившихся телегах с одеждой расстрелянных, когда «хочется плакать, выть, кусаться, кричать» при виде потерянной человечности «нелюдей».

Как мы уже видели, советская многонациональная документальная проза о войне стремится осознать феномен человека, истинного гуманизма в контексте истории, сурового времени. Грузинский писатель Александр Каландадзе сам был среди защитников Брестской крепости. Отсюда его «Дни в Брестской крепости» — документ первых тяжелых месяцев войны. Идя вслед за С. Смирновым в поисках героев, А. Каландадзе создает рельефные характеры людей-героев, подчеркивает силу дружбы между людьми разных национальностей и народностей: Инджия и Юсуповым, Нижарадзе и Бицуевым, Тамарой Джиджишвили и Кларой Ивановой. Отверженные гитлеровцы, ворвавшиеся в крепость, пытаются получить сведения даже у 5-летнего Тамази, сына Т. Джиджишвили. Но даже под прикладами мальчонка не испугался, не дрогнул. Хронологически разворачивая свое повествование, А. Каландадзе еще раз продемонстрировал «взрывные» возможности документальной прозы.

От поэтики психологического драматизма, всемерно освоенной «лейтенантскими повестями» о войне и белорусскими писателями, пошел и Реваз Джанаридзе, автор романов «Вдова солдата», «Хевская невеста». На каждой странице повести «Марухские белые ночи» — обнаженная суровая правда тех месяцев, когда гитлеровские гордострелковые дивизии стремились овладеть Клухорским, Санчарским, Марухским перевалами для завоевания Кавказа, открытия ворот в Абхазию, к Черному морю, к жизненно важным центрам Закавказья. Любой ценой надо было удержать Марухский перевал, захват которого был поручен альпийской дивизии «Эдельвейс» во главе с «железным» генералом Ланцем.

Р. Джапаридзе, годами изучавший документы в архивах, собиравший сведения у жителей ближайших деревень, не допускает в повести ни одного отступления от фактов. Впечатляющая в художественном отношении картина встречи роты батальонов лейтенантов Рухадзе, Марджанишвили, Схиртладзе и др., идущих к перевалу, с тебердинскими медсестрами, нецущими на носилках парализованных детей из санатория, не пощаженого фашистами. «Дяденька, хлебушка! Немного хлеба!» — молят дети. И войны отдают все, что у них было: «лежат на плоском камне кукурузные початки, несколько кусочков селедки» — антитеза двух идеологий, не совместимой с фашизмом этики. Пластичность выразительных средств позволяет Р. Джапаридзе воспроизвести и последний бой четвертой роты, когда никто не остался живым и «вековой снег стал липким от горячей человеческой крови».

Конечно, мимо внимания документальной многонациональной прозы о войне, говорящей на 78 языках народностей и национальностей Советского Союза, не прошел опыт художественной военной прозы К. Симонова, Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Быкова, А. Адамовича, В. Кондратьева, И. Стаднюка — прозы психологического драматизма, расширившей возможности изображения героического и нравственных истоков подвигов советских людей. Сам В. Быков четко определил сквозную идею своей повести «Сотников» и последующего творчества: «Что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?». И действительно, исследование всех возможностей человека на войне в экстремальных ситуациях, его самообладания, воли, нравственных сил — движущий нерв всех повестей В. Быкова от «Журавлиного крика» и «Третьей ракеты» до «Знака беды». Перед лицом смерти Сотников, Ивановский, Волошин, Левчук, учитель Мороз, крестьянка Степанида все равно остаются людьми, морально превосходящими «недочеловеков», носителей фашистской идеологии истребления целых народов. Особая зоркость художественного видения В. Быкова — не в абстрактном противопоставлении мужества и трусости, самоотверженности и подлости, а в высветлении социально-этических причин растления Рыбака, Задорожного, Сахно, Маркина. Реализм В. Быкова, безусловно, нельзя свести ни к бытовому, ни к притчевому, это реализм социально-аналитический.

социально-психологического ракурса. Не случайно Л. Шопитько, идя в глубь сердцевины повести В. Быкова «Дожить до рассвета», донесла до миллионов зрителей во всем мире в своем фильме «Восхождение» силу характера лейтенанта Ивановского, с простреленной грудью и последней гранатой в руке сделавшего свой «последний взнос для Родины». Явственно проступают реалии войны, освещенные гуманистическим смыслом нашей борьбы и победы «ради жизни на земле», и в повестях и рассказах известных грузинских писателей К. Лордкипанидзе и Г. Натрошвили. Всю войну К. Лордкипанидзе был военным корреспондентом, и его «Правдивые рассказы» имеют прежде всего документальную основу. Писательская судьба свела его на Крымском полуострове с встретившимися тяжелоранеными братьями Базлидзе после смертельной схватки у Сапун-горы («Майское утро»), с девочкой, встречающей каждый санитарный поезд, чтобы увидеть отца («Цабуня»), с судьбой героически погибшего на Таманском полуострове Л. Вашаломидзе («Безымянная высота»).

Созвучный гуманистический настрой и в «Армянских эскизах» Вардгеса Петросяна. Он думает, глядя на памятник солдату Алеше в Пловдиве, о судьбе «20 миллионов Алеш, заплативших своей жизнью за счастье народов земли».

Знаменательно, что сегодня зрелость наших многонациональных литератур, обращенных к документалистике, к достоверным реалиям войны, — это и зрелость определенной индивидуальности каждой из них.

Как известно, потоку армейских мемуаров и воспоминаний в 60-е годы способствовало появление мемуаров Г. Жукова, К. Рокоссовского, А. Василевского, А. Гречко, С. Штеменко, И. Конева, других военачальников. Заслуженные полководцы и ветераны, командиры частей и участники народной партизанской войны старались раскрыть неизвестные доселе страницы войны.

Подлинным событием 80-х годов явилась документальная повесть-исследование В. Карпова «Полководец» (1982 — 1984). Повести В. Карпова присущи не только строгая выверенность фактов, вдохновляющая нравственная цель — оценить во времени полководческую деятельность Героя Советского Союза генерала Петрова, но и стремление автора самому вместе с героем пройти по этапам его сложной биографии полководца, рассмотреть особенности его тактики и стратегии. Точные знания военного профессионала, одухотворенные художественным видением, привели В. Карпова, не-

сомненно, к созданию художественной публицистической повести. Характерно, что каждое действие полководца в Крыму, на Северном Кавказе, перед началом операции «Багратион», при переходе через Восточные Карпаты, спасении Дрезденской галереи осмысливается в общем ходе всей военно-политической панорамы тех лет.

В галерею документальных книг-биографий о К. Рокоссовском, Л. Доваторе, И. Ватутине внес свою лепту и грузинский журналист М. Давиташвили, опубликовавший в Тбилиси книгу о генерале К. Леселидзе (1983). Средства детализации образа, взятые из арсенала документальной прозы: выдержки из приказа, характеристики, высказывания очевидцев — все это способствует осуществлению замысла М. Давиташвили многосторонне, без декларативности показать боевую жизнь генерала К. Леселидзе.

Таким образом, перед нами прошла в многообразии жанров — от гневной публицистической инвективы до биографии-портрета, мемуаристики — советская многонациональная документальная проза о войне с ее обжигающей правдой. Остро и актуально поставившая вопросы войны и мира, спасения человечества и человечности от поджигателей войны, она требует от своих авторов, особенно в последнее десятилетие, осознанной политичности, творческого и гражданского сознания. Несомненно, что в нашей многонациональной правофланговой публицистике и политико-публицистический стиль становится формообразующим, стержневым.

Во всех жанрах многонациональной прозы документ — социально-политическое орудие утверждения гуманистической правды века, направленное против бесчеловечных теорий фашизма, современных оруженосцев термоядерной войны. «Нет!» — во весь голос говорит войне советская документальная проза.

Советская многонациональная литература — беспрецедентный эстетический феномен в истории мировой культуры единства писателей 78 языков наций и народностей — обращена к будущему человечества ради жизни на земле, ради осуществления великих слов В. И. Ленина — «Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал»¹.

¹ Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 26, стр. 304.

ТИЦИАН Табидзе вновь вернулся к грузинскому читателю. В середине 50-х годов почти подряд были выпущены два различных по составу и характеру сборника, которые дополняют друг друга и со всей ясностью обрисовывают фигуру истинного рыцаря грузинской поэзии XX столетия, поэта, мыслителя и литератора.

Я имею в данном случае в виду сборники стихов (1955 г.) и статей (1957 г.) Тициана Табидзе, к изданию которых с такой любовью и заботой подошел Шалва Деметрадзе — друг и почитатель поэта (см. также трехтомник, снабженный интересной статьей Дэви Стурюа).

Необычайный дар Тициана Табидзе всегда был предметом особого, повышенного интереса любителей поэзии. Разумеется, этот интерес усиливался трагической судьбой поэта, которая в виде предчувствия нашла отражение в некоторых его стихотворениях, например: «Меня разбойники убили над Арагви, в погибели моей нет твоей вины...»

Однако главное всё же то, что для грузинского читателя имя Тициана Табидзе — мощное возрождение грузинской поэзии неразрывно

Саргис ЦАИШВИЛИ

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ НОВОЙ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

связаны между собой. Действительно, было бы величайшей неблагодарностью забывать о его вкладе.

Предлагаемая статья не имеет никаких иных ~~предложений~~, кроме как еще раз напомнить об этом.

Одно ясно с самого начала: Тициан Табидзе всю свою недолгую жизнь находился на передовой борьбы за обновление культурного арсенала новой грузинской поэзии. Не говоря уже обо всем остальном, он был одним из первых среди тех, кто, подобно барометру, предощутил приближающуюся волну обновления. Несомненно, боевитость и вечный поиск, стремление к новому были важнейшими чертами личности Тициана Табидзе, и их отпечаток явственно заметен на всем его творческом и интеллектуальном наследии, выраженном в различных формах словесного искусства.

Следует отметить, что поэтическая натура Тициана почти в унисон откликалась на бури и грозы, сотрясавшие эпоху. Избавление от социального и культурно-духовного кризиса стало первоочередной задачей времени. С этой точки зрения на пути дальнейшего развития многовековой грузинской поэзии приобретают особое значение открытия и достижения 10-х годов нашего века.

Это было и впрямь тяжелое перепутье, за которым необходимо было прозреть новые дали и горизонты. Нельзя скрывать и того, что этот путь исканий сопровождался нередко поражениями и провалами, однако избравших его ни на минуту не оставляли самоотверженность и искренность.

Здесь нередко интуитивные прозрения оказывались не менее значительными и важными, чем интеллект, первопродвигатели на этом пути, среди которых всегда выделялся Тициан Табидзе, зачастую на ощупь продвигались вперед, к своим целям.

Грузинская поэтическая культура в начале нашего столетия развивалась в специфической обстановке, и, мне кажется, нет нужды доказывать и пояснять это положение. Действительно, великая грузинская литература XIX века, которая с такой ясностью и четкостью определила свои цели и идеалы в смысле изобразительных средств, оказалась почти на грани оскудения и только по инерции продолжала функционировать. Инерция же — пристань, в которой охотно ищет приют и защиту псевдокультура. Это один из универсальных законов эпигонства, который точно определяет положение грузинской поэзии в 10-е годы.

Вдохновленная величайшими национальными и социаль-

ными страстями, классическая поэзия превращалась в бездарное стихослагательство, замыкалась в своей скорлупе и приобретала откровенно провинциальный облик.

Величайшей заслугой Галактиона Табидзе, с одной стороны, и членов литературного ордена «Голубые роги», с другой, прежде всего была непримиримая война, объявленная против эпигонства. Первыми провозвестниками этой борьбы стали отмеченные необычайной страстью и трепетом стихи Галактиона Табидзе и, с другой стороны, основание ордена «Голубые роги», руководители которого как в своей поэтической практике, так и в теоретических декларациях открыто провозглашали свои бунтарские настроения.

Тициан Табидзе был первым среди них.

Отрицание, однако, еще не означает утверждения нового. Этот процесс оказался сложным и болезненным, тем более, что некоторые положения, выдвигаемые в ходе литературной полемики, содержали и элементы абсурда. Нередки были также случаи смешения взглядов и точек зрения, столкновения взаимоисключающих утверждений.

Откровенно преувеличенный пафос отрицания характеризовал, к примеру, декларации Паоло Яшвили и Тициана Табидзе, которые были опубликованы в первых же номерах «Голубых рогов». Паоло Яшвили в своей статье, напечатанной в качестве своеобразного первозавета, возвеличивал и прославлял эстетику разрушения прошлого, представляя предшествующую грузинскую поэзию исключительно как словословие покоя и пения птиц. Некоторые статьи Тициана Табидзе этого периода грешили подобным нигилизмом, ограничивая, к примеру, заслуги Ильи Чавчавадзе рамками 60-х годов, видя в нем лишь представителя «тергдалеули», т. е. поколения, «испившего воды Терека». Как будто это была единственная миссия И. Чавчавадзе и его поколения. Что же касается самих «тергдалеули», то их победа, считал Тициан Табидзе, «обернулась поражением для всего дальнейшего искусства. С этого дня, — писал он, — из грузинской поэзии был изгнан древний дух. Эти псевдо-Руставели и либералы (явная цитата из Григола Орбелиани — С. Ц.) превратили литературу в митинговый зал, а поэзию — в газету» («Голубые роги», № 2).

И это тогда, когда возрождение «древнегрузинского духа» в свете новой эпохи (вспомним утвержденный самим же Ильей Чавчавадзе термин «европеизма») было как раз величайшей заслугой романтиков и особенно Ильи Чавча-

вадзе и его поколения. Здесь же отмечу, что Тициан Табидзе, поэт большого национального самосознания, разумеется, в дальнейшем окончательно преодолел и отринул ошибочные свои утверждения, высказанные на заре творчества.

Однако в подобном отрицании содержалось значительное рациональное зерно, и направлено оно было прежде всего против господствовавших в ту пору эгигонства и провинциализма. Но наступление «голубороговцев» не закончилось на этом, и именно в этом их основная заслуга. Борьба за обновление грузинской поэтической культуры для них базировалась на опыте современной мировой культуры, и потому, естественно, их взоры обратились в первую очередь к Западной Европе (в частности — Франции) и России. Возможно, еще неосознанное, однако, тем не менее, явное предощущение какого-то синтеза в будущем высказано в одном, можно сказать, программном стихотворении Тициана Табидзе, написанном в 1916 году.

Розу Гафиза я бережно вставил
В вазу Прюдома,
Бесики сад украшаю цветами
Злыми Бодлера...

(«Халдейские города», пер. Б. Лившица)

Немаловажным фактом является и то, что большинство «голубороговцев» побывали в Западной Европе и России и не только по книгам, а на основе личных впечатлений и контактов были знакомы со многими явлениями и деталями поэтической культуры. В борьбе за обновление грузинского стиха каждое новое направление, которые в ту пору размножались, подобно грибам, сразу же оказывалось в сфере повышенного интереса (порой — достаточно неразборчивого и некритического). Стремление к освоению мировой поэтической культуры с особой силой проявилось в известной статье Тициана Табидзе, напечатанной в первом номере «Рубикона», появившемся на свет в 1923 году.

Возможно, некоторые положения этой статьи сегодня и представляются лишенными достаточной точности, однако своим пафосом новизны и стремлением к расширению масштабов она несомненно явилась одним из наиболее интересных документов литературной жизни того периода. Приведем

некоторые положения из нее. Хотя, по мнению Тициана Табидзе, наша литература XIX столетия отличалась от литератур Ближнего Востока этого периода своим высоким уровнем, однако все же она «находилась не на той высоте, которой достигло современное европейское искусство и которая соответствовала бы блистательным традициям Грузии. (В данном случае Т. Табидзе подразумевал прежде всего литературу эпохи Руставели, что явствует и из других его статей — С. Ц.). Мы знаем эпохи, когда грузинская литература представляла собой весьма значительное явление по самым высоким мировым меркам. Грузинская литература же XIX столетия в радиусе мирового, в данном случае — европейского, искусства предстает как литература провинциальная, узко ограниченная местническими интересами и эстетическим несовершенством... В грузинскую литературу врывается новая эстетическая культура (имеются в виду 10-е и последующие годы — С. Ц.), и она избавляется от безысходного провинциализма, вступая в общий круг мировой литературы».

В процессе поисков, в котором не последнюю роль играли и откровенные подражания, несомненным фактом был чрезвычайный интерес к всевозможным новым направлениям. Поэт позже расскажет о таком увлечении в одной из своих статей автобиографического характера, описывающей его студенческие годы в Москве.

«В 1914—1915 годах литературная Москва была еще в плену символизма, хотя его кризис уже ощущался. Возвратившийся из Швейцарии Андрей Белый привез с собой свою туманную мистическую утомленность, острые споры относительно Гете и лекции о театре жеста и мимики. Вспоминаю смерть Скрябина и его похороны. Культ его, Скрябина, музыки, бесчисленные вечера поэзии Игоря Северянина, заседания религиозно-философского общества и формула «От Канта к Прудону», отправление русских войск на германский фронт, приезд Маринетти и Эмиля Верхарна в Москву, заседание «Общества свободной эстетики» в литературно-художественном кружке и выступление Валерия Брюсова, нападки акмеистов и «дадаистов» на символистов. Знакомство с Бальмонтом, который переводил тогда «Витязя в барсовой шкуре» Руставели, увлечение Блоком и Иннокентием Анненским и, наконец, появление на московских улицах и эстрадах Владимира Маяковского, а позднее — Хлебникова и других русских футуристов. Все это волновало и увлекало меня.

и, так или иначе, отразилось впоследствии на дальнейшей моей работе. В политических событиях я не разбирался с достаточной ясностью. Мое отношение к русскому и французскому символизму было совершенно некритическим.

Однако не так уж и легко, как это кажется на первый взгляд, сделать точную дефиницию всех этих связей. И так же непросто точно определить литературный профиль «голубороговцев» (по моему мнению, характеристика лирики Галактиона Табидзе этого периода также сопряжена со многими сложностями).

Как известно, на эту тему, особенно в последние годы, написано немало, и, по всей вероятности, грузинской критике и литературоведению еще не раз придется заострять свое внимание на этих вопросах. Это совершенно закономерно, если принять во внимание не только поверхностные пласты явлений и не следовать проторенными, облегченными тропками, что, к сожалению, бывает не столь уж редко.

Одним из примеров такой облегченной или, точнее говоря, ошибочной постановки вопроса лично мне представляется следующее: существовало ли у нас вообще сформировавшееся декадентское направление, каким был, к примеру, французский или русский символизм, и имеем ли мы право говорить о «грузинском символизме»; и второе, являющееся следствием первого и, в определенном смысле, акцентирующее социальный аспект: имелась или нет в Грузии соответствующая почва для возникновения литературного направления данного типа.

Сразу же замечу, что на первый вопрос в трудах большинства исследователей указанной проблемы содержится положительный ответ. Более того, некоторые вообще считают неправомерной противоположную точку зрения. Что же касается второго вопроса, здесь проявляется большая осторожность, а некоторые предпочитают вообще обходить этот аспект проблемы. Дело в том, что французский символизм, несмотря на определенные воздействия со стороны (в том числе и иностранные влияния, в частности роль Эдгара По в формировании творчества ранних представителей французской мистической поэзии), невозможно представить себе иначе, как порождение собственно французской действительности, одним из первейших и главнейших признаков которой явилась крайняя форма развитого капитализма, разумеется, с определенной социально-политической окраской.

Подтверждение аналогичного обстоятельства на примере

грузинской действительности завело бы в тупик, чтобы сказать больше, самых упорных исследователей указанных проблем. Однако это противоречие как будто снимается, если говорить всего лишь об определенных попытках пересадки символизма на грузинскую почву или же только об отдельных проявлениях символистских элементов.

По моему убеждению, необходимо более глубокое исследование указанных проблем, мы же в данном случае коснемся некоторых сторон творчества Тициана Табидзе, поскольку именно его поэзия дает нам богатый материал для определенных выводов и заключений.

С первых же дней основания ордена «Голубые роги» для его активных членов вопрос о «грузинском символизме» как будто представлялся решенным. На это ясно указывает опубликованный Тицианом Табидзе в журнале того же названия отрывок декларативного характера из его статьи. На вопрос, существует ли у нас соответствующая почва для символизма, он предлагает нижеследующий ответ: «В грузинском народе живет бессмертный актерский дух. Он постоянно жаждет быть чем-то иным, он любит театрализовывать действительность. Почему красится грузинская женщина? Дело ведь тут не в моде. В нашей жизни этот факт имеет свою историю. Причина здесь та же самая — актерство и театрализация действительности. Природа этого явления еще совершенно не изучена. Грузины любят маски, а символизм как раз и является философией маски, и потому он закономерен для нас. Почва для модернизма у нас подготовлена».

Немного позднее Валериан Гаприндашвили прямо заявлял, разделяя точку зрения Паоло Яшвили, что первую литературную школу в прямом значении этого слова у нас создали именно «голубороговцы».

Не подлежит сомнению, что в вышеприведенной цитате Т. Табидзе речь идет обо всем (в частности, о национальном характере, психологии и т. п.), кроме того, что в данном случае подразумевается вообще под понятием «почва».

Однако, увлеченные пафосом борьбы, они верили именно во все то, что подкрепляло их поэтические искания. Они не колеблясь распахнули двери перед модернистской поэтикой и смело обратились к многообразным экспериментам. Наряду с «алхимией слов» (Артур Рембо) в их стихах укореняется эстетика уродства и болезненных настроений, нарушаются реальные пропорции, неестественное позерство и бутафория сменяют друг друга. Вспомним вновь известное сти-

хотворение Тициана Табидзе «Бирнамский лес», в котором как бы собраны воедино все поистине странные и неожиданные поэтические прозрения:

0419359410
202301010330

Лес Бирнамский.. Халден глубокие тени...
И у пьяного гостя на жестком колене
Леди Макбет нагая. Смертельно бело
Одеянье согбенного лорда Пьеро,
Вот Артур. С ним больные его бесенята.
Чианури звучит, в тонких пальцах зажата.
Как смычок, отсеченная напрочь нога.
Тотчас самоубийцы, наполнив рюга
И бокалы, как будто к заветной отраве,
Припадают к ним — слава тебе, моурави!
Круг павлиний замкнулся, и в нем, точно зайца,
Ярко-желтого гонит Паоло малайца.
И Офелия, быстро взглянув, замечает,
Как пощечину звонкую вдруг получает
Бледный Гамлет от дерзкой руки Валериана.
На большом эшафоте и зыбко и странно
Эфемерный возводится храм. Никому
Я не верю... Мучительны нежности Мэри.
Коломбину бьет кашель чахоточный. Двери
Закрывает ноябрь, чтоб не слышать ему...

(Пер. Ю. Ряшенцева)

Еще более обостренным богемным артистизмом и апологией болезненных аномалий отличается стихотворение Валериана Гаприндашвили «Монолог богемы», где декларируется культ отрицания призраков минувшего: «Для поэта постыдна иная карьера, кроме самоубийства, я не желаю быть Виктором Гюго или Акакием, предпочитаю закончить свою жизнь, как богема. Для поэта постыдна иная карьера, кроме безумия, я поверил в такую карьеру для поэта: безумие, чахотка и самоубийство».

Подобные примеры можно привести во множестве, тем более, если в их число включить творения других членов ордена «Голубые роги», однако это заведет нас слишком далеко, картина же, по существу, в качественном отношении не изменится.

Тем не менее мне кажется (и я думаю, что я не одинок), что как в своих декларациях (отдельные образчики которых

были приведены выше), так и в поэтической практике «голубороговцы» не были последовательны и единодушны, и даже ко не все было осмыслено ими до конца.

Заранее замечу, что на рубеже веков многие модернистские школы в самой Франции и России не были до конца разграничены. Так, к примеру, довольно длительное время Поль Верлен (1844—1896) считался символистом только в силу того, что на протяжении многих лет был ближайшим другом Артюра Рембо (1854—1891), тогда как известный стихотворный цикл Верлена «Романсы без слов», по признанию современных исследователей французской литературы, является шедевром импрессионистской поэзии. Примерно таково положение и при оценке поэзии Стефана Малларме (1842—1898): в данном случае совершенно недостаточно то, что так называемые «проклятые поэты» считали его своим предшественником и, следовательно, основоположником символизма во французской поэзии. Количество подобных примеров можно умножить, однако ограничусь замечанием, что в сходных обстоятельствах подобное положение наблюдалось и при попытках определить точный профиль отдельных представителей (достаточно вспомнить противоречивость оценок при характеристике творчества, скажем, А. Белого или В. Брюсова) русского символизма (здесь мы пользуемся этим термином в широком значении).

Я, разумеется, далек, если не сказать больше, от тех схоластических методов исследования, когда творчество того или иного поэта втискивается в жесткие рамки определенного направления или школы, однако основные тенденции и главная мировоззренческая магистраль все же дают нам ключ для определения их отношений к указанным направлениям.

Мы имеем дело с тем более сложным положением вещей, когда пытаемся разобраться в ведущих тенденциях грузинской литературы 10-х годов нашего столетия, в частности — ордена «голубороговцев», и подчинить их исканиям точным квалификациям.

Не следует забывать и того, что в то время, когда авангардистское крыло грузинской литературы стремилось, говоря словами Тициана Табидзе, к «европейскому радиусу», большая часть декадентских направлений фактически уже прекратила свое существование, переросла в новые течения или же сохранилась в виде далеких воспоминаний.

Подобная противоречивость, а порой и явная растерянность пронизывает не только опубликованные ими деклара-

ции теоретического характера, но и их поэгическое творчество, в котором многие реминисценции, отдельные пассажи и аллюзии откровенно брали свое начало в творчестве поэтов различных направлений, отличающихся друг от друга школами и принципиально взаимоисключающих художественных устремлений.

Несомненным доказательством этого может служить хотя бы приведенное выше стихотворение Тициана Табидзе, носившее откровенно программный характер: «Розу Гафиза я бережно вставил в вазу Приюдома. Бесики сад украшаю цветами злыми Бодлера...», в котором рядом друг с другом упоминаются типичный поэт-парнасец Сюлли-Приюдом и один из лидеров «проклятых поэтов» Шарль Бодлер (1821—1867).

Даже мимолетный взгляд на творения поэтов, принадлежавших к ордену «Голубые роги», тотчас убеждает нас в том, что в них не соблюдались точные принципы символизма и наряду с чертами поэзии парнасцев здесь встречаются элементы импрессионистской поэзии, образы символистской поэтики сменяются поэтическими формулами ультрамодернистских течений (футуризм, дадаизм) и влиянием всевозможных других «измов».

Это соображение подкрепляется также и тем, что многие из указанных влияний выглядели откровенно заимствованными и фактически так и не были до конца освоены (разумеется, в большей или меньшей степени). Наверное, это и было главной причиной того, что именно в это время в поэзии активно велись поиски нового, однако они не находились в прямо пропорциональной связи с созданием шедевров. Поза, порою неестественные переживания, бутафорность и эстетизация болезненных ощущений, если даже оставить в стороне совершенно чуждый поток урбанизма, явно подтверждают сказанное выше, впрочем, иначе не могло и быть.

Из-за всего этого, на мой взгляд, так называемый чисто грузинский символизм — явление весьма спорное, каким бы упорным ни было стремление «голубороговцев» придать своему увлечению вид сложившейся философско-эстетической школы. Я имею в виду в данном случае цельность мироощущения и столь характерную для символизма поэтику, без чего невозможно представить какую бы то ни было специфическую, отличную от других, обладающую характерными признаками школу. Тем более, что указанная «школа» не смогла создать ни одного типичного, ярко выраженного представителя символистского направления, да, скорее всего, и не

могла бы создать (см. также Т. Чхенкели. Статьи, стр. 12, на груз. яз.).

Главную заслугу «голубороговцев» мы должны видеть в ином, а не в основании так называемой грузинской символистской школы.

В борьбе с распространившимся эпигонством и провинциализмом они широко распахнули двери опыту современной мировой поэзии, превратив его в один из главных факторов обновления грузинского стиха (в силу определенных социальных условий для них не были вполне чуждыми и декадентские настроения). Однако примечательно то, что эти их искания не ограничивались рамками одной какой-нибудь школы, и, начиная от «парнасцев», в орбиту их напряженного, ищущего взгляда попадали почти все существовавшие в то время модернистские школы и направления.

Все сказанное неизмеримо расширило горизонт художественного освоения действительности и открыло совершенно новые возможности для постижения глубочайших духовных пластов. Грузинский стих стал емким, обогатился многообразными поэтическими средствами. Импрессионистская живопись и характерный для символизма интерес к иррациональному миру открыли новые перспективы развития грузинского стиха, что впоследствии нашло свое воплощение в поэтической практике. Творчество Галактиона Табидзе и некоторых представителей «Голубых рогов» может служить великолепным доказательством этого.

Решающую роль сыграло также то — и это указывало на безошибочность их интуиции — что они никогда не порывали связи с родными корнями, с великими традициями грузинской поэзии (эта линия в основном проявилась в их поэтической практике). В стихах голубороговцев никогда не прерывалась нить реалистического восприятия действительности, в противном случае их искания не выходили бы за рамки «моды». Именно в силу этого тема Родины в частых случаях предстает столь органичной для их лучших поэтических творений.

Поэтам этой группы, как видно, хорошо известна звучащая в верлибрах Поля Клоделя (1868—1955) противоположная символизму тема о «бессмертном ощущении запаха земли», которая перекликалась с выдвинутым «голубороговцами» на последующем этапе тезисом о «возвращении к земле» (слова Валериана Гаприндашвили).

Обновленный и обогатившийся современными поэтиче-

скими средствами грузинский стих смело вышел на широкую магистраль и оказался в полной готовности отражать те новые события и явления, которые происходили в жизни нашего народа. Первыми провозвестниками обновлений и реформации грузинского стиха стали именно «голубороговцы», именно они обогатили впоследствии грузинскую поэзию блистательными шедеврами.

Творческий путь Тициана Табидзе является наглядным подтверждением этого.

Его поэтические сборники не дают возможности исследователям в полном виде представить все его творчество. И потому мы остановимся лишь на некоторых его ранних стихотворениях, которые были представлены в сборнике поэта, выпущенном в свет в 1934 году, или рассеяны по страницам периодики десятых годов. В их числе нет тех стихотворений (например, «Сергею Есенину», «Илаиали», «Нине Макашвили», «Двадцать третье апреля» и др.), которые относятся к более позднему периоду творчества Тициана Табидзе и наглядно показывают, с какими болями и мучительными переживаниями шло к новой действительности его поэтическое слово.

Расставание со старым и предощущение нового постоянно волновало его душу. поскольку неотвратимый закон жизни гласил:

Я сам на загнивающем плоту,
На том дощатом лебеде сосновом.
Но я не кончил. Я еще расту.
Еще надеюсь: все начнется снова.

(Пер. П. Антокольского)

Выкованное в борьбе и преодолении препятствий его поэтическое слово обрело новое звучание, а высокое мастерство помогало ему гармонично воспринимать новую действительность. Его голос приобрел звучание стали, а поэтическое видение стало ясным и масштабным. Доказательством этому может служить один из шедевров пейзажной лирики Тициана Табидзе «Восходит солнце, светает» (1927 год):

Солнце первыми лучами метит
Склоны гор, очнувшись ото сна,
Из-за тучи светит и не светит

В ней заночевавшая луна.
Сверху Терек набегаёт, воя,
Снизу слышится Арагвы рев,
Солнце незаметною киркою
Разбивает льдины ледников.
По Казбеку вихрь метёт с вершины,
В пурпуре зари его висок,
Стыд тому, кто пред такой картиной
Смерти бы ещё бояться мог.
Я стою внизу оцепенелый
И себя совсем не узнаю,
Точно вдунул сам Важа Пшавела
Жар Химикаури в грудь мою.

(Пер. Б. Пастернака)

Солнечные краски, могучее биение пульса жизни и вера в национальное возрождение становятся лейтмотивом новых его стихотворений, созданных в конце 20-х годов. А в темах, которые проходят через все его творчество как нечто вечное и имманентное, он проявляет поразительную способность к перевоплощению.

В одном из своих произведений поэт с необычайной искренностью раскрывает один из главнейших истоков своего вдохновения: «И его волновали до смерти небо Грузии и ее земля». Выше я уже отмечал, что творчество «голубороговцев» всегда отличал мощный национальный дух, один из наиболее активных ферментов в деле становления их самобытной поэзии.

Эта тема для Тициана Табидзе, можно сказать, была одной из наиболее четко сформировавшихся и проявлялась в различных вариантах. Порою здесь имели место даже некоторые преувеличения, как, к примеру, в его знаменитой поэме «Конь с ангелом», где избранность грузинского народа нашла выражение в идее т. н. мессианства. Своеобразное восприятие историзма, мотивы идеологии, берущей свои корни в древней Грузии, в соответствии с авторскими поэтическими задачами переплетались друг с другом и приобретали трагическую тональность:

Куда скрылся Амирани, что плакал здесь?

Кто заставил молчать Руставели, рыдавшего здесь?

Кто остановил Саакадзе, сражавшегося здесь?

(Перевод подстрочный)

Сам образ-идея «конь с ангелом» представляет собой аллюзию святого Георгия на коне и новое переосмысление «вечно бессмертного духа». А «распростершийся простор грузинский.., зеркало Азии» предстает как арена вражеских набегов и разрушения, о которую с роковой неизбежностью разбиваются мощные и грозные валы «желтой орды с узкими раскосыми глазами» и с «мечом Магомета в руке». Пафос поэмы направлен на то, что все это является выражением неотвратимой закономерности, рокового удела грузинского народа. Так было и, по всей вероятности, так будет в будущем, однако при всем этом апофеозом является финал поэмы. Грузинский народ неизменно выступал как защитник возвышенных и чистых идеалов, он принадлежит к числу избранных и будет постоянно пользоваться заступничеством святого всадника, как это было всегда в те далекие и страшные столетия. Весьма своеобразным примером романтического осмысления минувшего предстает известный его стихотворный цикл «Из книги: Халдейские города» и некоторые другие произведения. Эти стихи в большинстве случаев как в смысле определенного мироощущения, так и по своим поэтическим образам и художественным приемам в достаточной мере отмечены приметами декадентской поэтики.

Из стихотворений, составивших новый сборник поэта, в этом отношении особое внимание привлекают те, в которых трагические ноты сменяются взволнованным пафосом, чувством торжествующей радости, ощущением того, что он является счастливым человеком и сыном красивейшего уголка земли, участником и свидетелем национального возрождения. Вплетенная в ткань поэмы «Конь с ангелом» идея вечного бессмертия совершенно по-новому звучит в стихотворении «Родина»:

Родины участь — как матери участь,
Заново к сердцу пришла, позвала меня.
И без кремня, не стараясь, не мучась,
Сердце охвачено песней, как пламенем.

(Пер. П. Антокольского)

Это стихотворение примечательно еще и тем, что, воссоздавая в поэтических образах историческое прошлое Грузии, поэт исходил из реалистической концепции. Не рок и не апокалипсические прозрения, а стойкость, душевная твердость

ВНИ
2013
010333

и неустанный труд грузинского человека спасают его страну от «судбины быть сметенной с лица земли».

Своей напевной интонацией и бодрым тоном особое внимание привлекает также вдохновленное темой Родины стихотворение Тициана Табидзе «Если ты — брат мне...». В смысле поэтической интонации, читая его, невозможно не вспомнить замечательные строки Ильи Чавчавадзе: «О как прекрасна ты, моя отчизна! Но чем ты краше, тем душе больней...»

Чувство горечи и тоски, столь характерное для этого стихотворения, придает ему элегическую тональность. В стихотворении же Тициана Табидзе, построенном на конкретных сопоставлениях и эффекте неожиданности, доминирует мажорная интонация:

Где виноградникам счет, не ответишь ли?
Кто посадил столько разом лозины?
Лучше безродным родиться, чем детищем
Этой вот родины неотразимой.

(Пер. Б. Пастернака)

Это стихотворение Тициана Табидзе рождает в читателе чувство ответной радости и так же, как большинство других шедевров поэта, как бы высказано на одном дыхании, а воспроизведенные с поразительным чутьем градации настроения и чувства придают ему неповторимую окраску. В нем содержится интим, какое-то неосознанное волнение. Поэт начинает свое стихотворение следующими словами:

Если ты брат мне, то спой мне за чашею,
И пред тобой на колени я грянусь.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

Однако с каждой последующей строфой голос поэта обретает все большую патетичность и звучит поистине призывно. Поэт населяет изображаемую им картину жизненными, реальными образами. Его палитра богата и многокрасочна:

Кто дал окраску мухранскому соку?
Кто — зеленам на арагвинском плесе?
Есть ли предел золотому потоку,
Где б не ходили на солнце колосья?

Острое восприятие красоты жизни, чувство единства с родиной, человеческая, личная отзывчивость на все происходящее придают композиционную завершенность поистине великолепному финалу стихотворения:

С ней мне и место, рабу, волочащему
Цепью на шее ее несказанность.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

(Пер. Б. Пастернака)

В новые стихотворения поэта мощным течением вливается тема обновления, переоценки собственного поэтического пути, которая в различных формах проявляется почти во всех его творениях, в том числе — и в публицистических выступлениях или критических статьях. Хочется вспомнить здесь одно место из созданного в 1928 году стихотворения, которое предшествует известным «Дадаистским мадригалам» поэта («Зачем лицемерить: когда-то и впрямь меня увлекала «дада»), где тема переоценки прошлого, стремление к обновлению получила интересное поэтическое воплощение:

Стою перед школьной доской и стираю с нее строки,
Которые некогда писал не мелом, а кровью.
Советская земля! Целую твои корни,
Перехожу алаверды к твоей жизни.

(Подстрочный перевод)

Это стихотворение примечательно и тем, что, на мой взгляд, в нем не только в общем, но и конкретно поэт polemизирует с выразившимися в его ранних стихотворениях декадентскими настроениями. И действительно, в старом стихотворении «Чемпион сезона», свидетельствующем о не до конца восстановленном в душе поэта нарушенном прежде равновесии, есть такие строки:

О, это все темно и непонятно,
Как жизнь иероглифов темна.
Я — мальчик, чиркающий грифелем невнятно,
Когда душа другим увлечена.

(Пер. Ю. Ряшенцева)

Здесь явно уже пробуждается то настроение, которое в приведенных выше строках более позднего стихотворения приобретает значение сформировавшейся концепции.

На сложном и запутанном пути исканий поэта — и это весьма характерно для его поэзии — он овладевал новыми выразительными формами, упорно сражался с поэтическим словом, стремился к покорению новых высот, однако главные качества его поэтического таланта оказались непоколебимыми, лишь все более совершенствуясь и развиваясь.

Все это проявилось в известном шедевре любовной лирики, «В Ананури» («Тамуне Церетели»), в котором выражается чувство, не лишенное ни любовной сублимации, ни утонченности переживаний, но усиленное заложенным в нем каким-то таинственным предчувствием ожидания рокового конца. Начинается стихотворение как бы нейтральной фразой:

Тебе здесь не бывать, но я упорно
Под Ананури помню образ твой...

Однако напряжение ее усиливается самостоятельной параллельной образной парой:

Тут Белая слилась Арагва с Черной,
Меня ж хотят разъединить с тобой.

К финалу стихотворения выясняется и то, что в данном случае географический адрес «Ананури» не является случайным упоминанием, а связан с грустью расставания, когда поэт, возможно, навсегда прощался со столь дорогим для него образом любимой:

Здесь тысячи погибли. Ананури
Тому свидетель. Потому пою
Здесь песню я о страсти и о буре,
И гибель я баюкаю свою.

(Пер. С. Спасского)

В оригинале даже сказано резче, трагичней: «Такова цена моего ремесла поэта, такова колыбельная моего самоубийства...»

Один из известных французских поэтов как-то заметил, что поэтов надо оценивать не только по тому признаку, от-

куда, из какого творческого направления они вышли, а по главному — тому, куда они в конце концов пришли.

Ценою нелегкой борьбы и исключительного напряжения душевных сил Тициан Табидзе сумел преодолеть все препятствия на своем пути и прийти к поэзии, которая прозвучала величайшей песней для его родного народа.

Тициан Табидзе вернулся к читателям не только как поэт, но и как интересный мыслитель, самобытный мастер художественной прозы. Об этом свидетельствует сборник его статей и очерков. Разумеется, как и стихотворные сборники, так и книга его статей не в состоянии охватить все многообразие творчества поэта (особенно огорчает, что не стали достоянием широкого читателя интересные в историческом аспекте статьи и декларации первого периода), однако и по ним можно представить себе широту его литературного мышления и изысканность художественного вкуса. Читатель имеет возможность оценить замечательные работы о творчестве классиков грузинской литературы, начиная от Давида Гурамишвили и Важа Пшавела и до Василия Барнова и Шии Арагвиспирели, статьи о корифеях русской литературы — Пушкине и Толстом, о дружбе закавказских народов, самозабвенными певцами которой были Саят-Нова, Ширванзаде и Ованес Туманян. Особый интерес вызывают также статьи об Андрее Белом и Владимире Маяковском. Впечатление от них усиливается тем обстоятельством, что автор был близко знаком с этими двумя столь отличными друг от друга по художественной природе замечательными представителями русской литературы XX столетия. Эти два портрета, написанные в мемуарном стиле, содержат достойный внимания и для русского литературоведения материал.

В свое время Т. Табидзе посвятил исключительно интересные статьи нашим выдающимся театральным деятелям — Александру Сумбаташвили, Захарии Палиашвили и другим. Эти статьи еще раз свидетельствуют о многосторонности интересов их автора. Если к этому добавить отмеченные искренней любовью строки, посвященные великому художнику из народа Нико Пиросмани и скульптору Якову Николадзе, то перед нами встанет образ человека, который постоянно находился в самой гуще культурной жизни своего народа, всем существом принадлежал грузинской литературе и искусству.

Особенное внимание уделял Тициан Табидзе творчеству Важа Пшавела, и это было не случайно. Тициана, несомнен-

216 19359 420
3122 0110333

но, многое сближало с этим великаном грузинской поэзии, однако эту близость отнюдь не следует понимать так, как одно время она понималась большинством грузинских символистов и в их числе самим Тицианом Табидзе. Известно, например, что теоретики «голубороговцев» приравнивали ясные и здоровые образы-символы Важа Пшавела к чисто декадентской символике, в которой мистическое неизменно предстает в качестве доминанты. Они считали, что Важа Пшавела как бы выпадает из магистральной линии развития всей грузинской литературы и предстает в качестве одного из истинных предшественников грузинского символизма. Несмотря на подобные высказывания Тициана Табидзе в ранний период по поводу генезиса грузинского символизма, он всей сутью своей поэзии во многих отношениях был родствен Важа Пшавела. Это стало особенно ясно после того, как он отошел от своих до конца так и не осмысленных творческих убеждений и стал следовать великим традициям, характеризовавшим магистральную линию развития грузинской литературы. Тициана и впрямь многое сближало с Важа Пшавела. Здесь особо следует отметить простоту и ясность средств поэтической выразительности и ту огромную непосредственность, которую оба поэта сделали основой своего творчества. Важа Пшавела говорил:

Я, как бык, вернувшийся с пастьбы,
Рогом землю рою, во всю мочь мычу.
Боже, дай моей отчизне радость,
Больше ничего я не хочу.

(Подстрочный перевод)

В этой простоте, лишенной каких бы то ни было украшательств, способных отвлечь от основного смысла, нельзя не почувствовать огромной энергии. Тициан Табидзе также владел секретом этой поэтической простоты. Вспомним хотя бы одно из самых известных его стихотворений «Не я пишу стихи...»

У него мы видим ту же огромную простоту и непосредственность, мужественную энергию стихотворной фразы, которая характеризовала всю поэзию Важа Пшавела. Однако, в то же самое время, стих Тициана Табидзе наделяется характерной только для него душевной трепетностью и взволнованностью, внутренним драматизмом. Именно близость к

творчеству Важа Пшавела, по моему убеждению, позволила Тициану Табидзе одним из первых в нашей новейшей литературе верно оценить масштаб и силу гения Важа.

Что касается портрета Нико Пиросманишвили, то это — воссозданный для потомков с огромным душевным сочувствием полнокровный образ великого грузинского народного художника, исполненный такой непосредственности и искренности, такого внутреннего волнения, что читатель как бы становится соучастником поразительной судьбы этого великолепного художника. Разумеется, этот портрет не является исключением. По справедливому замечанию критика Г. Маргвелашвили, статьи и очерки Тициана Табидзе при всем своем многообразии проникнуты единой устремленностью и поразительной внутренней цельностью, это единый мир, увиденный глазами писателя-патриота, полный драгоценных находок и открытий, которые дают обильную пищу даже академическому литературоведению, нацеливая его на покорение новых горизонтов.

Некоторые художественные очерки Тициана Табидзе представляют собой как бы непосредственное продолжение его поэтического творчества. Вместе с очерками других грузинских писателей того времени эти талантливые творения Т. Табидзе, несомненно, представляют определенный этап в истории грузинского очерка и могут служить образцом для современных мастеров этого жанра.

Перевел Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.

В огне боев черпали слово...

ПРЕЖДЕ всех прочих мыслей об этой примечательной книге, только что выпущенной в свет издательством «Сабчота Сакартвело»¹, на ум приходит емкая симоновская фраза: «Грянула война, и советские писатели оказались «мобилизованными и призванными» для самой гуманной и самой солдатской из миссий, не раз уже выпадавших на их долю. Пером и автоматом гвоздили они из армейского строя, в который поставила их Отчизна в час беды, проклятых гитлеровских нелюдей...»

В высшей степени знаменательно и символично, что одна из глав новой работы военного журналиста полковника А. В. Кирюхина, многие годы возглавлявшего окружную газету Краснознаменного Закавказского военного округа «Ленинское знамя», именно так и называется: «Пером и автоматом». В книге рассказывается, как в годы Великой Отечественной войны большая группа вид-

1 Александр Кирюхин. Славное это было товарищество. (Писатели-фронтовики в период битвы за Кавказ).

ных советских писателей — прозаиков, поэтов, публицистов, очеркистов — прикомандированных к газете Закавказского фронта «Боец РККА» (так в годы Великой Отечественной войны называлось «Ленинское знамя»), ярким словом, вдохновенным творчеством зажигала сердца советских воинов волей к победе над гитлеровскими захватчиками.

Автор подробно рассказывает о самоотверженной ратной работе писателей-фронтовиков, сплотившихся в замечательный воинский коллектив единомышленников, живший в те дни «одной, но пламенной страстью» — призывать бойцов и офицеров Закавказского фронта к самоотверженной борьбе с врагом, давать им духовные и нравственные силы и могучее патриотическое одушевление в правом деле защиты любимой Отчизны. Русские, грузинские, азербайджанские, армянские художники слова, призванные в час тревоги на воинскую службу и пришедшие в газету фронтовиков — закавказцев, составили подразделение, сразу же образно названное «писательским взводом». В его рядах были к штыку приравнявшие свои перья Ираклий Андроников и Иосиф Нонешвили, Семен Бабаевский и Вано Дарасели, Александр Попов и Элизбар Зедгинидзе, Виталий Закруткин и Эммануил Фейгин, Гурген Борян, Джафар Хандан, Екатерина Горбунова, многие другие известные в стране литераторы — профессионалы.

В книге А. Кирюхина наряду с главами, ярко

рассказывающими об эпизодах поистине огромной повседневной работы писателей-фронтовиков, делавших свое отважное дело буквально на переднем крае, в боевых порядках советских войск, особую ценность представляют, на наш взгляд, те страницы, которые рассказывают о «технологах» фронтовой работы солдат слова, о приемах их практической деятельности непосредственно под вражеским огнем. Эти разделы книги не только весьма поучительны, но и во многом представляют собою крупницы бесценного боевого писательского опыта. Ведь армейская жизнь сделала этих, еще вчера сугубо штатских людей закаленными в боях и походах витязями, бесстрашно шагавшими в крошечный ад самых яростных сражений. Многого в этом смысле слова стоят описания фактов незаурядного, истинно солдатского мужества писателей В. Закруткина, И. Андроникова, Э. Фейгина, других бесстрашных, добывавших истину о героях и подвигах там, где смерть косила беспощадно. Боевые ордена стали им наградой не только за талант ху-

дожников слова, но и за истинное мужество бойцов.

Да, отважно, хотя и так неброско делали свое первостепенное патриотическое дело закавказские побратимы замечательных писателей - фронтовиков Ильи Эренбурга и Константина Симонова. Одеты в полевые гимнастерки, офицеры - писатели в самой гуще боевой армейской жизни черпали материал для своих произведений. Пером и автоматом вместе со всеми добывали они победу в огне и дыму военных пожаров, среди снарядных разрывов, в короткие паузы между атаками и контратаками.

Книга Александра Кирюхина «Славное это было товарищество» будет с несомненным интересом прочитана всеми, в ком жив интерес к славной патриотической деятельности советских писателей-фронтовиков, непосредственно на линии огня черпавших кипучее призывное слово, дававшее нашим солдатам великое мужество, необоримость, святую веру в грядущую Победу над германским фашизмом.

Подполковник Владимир
АЛЕКСАНДРОВ

О чем молчала песня

«ПРОШЛОЕ погребено в земле, но мы живем на этой земле и слышим глухой гул

из ее недр... Это гудит прошлое, то и дело напоминающая нам о себе». Гул неперегоревших страстей сопровождает чтение книги, хриплый, как звук догорающего пожара. Биение недоживших и недолгоживших свое сердце...

Это очень напряженное

и грустное повествование, в котором все большое: люди, поступки, страсти... Только сцена, на которой все происходит, маленькая — затерянное в горах селение.

В науке, технике сейчас популярны идеи так называемого «математического моделирования». О нем много пишут, на него возлагаются надежды. Запрограммированные соответствующим образом вычислительные машины будут создавать в своих недрах незримые модели экономики, сложных механизмов, городского хозяйства, транспортных систем и даже... поведения человека. Наверно, знаменем времени является не только математическое, но и, если так можно выразиться, «художественное моделирование». Художник создает свою модель мира: «Феллини — «Репетицию оркестра», Маркес — Макондо, Айтматов — «Буранный полустанок»... Их много — художественных моделей, исследующих феномен человеческого существования — скрупулезнее и проникновеннее любого математического моделирования. Одну из моделей создал молодой грузинский прозаик Тамаз Бибилури.

Но сначала вспомним, что Грузия является уцелевшим осколком очень древнего Средиземноморского культурного мира. То был мир хеттосубаров, пелазгов, творцов догреческой культуры Крита и Микен... Сметенный в центре вихрями истории, он сохранился на окраинах Средиземноморья — крайнем Западе (Пириней) и крайнем Востоке (Кавказ). Этому древнему миру присуще особое отношение к языку, сохранившемуся вме-

сте с ним и сохранившему его. «Деда эна» — говорят грузины, «мать — родная речь!» У народа, несущего в себе наследие древности, на протяжении тысячелетий естественно вырабатывается особый культурный механизм, охраняющий это наследие. Важным элементом такого механизма в Грузии, по-видимому, является культура родной речи, родного языка. Этот язык необыкновенно богат, удивительно хорошо разработан лингвистически, обладает древней, органически связанной с ним письменностью, блещет яще отшлифованной в течение веков. Поэтому переводчик с грузинского, как никто иной, должен чувствовать грузинское слово, характер, быть может, древнейшего из живых непрерывно развивавшихся письменных языков. В этом отношении роману Тамаза Бибилури повезло — его переводил Ушанги Рижинашвили, который одинаково свободно ориентируется в стихии как грузинского, так и русского языков. Кроме того, оригинальная проза переводчика внутренней напряженностью и интонационно созвучна творчеству Тамаза Бибилури, что представляется несомненной удачей, хотя такое сочетание должно было бы быть нормой переводческой практики.

Старейшина традиционно автономного горского сообщества молодой Георгий Балиаури, герой романа Тамаза Бибилури. «Помоги! — сказал он», укрепляет свою власть, толкая селение на бесплодные войны с соседями, совершает преступления и безумства, предает свою любовь и потомство, добива-

ется непререкаемого авторитета, отгораживается от людей крепостными стенами и стражниками... Он погибает зачумленный, изгнанный вчерашними почитателями. «Помоги!» — сказал он своему отвергнутому в пору успеха другу юности.

Есть искушение воспринять это как еще одно произведение, в котором автор участвует в столь широко распространенных сейчас поисках «корней» или идет не менее широко практикуемый «нравственный поиск». В повести Т. Бибилури можно найти и то, и другое, но... в ней есть еще нечто, не всегда замечаемое иноязычным читателем. Грузинская литературная и народная традиция на протяжении веков выработала свой строй символов, которые необходимо знать, как строй символов классической музыки. Фамилия автора — Бибилури — таинственно перекликается с фамилией его героя — Балиаури. Для грузинского читателя эта перекличка имен — открытая книга: конечно, речь идет о Хевсурети, одном из самых романтических уголков страны, где мужчины, вернее мужи, еще в двадцатые годы нашего века носили у поясов мечи, изготовленные в XII веке в... Толедо, Генуе или в каком-либо из средневековых городов Германии. Здесь у горцев, особо сильны традиции, сюда, в горы, поднимаются не только за чистым воздухом, но и за чистотой слова, предания. Удивительный мир открывается читателю: селение, где каждая семья живет в своем укрепленном замке-башне. Это не стилизация. Та-

кие деревни — федерация родовых башен — и сейчас стоят в Хевсурети. Теперь в них почти нет жителей, и вместе с родовыми башнями пустеет, превращается в руины нечто большее, чем каменные стены, — память. И здесь — первая заслуга автора: он спасает из руин очень важную часть векового опыта поколений, обособленно живших в этих башнях-крепостях. Обособлено ли? Читатель вначале сшеломлен экзотикой, но автор в почти нереальном мираже этого горного мира показывает ему общечеловеческое, заставляет узнавать самого себя. Ибо «в одном маленьком селении сосредотачиваются (борения страстей всего подлунного мира; селение — сжатая в один кулак и уменьшенная вселенная — со своим людом и сборищами, мирским и духовным, с царем и придворными, возвышенными и униженными, добром и злом... Развяжи ему руки и ноги, развей страх малочисленности, надели его верой в себя, и оно, сжатое в один кулак и, на первый взгляд, крошечное, расширится, распространится... И когда я думаю о том крохотном селении, мнится мне, что думаю я обо всей вселенной».

Сюжет горских войн нов в грузинской литературе. Напротив, каждое новое поколение вспоминает об этих войнах. О них упоминается в древнейших книгах «Жития Картли», о них же — народные песни, баллады XIX века. Новое — в стремлении извлечь из сугубо местных событий общечеловеческий опыт.

Стремление к общечелове-

06.03.2020
09:07:00

ческому фундаментальному самовыражению присуще зрелой культуре в пору расцвета. Предание о манкуртах — предание небольшого кочевого племени — в пересказе Чингиза Айтматова становится предупреждением всему человечеству. Габриэль Гарсиа Маркес очень успешно вводит в общечеловеческий обиход локальные предания, исторический и жизненный опыт замкнутых экзотических общин. Таким образом, последняя четверть нашего века в литературе отмечена явлением, которое в общем можно обозначить как обогащение мировой культуры из нетрадиционных источников. Античные, библейские, индусские, буддистские, конфуцианские предания — классический фундамент письменной традиции — пополняются преданиями общин, ставшими именно сейчас, в век «информационного взрыва», общечеловеческим достоянием.

Но мы будем не правы, если в угоду наперед заданной концепции, в стремлении построить общую схему, начнем видеть сиюминутные литературные новации, модные тенденции там, где действуют более мощные и долговременные силы, истоки которых глубоко уходят в родную почву. Когда автор приводит фразы из песен, воспевающих войну, похищения, походы, — это нечто действительно идущее

из народных глубин, органически присущее изначально суровому миру горцев. «Идет войско! Войском предводительствует старейшина, а на коне предводителя, держась за его спину, съехала девушка. Войско поет, девушка плачет. Но войско видит — это слезы счастья...»

Итак, песни и баллады уже давно поведали миру о горских сообществах, войнах, набегах, «похищениях красавиц». Но Тамаз Библири описал то, о чем молчали песни. Он развенчивает романтику, которой издревле звенели баллады, романтику, вошедшую потом в «кавказские» романы большой литературы. Наверно, это должно было случиться. Сделал это писатель, чьи генетические корни — высоко в горах, в неприступных, суровых родовых башнях. Но именно поэтому он развенчивает и... венчает, как того требует модель не только сиюминутного большого мира, но и живущего несравненно дольше мира покинутых горных башен. Повинуясь древнему зову, он творит новую песню. Очень старая и знакомая картина сживает в конце романа: прекрасный юноша Георгий на почти крылатом коне сражает темную нечисть. «Он еще вернется», — говорят старики...

В. ПРОСТОСЕРДОВ

Лидия ЗЛАТКЕВИЧ

ЛАДО
ГУДИАШВИЛИ
ПРОТИВ
ФАШИЗМА

НЕ БЫЛО на земле зла более страшного, более чудовищного, чем фашизм с его человеконенавистнической идеологией, с его людоедской практикой, с его концлагерями, газовыми камерами, душегубками, крематориями для живых, с его выдрессированными злыми собаками, разрывающими в клочья людей, с его эсэсовскими палачами, еще более страшными, чем собаки, с его стремлением уничтожить, растоптать, испепелить создававшуюся веками человеческую культуру, законы морали, совести, чести. И когда двадцать второго июня 1941 года германский фашизм нанес свои первые удары по Стране Советов, в строй борцов против него встало все советское искусство. Встал в этот строй и Ладو Гудиашвили.

Он обрушил на фашизм кипевшие в нем гнев, ненависть, уничтожающий сарказм, показал его духовное ничтожество, моральное банкротство, полную внутреннюю пустоту и бессилие. Часто встречавшиеся в печати слова «звериный лик фашизма» обретают у Гудиашвили яркое образно-пластическое наполнение. Он изображает фашистов отвратительными животными, которые хотят казаться людьми:

притворяются поэтами, музыкантами, учеными. За их крошечными лбами нет места разуму, но они хотят завладеть человеческой мыслью, чтобы присвоить ее плоды, они похищают величайшие творения человеческого гения, надеясь приспособить их к своим низменным вкусам.

На 1942 год падает основное количество листов антифашистской графики Гудиашвили, хотя он не переставал создавать их и в последующие годы: ненависть к фашизму так бурлит и клокочет в художнике, что он и в послевоенное время вновь и вновь возвращается к теме фашизма. Однако горячее сердце, бурный темперамент художника не мешают ему сохранять холодную голову. Со скрупулезностью подлинного ученого Гудиашвили исследует явление, именуемое фашизмом.

Для изображения мира фашизма Л. Гудиашвили вырабатывает своеобразный художественный язык. Этот мир лишен красок, воздуха, света. На листах тонированной бумаги царят только голые геометрически правильные и четкие линии. Изредка художник подвечивает какую-нибудь деталь, говорящую о том, что и в этот мрачный, нечеловеческий мир пробивается жизнь, неподвластная фашизму.

Нельзя не восхищаться мастерством Гудиашвили-графика. Почти не пользуясь светотенью, одной только безукоризненно четкой, строгой и в то же время трепетной линией художник делает этот мир и его обитателей живыми и достоверными при всей их условности.

Одним из наиболее характерных для серии листов 1942 года является «Прицел обезьяны». На нем изображена голая, лишенная какой бы то ни было растительности или строений земля. До края горизонта бегут по ней в разных направлениях ряды металлических столбов, густо оплетенных колючей проволокой.

На переднем плане гора человеческих трупов, сверху огромная гаубица, на которой лежит мертвое тело прекрасной женщины — убитой красоты жизни, на ней сидит отвратительная обезьяна и целится из винтовки в птичку — символ жизни, которую фашизм еще не успел уничтожить на планете. И, заполняя собой полнеба, победно мчится большая птичья стая, неся на своих крыльях неистребимую, непобедимую жизнь.

Еще более страшен образ фашизма в листе «Ненасытный ворон войны». Здесь тоже голая, выжженная войной земля. Только несколько высохших, со спленинными верхушками,

толстых древесных стволов вздымают вверх голые обрублен-
ные сучья, как будто взывают к небу и молят о мщении. На
камне сидит огромный жирный ворон, а против него — чело-
веческий скелет с сохранившимися на нем солдатскими ремня-
ми и обрывками бинтов. Это все, что осталось на земле от че-
ловечества после развязанной фашизмом войны. Но из-под
камня пробивается чахлая травка — и она утверждает бес-
смертие жизни.

Художника волнует вопрос о судьбе культуры, искусства
под тяжелым кованым сапогом фашистов. Большой цикл ли-
стов посвящен этой теме.

Что может стать с искусством, какой может быть его
судьба под фашистским гнетом — этот вопрос глубоко вол-
нует художника, ему Гудиашвили посвятил множество работ.
В листе «Неуч-реставратор» к рембрандтовской Данае являет-
ся не Юпитер в виде золотого дождя (лист повторяет компо-
зицию рембрандтовской картины) — подставив лестницу, на
ее ложе поднимается большая обезьяна с длинным хвостом,
и на лице Данаи застыло выражение ужаса: сейчас обезьяна
перепишет заново творение великого мастера.

«Кто знает, как это им пригодится». — с горечью воск-
лицает художник, изображая, как обезьяны уносят связан-
ную статую Венеры Милосской и тидиановскую картину «Ве-
нера с зеркалом».

Похищают они и «Портрет инфанты» Веласкеса, который
тщетно пытается удержать свое творение («Нам это не кажет-
ся тяжелой ношей»).

Но кто в действительности знает, как это им пригодится?
Фашистам не нужна истинная красота, и они погребают ее, ли-
цемерно оплакивая («Могильщики красоты»). Вместо нее они
создают свой идеал красоты, изображенный на листе «Само-
довольная ханжа».

Художник ставит вопрос, может ли вообще при фашизме
существовать подлинное искусство.

На листе «Великодушие фашизма» показано, что сделал
фашизм с искусством. На пригорке стоит артиллерийское ору-
дие, на нем, развалившись, лежат солдаты, а у колеса сидит
человек с отрубленными руками и ногами. Обрубком руки он
придерживает гитару, лежащую у обрубков ног. Лицо его ис-
кажено, но рот открыт, видно, что он пытается петь. Возле него
в землю воткнут меч, в небе над ним мертвое солнце, уби-
тое вонзившейся в него стрелой. Если бы не знать точной да-
ты создания листа, можно было бы предположить, что здесь

изображен мученически погибший чилийский поэт и певец Виктор Хара.

Разоблачая фашизм, художник мыслит вечными категориями, он разоблачает зло во всех его аспектах, поэтому сюжеты цикла так легко проецируются как в прошлое, так и в будущее.

Той же теме, что и предыдущий, посвящен лист «Непреодолимая муза». Язык Гудиашвили, иногда затрудненный для прочтения, приобретает в этом листе кристальную прозрачность и ясность: искусство, связанное по рукам и ногам, не может существовать, оно гибнет.

Фашизм — душитель всякой свободной мысли, всякого проявления свободного человеческого духа — показан на листе «Проект памятника реакционной цензуре».

Предельно обобщены образы листа «Насильник». Они включают в себя черты двух противоборствующих и взаимоисключающих начал — фашизма и человеческой культуры. Но культура не может погибнуть. Эта мысль проводится в листе «Неопалимая поэма Шота». Не только фашисты — мракобесы всех времен боролись против бессмертной поэмы Шота Руставели. Вот и сейчас она брошена в огонь, но не подвластна пламени, от огня только ярче проступают строки.

И все-таки в самые тяжелые дни войны художника не покидала вера в силы народа, в конечную победу его над темными силами фашизма.

На листе «Тошнотворные годы», созданном в 1942 году, перед зрителем несколько жалких и уродливых мужских фигур с безобразными лицами, в лохмотьях и фашистских касках. Они скручены веревками и привязаны к обломкам высоких каменных плит, а перед жалкой кучкой уродов стоит женщина, держащая в руке огромный меч. Образ женщины необычайно емок. Она носительница всех скрытых сил человечества, воли к сопротивлению, к победе, к воскрешению всего того, что было растоптано фашизмом. Она воплощает в себе справедливый гнев человечества, неизбежность расплаты фашизма за все его злодеяния. Это совесть человечества, карающая Немезида, которая сейчас занесет свой меч над головами обреченных фашистов. Лицо ее бесстрастно, глаза завязаны. Здесь не может быть места жалости, сомнению. Справедливый приговор произнесен, и он будет приведен в исполнение.

Победоносное окончание Великой Отечественной войны вызвало к жизни ряд великолепных живописных полотен Гу-

диашвили, в которых он прославляет великую победу («Достойный ответ», 1945), вдохновенный труд советских людей («Возвращение колхозной бригады», 1946; «Конец виноградного сбора», 1947; «Сбор фруктов», 1947; «Бригада на чайной плантации», 1951 и др.), любит красота человека труда («Колхозные девушки», 1963; «Сборщицы чая», 1964 и др.). Однако политическая обстановка в мире снова вызывает тревогу художника. Фашизм побежден, но не побеждены темные силы, являющиеся для него питательной средой. Еще не успели отгреметь залпы советских орудий на улицах Берлина, а в кабинетах Белого дома и Уайтхолла уже вынашивались зловещие планы войны против первой в мире страны социализма. Пятидесятые годы отмечены разгоревшейся «холодной» войной США против СССР. Гудиашвили, художник необычайно чуткий ко всему, что происходит в мире, не может не откликнуться на опасность, которая, усиливаясь с каждым годом, продолжает грозить человечеству. Он снова обращается к графике, к тому языку, который он выработал в годы войны, языку, обладавшему необычайной силой выразительности. Этот язык снова служит ему в борьбе с поднимающимися головами наследниками фашизма. Большой цикл графических листов, продолжающих тему фашизма, надевшего теперь маску демократии, падает на 1955 год.

В листе «Юбилей Мальтуса» показано чествование Мальтуса, вдохновившего своей антигуманной теорией об избытке человечества на земле кровавые злодеяния фашизма. У Мальтуса выражение блаженства на лице. Уродливые полулюди-полуживотные окружают его. Один подносит ему человеческий череп — результат претворения в жизнь его теории. Другой — крошечную девочку, бессмысленно радующуюся жизни: она еще не знает, что ее ждет. Третий — живую мышшь. Здесь показан конечный результат деятельности наследников фашизма — гибель человечества. Звериным мордам и лицам последователей Мальтуса художник придал самые различные выражения: тут и подобострастие, и умиление, и тупое равнодушие. Нет только одного — умения мыслить.

Фашизм — или неофашизм (что по сути одно и то же) — грозит человечеству физическим и моральным вырождением.

Как и в предшествующее десятилетие, в 50-е годы художника волнует вопрос о культуре человечества, об искусстве, о свободной человеческой мысли, против которой всегда боролись мракобесы. Будучи врагами всякого проявления че-

ловческого духа, наследники фашизма стремятся проникнуть в истоки человеческой мысли, чтобы задушить ее в зародыше

В листе «Выворачивание мозгов» изображена огромная человеческая голова со снятой верхушкой черепа. Крошечные хвостатые полулюди-полуобезьяны забрались в обнажившийся мозг и роются в нем, пытаются понять, откуда берется мысль, создавшая все духовные ценности, всю культуру человечества. С презрением смотрит на них искаженное лицо. Образ, возникающий здесь, очень сложен. События современности переплетаются в памяти художника с событиями военных лет, с сообщениями в печати о зверских пытках, применявшихся фашистами к их жертвам, об их жестокой борьбе со всяким инакомыслием, но и этим не исчерпывается суть образа. Он обладает огромной обобщающей силой. В нем воплотились страдания всех народов, измученных войной, оплакивающих гибель своих сыновей и дочерей и все-таки с презрением глядящих на жалких людишек, пытающихся повернуть историю вспять.

Растущее обострение политической обстановки в мире вызывает размышление художника о роли искусства в жизни человечества, о его способности помочь людям определить свое место в разворачивающейся борьбе, и ему кажется, что уроки борьбы с фашизмом могут быть полезными и в 50-е годы.

О судьбе фашизма напоминает художник всем, кто хотел бы забыть о ней, в листе «Пересол». На нем показана огромная толпа. Два человека из нее сильными удлинившимися руками высоко поднимают и отбрасывают прочь раскрывшийся гроб, из которого сыплются лавровые венки и, приподнимаясь, выглядывает жалкая, перепуганная обезьяна.

В 60-е — 70-е годы международный империализм все более обнаруживает свое кровное родство с фашизмом. Блестящие успехи науки и техники, покорение космоса соседствуют с пробуждением и активизацией темных сил мира, с развязыванием новых войн, с совершенствованием ядерного оружия, угрожающего в руках современных каннибалов самому существованию человечества.

На все эти события Гудиашвили откликается свежо, ярко, по-новому, вырабатывая своеобразный художественный язык, отличающийся от языка графики 40-х — 50-х годов, когда художник отказался от цвета и создавал монохромные графические листы.

В эти годы, наряду с живописью, он обращается иногда

к гуаши, когда чувствует потребность быстро, оперативно отразить события, происходящие в мире.

В 1963 году появляется гуашь «После боя». Два быка остановились на самом краю пропасти. На спине одного в полном изнеможении лежит юноша, на спине другого — лев. Положив голову на тело юноши, он согревает его своим теплом. Лев всегда символизирует у Гудиашвили искусство или художника. Здесь лев — это искусство. Долг искусства — сражаться вместе с человечеством за жизнь на земле. Человечество не может погибнуть — таков оптимистический вывод художника. Измученное, израненное, оно все-таки остановится перед пропастью, до которой доведет его ядерное безумие.

В гуаши «Затмение солнца» (1964) изображена женщина на фоне причудливого космического пейзажа. На половину ее лица и на руки падает зловещая тень, над головой распускается атомный гриб. Женщина задумчиво смотрит на яблоко — аллегорическое изображение земного шара, — которое она держит в руке. Образ женщины — это образ самой жизни с ее единством противоположностей, в ней воплощены два борющихся начала: добро и зло, свет и мрак. Земной шар — яблоко — тоже окрашен в два цвета.

На фашистский переворот в Чили в сентябре 1973 г. Гудиашвили откликается большим живописным полотном «Переселение» (1974). Через дремучий лес в сопровождении хитрого, притворившегося другом зверя пробирается молодая женщина с двумя крошечными детьми, за ними маленькая лань — символ красоты, добра, духовности жизни. Сквозь ветви деревьев отовсюду сверкают жадные звериные глаза. А над головами детей занесена обнаженная сабля всадника, по пятам следующего за ними. Смертельная опасность нависла над человечеством, над всем живым. Это картина-предупреждение, картина-завещание, ее резкие краски звучат как набат.

Последний раз к теме фашизма Гудиашвили обращается в 1979 году, незадолго до смерти, создав графический лист «Концертом дирижирует обезьяна», снова поднимающий проблему взаимоотношений фашизма и искусства.

20 июля 1980 г. художник скончался. 8 апреля 1982 г. Международный астрономический союз присвоил его имя малой планете, открытой Рихардом Вестом.

Теперь планета Ладос Гудиашвили несется в космических просторах, и нам кажется, мы слышим обращенный к нам живой голос художника: «Люди! Берегите жизнь на земле!».

ЕЩЕ до Великой Отечественной войны советским людям были широко известны патриотические произведения композитора Юрия Александровича Шапорина, особенно его симфония - кантата «На поле Куликовом». За нее автору в 1941 году была присуждена Государственная премия СССР. Тогда же Юрий Александрович с большим интересом ознакомился с достижениями в развитии музыкального искусства народов СССР, в частности Грузии. Он радовался тому, что лучшие произведения грузинских композиторов становятся достоянием всего советского народа. В 1939 году, в связи с исполнением оперы З. Палиашвили «Абесалом и Этери» на сцене Большого театра СССР, Юрий Александрович писал: «...постановка оперы «Абесалом и Этери» — большое, глубоко отрадное и нужное явление. Свежесть и благородство музыкального языка оперы, новизна сценических образов, богатый вокальный материал — неоценимая находка для певцов, а через их посредство и для слушателей... И потому театр заслужил самую глубокую признательность. Более того, включив в репертуар композитора братской республики, театр становится отныне театром народов СССР»¹.

Иван ДАВЫДОВ

**ОДИН ГОД
В ЖИЗНИ
Ю. А. ШАПОРИНА**

¹ Архив ЦГАЛИ, ф. 2642.

Ю. А. Шапорин, эвакуированный в начале войны в Тбилиси, жил и работал вместе с грузинскими коллегами. Он подчинил свою творческую деятельность созданию произведений, посвященных героической борьбе народов Советского Союза против фашистских захватчиков. Рассказывая о своей работе в то время, композитор говорил:

«Если бы я был молодым, я, конечно, пошел бы на фронт воевать как солдат. Но так как годы мои этого уже не позволяли, я во время острых военных событий, веря в окончательную победу над врагом, решил создать музыку, написать оптимистическое произведение о победе над темными силами фашизма»².

Таким произведением явилась его оратория «Сказание о битве за русскую землю». Работая над ней, композитор сам подбирал текст, используя для этого и старинные народные песни, и стихи советских поэтов (К. Симонова, А. Суркова и других). К отбору текста он относился с большой требовательностью, подыскивая наиболее яркое, глубокое и выразительное, характерное для сурового времени борьбы с ненавистным врагом, отвечающее эпическому замыслу сочинения.

Напомним, что оратория состоит из эпизодов, показывающих сначала созидательную мирную жизнь советского народа («Весенний день»), затем нашествие врага, принесшего на захваченные земли гнет и разорение («Плач женщин»). Ненависть к оккупантам ярко выражается в эпизоде «Слово старика», где слышен призывный голос патриота:

Не надо слез! Не время для печали!
Суровый гнет над миром бьет в набат.
Сыны России за Отчизну встали,
На правый бой уходит стар и млад!

В ряде эпизодов показывается мужество наших воинов и партизан в битве с фашистами, славятся отважные сыны и дочери, не пощадившие своей жизни во имя Родины. Заключительный эпизод «Возвращение весны» говорит о победе над врагом.

Академик Б. В. Асафьев, отмечая высокие достоинства оратории, подчеркивал, что в ней «...пробиваются новые голоса нашей эпохи, звенящие живой песенностью, интонации которой рождены нашей современностью. Эта песенность и есть та речь, «от сердца к сердцу», которой излагается эпически-величавое и в то же

² «Ю. А. Шапорин», Т., 1964, стр. 259.

время лирически-проникновенное «сказание», глубоко симфоничное по своим художественным обобщениям»³.

«Сказание о битве за русскую землю» явилось одним из лучших произведений, написанных советскими композиторами за период войны. Оно отмечено Государственной премией СССР.

Одновременно с сочинением оратории Юрий Александрович активно участвовал в общественной и творческой жизни Грузии.

Весной 1942 года при Тбилисском Доме Красной Армии был организован ансамбль песни и пляски Закавказского военного округа, художественным руководителем которого стал Ю. А. Шапорин. За короткое время ансамбль обогатился содержательным репертуаром и успешно выступал в воинских частях и госпиталях. Для красноармейского ансамбля Юрий Александрович написал четыре песни: «Соловей-соловушка», «Рассказ конногвардейца», «Сыны грузинского народа» и «Казачья песня». Эти произведения вскоре стали любимыми песнями фронтовиков.

Вокруг ансамбля песни и пляски Ю. А. Шапорин объединил сильный творческий коллектив из числа видных композиторов Кавказа. При выступлениях наряду с песнями и танцами исполнялись отрывки из патриотических опер композиторов. Ансамбль стал пропагандистом лучших произведений национального искусства, воспитывал слушателей в духе дружбы народов.

В одном из отзывов о концертах ансамбля песни и пляски в Азербайджане, опубликованном в газете «Бакинский рабочий» (13 апреля 1943 г.), говорилось: «В звучании песен Александрова, Шапорина, Соловьева-Седого, Гаджибекова, Баланчивадзе чувствуется боевая поступь фронтовиков, их мужество и воля, патриотический дух воинов...»

Юрий Александрович, знакомясь с творчеством грузинских композиторов, обратил особое внимание на произведения, созданные ими на основе музыкального фольклора своего народа. Выступая в 1943 году на Всесоюзном совещании о песне Великой Отечественной войны, Шапорин сказал:

«В бытность мою в Грузии я слышал массовые песни композиторов Парагейшвили, Чхиквадзе и некоторых других, которые написаны в духе грузинской народной песни. Они весьма выгодно отличаются от их же песен, которые написаны ими на манер наших массовых песен. Я за то, чтобы больше использовать народную музыку, «пить» из этих родников, они обогатят творческую палитру композиторов-песенников»⁴.

³ Б. В. Асафьев. Избранные труды, 1967, т. V, стр. 58.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 2642.

Для повышения квалификации педагогов-музыкантов в Тбилиси проводились лекции, с которыми выступали московские композиторы, в том числе и Ю. Шапорин. Молодые музыканты также получали от них квалифицированные консультации.

Тогда начинающий, а ныне один из видных композиторов Грузии Р. К. Габичвадзе с чувством благодарности писал в 1944 году Ю. А. Шапорину: «С большим уважением вспоминаю наши занятия-консультации и чувствую, что они мне много дали. За Ваше отсутствие написал ряд вещей: несколько романсов, песен, сюиту и симфоническую поэму «Гамэрдэли», над которой я еще при Вас начал работать»⁵.

Ю. А. Шапорин охотно участвовал и в пропаганде лучших произведений советских композиторов. В июле 1942 года, когда враг рвался на Кавказ, в Ереване состоялось исполнение Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича.

«Симфония, — писал Ю. Шапорин 12 июля в республиканской газете Армении «Коммунист», — родилась в огне и буре величественной защиты Ленинграда — города, близкого сердцу каждого гражданина нашей Родины...

Исполнение 7-й симфонии Шостаковича в Армении — дело большой культурной и политической важности. Этим показом еще раз в дни тяжелых испытаний закреплены узы духовного родства армянского народа с русским народом, с русской культурой».

Эта симфония исполнялась также для бойцов и командиров, которые отправлялись на защиту Кавказа.

В соавторстве с А. Баланчивадзе Ю. Шапорин написал музыку к кинофильму Грузинской киностудии «Неуловимый Ян». В этой же картине он снимался в роли немецкого офицера.

Юрий Александрович в Грузии продолжал работать и над своей оперой «Декабристы». Она была включена в репертуарный план Тбилисского театра оперы и балета. Но в связи с выездом Ю. А. Шапорина из Грузии осенью 1942 года театр не мог осуществить постановку, т. к. автор еще не завершил сочинение⁶.

Всего лишь год жил Ю. А. Шапорин на Кавказе. Этот период, как видим, был насыщен большой и напряженной работой композитора. Созданные им произведения обогатили сокровищницу советского музыкального искусства. Они явились убедительным подтверждением огромного роста творческого мастерства самого композитора, крупным шагом к сочинению в послевоенный период но-

⁵ Архив Центрального музея музыкальной культуры, ф. 222.

⁶ Архив Тбилисского театра оперы и балета им. З. Палиашвили, инв. 70.

вых замечательных произведений. В их числе кантата о борьбе за мир «Доколе коршуну кружить» и опера «Декабристы», поставленная Большим театром СССР. Все эти творения поставили народного артиста СССР Ю. А. Шапорина в ряды выдающихся деятелей музыкального искусства нашей страны.

Пребывание Ю. А. Шапорина на Кавказе характеризуется его тесными творческими связями с композиторами братских республик, взаимным обменом опытом и творческим содружеством. Эта благородная миссия композитора содействовала дальнейшему развитию духовных связей культуры русского народа и народов многонационального Кавказа, укреплению их дружбы и единства в борьбе с общим ненавистным врагом — фашизмом.

За плодотворную деятельность в помощь фронту Ю. А. Шапорин достойно был награжден медалью «За оборону Кавказа».

В последующие годы он не прерывал связи с Кавказом, внимательно следил за развитием музыки в кавказских республиках, за ростом кадров музыкантов.

В 1958 году Юрий Александрович присутствовал на концерте грузинской музыки в Москве. Он радовался творческим успехам музыкантов братской республики. Тогда Ю. А. Шапорин, выступая перед участниками концерта, отметил, что их музыкальная культура за послевоенные годы обогатила советскую музыку целым рядом значительных произведений.

«Мне приятно в новогодний день приветствовать грузинских музыкантов, — сказал композитор. — Многие из них являются моими друзьями, и я всегда с благодарностью вспоминаю время, проведенное мною в годы войны в Тбилиси, и ту заботу, которую проявили обо мне и моей семье грузинские товарищи»⁷.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 2642.

-
- ◆ ДОКУМЕНТЫ

 - ◆ ПИСЬМА

 - ◆ ВОСПОМИНАНИЯ

Михаил БУЯНОВ

ЖЕНА ГЕНЕРАЛА БАГРАТИОНА

НАД бескрайним Бородинским полем, гулял ветер и носились жаркие волны. Толпы туристов передвигались от одного памятника к другому: постоят возле одного из них, послушают экскурсовода и — далее. Но около памятника Петру Багратиону задержались больше обычного. Видно, уж очень увлеченно рассказывала экскурсовод об этом героическом Отечественной войны 1812 года.

— Багратиона ранило во время Бородинского сражения. Ранение было, казалось, не очень тяжелое: всего-навсего в правую ногу. Генерала отвезли в Москву, затем к одному из его родственников по матери — князю Борису Голицыну. Тот жил в селе Семы Владимирской губернии. Когда Багратион узнал о вступлении наполеоновских войск в Москву, он очень расстроился, после этого болезнь приняла злокачественное течение. Через 17 дней после ранения — 12 сентября 1812 года — Багратион скончался. В 1815 году лечивший его врач Яков Иванович Говоров опубликовал книгу, в которой подробно рассказывал о последних днях своего пациента...

— Отчего же умер полководец?

— Сейчас эту болезнь на-

зывают гангреной. В наши дни от гангрены мало кто погибает, сейчас бы Багратиона спасли.

Похоронили Багратиона в Симах, но в 1839 году 25-летию победы над Наполеоном его прах был перевезен сюда и погребен в присутствии Николая I. Командовать переносом должен был Денис Давыдов — многолетний адъютант Багратиона, но накануне перезахоронения он скончался.

После смерти в личных вещах Багратиона, которые он постоянно возил с собою, нашли две записки к нему сестры Александра I — великой княгини Екатерины Павловны и четыре миниатюрных портрета: императрицы Марии Федоровны, ее дочери — великой княгини Екатерины Павловны, Суворова и Екатерины Павловны Скавронской.

— Кто они, эти обе Екатерины Павловны? Чем были дороги Багратиону? Да и была ли вообще у Багратиона жена или женщины, которых он любил?

— Не все ли равно! — перебил любознательную туристку ее спутник. — Багратион знаменит и без всяких женщин, и нечего копать в его жизни...

— Нет, уж постойте, — настаивала туристка. — Я, например, живу в Грузии, где очень чтят своего земляка, и даже там не знают ничего о личной жизни великого полководца. Все, что касается Багратиона, пусть даже мелочи, нужно знать и изучать хотя бы для того, чтобы не было нелепых слухов и глупых сплетен.

— К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос, — сказала экскурсовод. — Я даже ничего не знаю о том, была ли у него жена, как они жили, были ли дети...

Туристы отправились дальше, а я еще долго стоял возле могилы Багратиона. Я знал, что Багратион — знаменитый полководец, но что он был за человек, с кем сводила его судьба, с кем дружил, кого любил, как к нему относились окружающие — это все мне было неизвестно. Вернувшись в Москву, я принялся изучать документы о жизни Багратиона и его эпохе.

И вот что я узнал.

Петр Иванович Багратион был удивительным самородком, человеком не только выдающимся по талантам, но и по благородству и великодушию. Он был болезненно скромн, непричастен к интригам, безразличен к проискам придворных группировок, со всеми уживался. Не пил, не волочился за придворными дамами. Вел почти аскетический образ жизни, но отличался невероятным гостеприимством, лю-

бил гостей и ради того, чтобы повеселить их, влезал в долги. Он хорошо рисовал, был одарен и литературно. И тут следует не забывать, что Багратион был фактически самоучка — он не получил систематического образования, всего достиг своим умом и опытом. К тому же он всегда был беден.

Рыцарские качества Багратиона неизменно привлекали к нему женщин, но он был в отношениях с ними достаточно сдержан.

В 1808 году 18-летняя сестра Александра I и, соответственно, Николая I Екатерина Павловна влюбилась в 43-летнего Багратиона. Из-за династических соображений ее срочно выдали замуж за ее двоюродного брата принца Ольденбургского, а Багратиона в 1809 году отправили командовать войсками в Молдавию. Видимо, между Екатериной Павловной и Багратионом действительно были близкие отношения: до последних дней своих он хранил ее портрет. Прожила она всего лишь 31 год, фактически не успев полностью раскрыться как личность. Ее судьба была несчастливой. В год, когда умер Багратион, она овдовела. В 1816 году ее вновь выдали замуж — на сей раз за короля Вюртембергского. Через три года Екатерина Павловна скончалась. Детей у нее не было. Кто знает, как сложилась бы ее жизнь и жизнь Багратиона, если бы эти влюбленные соединили свои судьбы!

Ко времени романа с Екатериной Павловной Багратион уже был женат. И тоже на Екатерине Павловне. Только Скавронской. Брак этот был случаен, несчастен и хорошо отражал те нравы, которые царили в короткую эпоху царствования Павла I. Павел I, изображавший из себя рыцаря на российском троне, часто вмешивался в интимные дела придворных, нанося людям раны, коверкая их жизнь. Так случилось и с Багратионом¹.

Летом 1800 года Багратион находился в царской рези-

¹ Н. Я. Эйдельман («Грань веков», М., 1982) показал, что так называемое рыцарство Павла I было всего-навсего проявлением борьбы с якобинством, а не системой отношений с людьми. Мня себя рыцарем, император постоянно совершал поступки, не укладывавшиеся в представления о нормальной психике, и тем более о государственном подходе. В этом отношении фактически насильственная женитьба Багратиона очень типична для поведения российского императора. По сравнению с другими нелепостями, совершенными Павлом I, она, правда, не считается уж слишком бросающимся в глаза прегрешением царя.

денции — Гатчине. На великосветских балах ему неожиданно стала уделять внимание 18-летняя графиня Екатерина Павловна Скавронская. Видя, что Багратион робеет, Скавронская сама подошла к князю и сказала ему, что не к лицу храброму генералу избегать слабую женщину. Дерзкая, эгоистичная, всегда думавшая лишь об удовлетворении своих капризов, избалованная и взбалмошная Скавронская, видимо, хотела разыграть Багратиона. Отвечал ли он ей взаимностью или нет, точно не известно, но ясно, что Багратиону нравилось, что на него, много испытавшего война, поглядывает юная красавица. Он пробовал с ней объясниться, но Скавронская заявила, что не любит его, за него не выйдет и вообще не хочет иметь с ним иных отношений, кроме сугубо официальных. Неизвестно, как бы дальше развивались события, если бы на беду не вмешался Павел I. Ему стало известно, что между Скавронской и Багратионом возникли какие-то отношения, и он решил срочно женить старого холостяка на знатной красавице. Ничего не подозревавшей Скавронской с матерью и Багратиону он приказал срочно прибыть во дворец, причем Скавронской быть в подвенечном платье. 2 сентября 1800 года в придворной церкви Гатчинского дворца состоялось венчание. Посаженным отцом был генерал-прокурор П. X. Обольянинов, а посаженной матерью — статс-дама А. И. Кутайсова — жена всеильного павловского брэдоброя.

Свадьба была скромной и в общем безрадостной.

Итак, Екатерина Скавронская, всю жизнь отличавшаяся вздорным характером, стала женой нелюбимого ею Багратиона. С самого начала брак был несчастлив. Фактически супруги жили врозь, а если и встречались, то для того, чтобы Багратион оплатил очередные долги супруги. Была она расточительна, а Багратион беден, денег у него никогда не было, приходилось влезать в долги. О детях эти псевдосупруги и не помышляли. В 1803 году Скавронская уехала в Неаполь, потом переселилась в Дрезден, затем в Вену, сошлась с Меттернихом, родила от него дочь — в будущем жену датского графа Блома, в Россию больше не возвратилась, в 40-х годах вышла замуж за английского генерала Карадока (позже лорда Гоудена), разошлась и с ним, скончалась 21 мая 1857 года.

Вроде бы больше о Скавронской и не стоит говорить. Ведь можно подумать, будто она интересна лишь тем, что была женой знаменитого полководца да любовницей нескольких известных в свое время людей.

Всякое общество имеет свою нравственную и эстетическую атмосферу. Жена Багратиона была одной из женщин, способствовавших созданию определенной атмосферы, в которой доминировали идеи вольнодумия. Скавронская была до конца своих дней яркой противницей Наполеона и созданной им абсолютистской монархии. Даже покинув Россию, она оставалась патриоткой своей родины. Фактически давно перестав быть женой Багратиона, она до самой смерти продолжала носить его имя (даже после замужества за генералом Карадокком), восхищалась им как выдающимся полководцем, проявляла всегда интерес к Грузии.

Как и что рассказывала Екатерина Павловна о родине своего бывшего супруга, как воспринимались эти рассказы космополитическим кругом ее знакомых, мы доподлинно, конечно, не знаем. Ясно одно: носительница экзотической для большинства европейцев фамилии Багратион, жена популярного русского генерала, о котором в свое время регулярно сообщала пресса разных стран, не могла не обратить внимание своих слушателей, поклонников и просто современников на факт существования Грузии. Ведь в те годы в Европе почти не было грузин, да к тому же с царской фамилией. А если они и были, то наверняка вели себя куда более скромно, незаметно, нежели бесшабашная Екатерина Павловна.

Все это заставляет обратить внимание на Скавронскую не просто как на недолгую супругу Багратиона, а как на заметную и по-своему привлекательную фигуру своего времени, хотя фигуру куда менее значительную, нежели, допустим, мадам де Сталь или Жорж Санд. Без Скавронской, безусловно, можно представить культурную жизнь Европы первой половины XIX столетия, но благодаря ей эта жизнь выглядела более красочной и яркой. Она связывала собою представителей разных стран и эпох, она была мостом между различными поколениями и культурами. К тому же ее необычное происхождение, ее родственные связи с государственными деятелями и деятелями культуры России делают ее личность заслуживающей внимания независимо от ее взаимоотношений с генералом Багратионом.

Находясь в Тбилиси, я посетил Государственный музей искусств Грузинской ССР. В одном из его залов висит портрет кисти неизвестного художника, изобразившего даму екатерининских времен. Под портретом надпись «Графиня Скавронская».

— Неужели это жена Багратиона? — спросил я сопро-

вождавшую меня сотрудницу музея Нонну Анастасьевну Элизбарашвили.

— Нет, это ее дальняя родственница.

Нонна Анастасьевна перевернула портрет, и на тыльной стороне его обнаружилась надпись на немецком языке: «Екатерина, графиня Скавронская, родилась 14 ноября 1721 года, умерла в 1767 году. Статс-дама российской императрицы Елизаветы I, сестра графа Карла Скавронского, брата императрицы Екатерины I, и жена барона Николауса Корфа».

— Что же касается портрета жены Багратиона, — продолжил разговор директор музея Тамаз Саникидзе, — то он существует, создал его великий русский портретист Владимир Лукич Боровиковский. Сам портрет и пояснительный текст к нему вы можете найти в первом томе книги Н. М. Романова «Русские портреты XVIII и XIX столетия», вышедшем в 1905 году.

В Москве в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина я разыскал эту монографию. Автором ее был один из бесчисленных Романовых великий князь Николай Михайлович (1859—1919), председатель Русского исторического общества. Н. М. Романов опубликовал множество работ по истории своего отечества, которые и по сей день являются сводом любопытнейших сведений, документов, справок — бесценных для специалистов-историков и любознательных дилетантов.

В указанной книге, а также в «Русском биографическом словаре» (том 18, стр. 525—534, Спб., 1904 г.), в исследовании «Люди Екатерининского времени. Справочная книга к царствованию Екатерины II» (Спб., 1882, стр. 491), в «Словаре достопамятных людей русской земли, содержащем в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории, составленном Д. Бантыш-Каменским» (М., 1886), а также из других работ я узнал много любопытного и о героине нашего очерка, и о людях, ее окружавших.

Род жены Багратиона неожиданно всплыл из небытия в начале XVIII века и примерно через сто лет угас, оставив после себя много тайн и романтических легенд.

6 марта 1711 года¹ Петр I повенчался с Мартой Скавронской (1684—1727). К этому времени царь уже около 8 лет жил с этой женщиной, имел от нее двух дочерей. Неодушевленный и крутой нравом Петр I очень любил Марту, прощал ей все, что не простил бы никому. Он хорошо знал, что до него Марта жила с Меншиковым, до того с Шереметевым, еще раньше была наложницей какого-то унтер-офицера, а до этого то ли прачкой, то ли девкой в солдатском борделе. В юности Марта прислуживала в доме рижского пастора Глюка, но когда супруга пастора заметила, что ее муженек заглядывается на служанку, она выгнала ее из дому. Источники указывают, что Марта отличалась богатырской силой, могла перебороть и перепить самого могучего мужчину.

За несколько лет до женитьбы на Марте царь заставил ее принять православие. Ей дали имя Екатерина, а отчество Алексеевна — по имени ее крестного отца, сына Петра.

Авторы «Русского биографического словаря» утверждают, что отцом Екатерины Алексеевны был швед Иоани Рабе, квартирмейстер шведской армии, а матерью — лифляндка или немка. Впрочем, существуют и другие версии.

У Екатерины были две сестры и два брата, причем неясно, были ли они родными, сводными или вообще никакого отношения по крови к будущей русской императрице не имели. Откуда пошла фамилия Скавронских, тоже неизвестно. Существует предположение о том, что начав жить с Екатериной как с женой, царь приказал присвоить ей и ее братьям и сестрам эту фамилию — дескать, его фактическая жена является польской дворянкой.

Рассказывают, что когда Екатерина была с царем в Риге и посетила одну из церквей, к ней подошла старушка, одетая чуть ли не в рубище. Вместе с ней были ее дети. Старушка обратилась к всемогущей императрице на немецком языке. Это была мать Екатерины. Бывшая Марта Скавронская стыдилась своих бедных, неграмотных родных, но царь проявил благородство, дал ее братьям Карлу и Федору графское достоинство (официально это случилось уже после его смерти), признал

¹ В выпущенной издательством «Молодая гвардия» (серия «Жизнь замечательных людей») обстоятельной монографии Н. Павленко «Петр Первый» (1975) указывается иная дата — ровно на год позже (стр. 382), хотя по тексту видно, что царь женился именно 6 марта 1711 года. Да и во всех остальных источниках указывается приводимая нами дата.

них своими шуринами, привез в Петербург. Придворные поначалу побаивались родственников Екатерины, думая, что те будут играть значительную роль в государственных делах. Потом они успокоились: родственники Екатерины оказались простыми людьми, равнодушными к политике и придворной жизни. К тому же они хорошо представляли причины своего неожиданного возвышения и, как говорится, знали свое место.

У графа Карла Скавронского было два сына и три дочери — в последующих поколениях детей было все меньше, а потом его род и вовсе пресекся. То же случилось и со всеми остальными Скавронскими.

Внук Карла Скавронского — Павел Мартынович (1757—1793) — почти всю свою жизнь прожил в Неаполе. «Был он великий чудак, никакая земля не нравилась ему, кроме Италии, всему предпочитал он музыку»¹. Последние 8 лет своей короткой жизни (он прожил всего лишь 36 лет) Павел Мартынович был российским послом в Неаполе.

«Отдавая приказания слугам, он пел их под аккомпанемент оркестра. Слуги должны были отвечать речитативом. Во время обедов, обслуживая хозяина и его многочисленных гостей, они составляли дуэты, трио, квартеты и другие вокальные ансамбли»². Павел Мартынович был немного не в себе, как сказали бы сейчас. Его посольский особняк был притчей во языцех. Над русским послом потешался весь Неаполь.

В 1781 году этого не от мира сего графа женили. Его супругой оказалась одна из пяти сестер Энгельгардт — Екатерина Васильевна (1761—1829), многолетняя любовница своего дяди всеявного временщика Г. А. Потемкина. Потемкин, видимо, решил прикрыть свою греховную связь и выдал племянницу за ничего не подозревавшего П. М. Скавронского. Жена осталась в Петербурге, а муж отправился в любимую Италию. От кого родились две дочери — Екатерина и Мария — толком не известно, но они числились за своим формальным отцом. Известно, что одним из многолетних возлюбленных супруги Павла Скавронского был обрусевший грузин князь Павел Дмитриевич Цицианов. Тот никогда не бывал в Грузии и сызмальства служил в Петербурге: то командиром гренадерского полка, то в канцелярии государственного совета, то в других местах. Цицианов любил Екатерину Ва-

¹ Русский биографический словарь, том 18, 1904, стр. 532 — 533.

² В. К. Грибанов. Багратион в Петербурге. Л., 1979, стр. 65.

сильевну. Когда та была уже женой графа Литты, князь Цицианов отправился в Тифлис в качестве главнокомандующего русскими войсками и главноуправляющим Грузией. В 1806 году при взятии Баку он был убит. В Петербурге очень переживали гибель 52-летнего красавца, кумира завсегдаев великосветских салонов.

Екатерина Энгельгардт была, по отзыву современников, натурой холодной, бесстрастной, избалованной вниманием. В ней было что-то порочное. Когда она осталась вдовой, то скоро вышла замуж за итальянского графа Литту, перевезла его в Петербург, где он стал именоваться Юлием Помпеевичем Литтой. Этот отпрыск знаменитого итальянского рода, давшего много ученых, живописцев и государственных деятелей, своих детей не имел и все свое сердце отдал воспитанию младшей дочери жены — Марии Павловны, которой оставил, кстати, и все свое громадное состояние.

Дочери Павла и Екатерины Скавронских были очень красивы, но сумасбродны, циничны в своих отношениях с людьми, болезненно эгоистичны. Не было такого обычая или правила, которое они бы с радостью, с каким-то мстительным чувством не преступали. Кто был их настоящим отцом, можно лишь гадать, но своими характерологическими особенностями они были полностью похожи на Павла Скавронского и на его непутевую, безалаберную родню.

У Марии Павловны была единственная дочь Юлия, родившаяся от графа Павла Палена. В 22-летнем возрасте она вышла за флигель-адъютанта Самойлова, очень быстро — как это часто встречалось у Скавронских — разошлась с ним. Детей у нее не было, хотя после Самойлова она еще дважды выходила замуж. О Юлии Самойловой и не стоило бы говорить, если бы ее имя не оказалось связанным с русской живописью: один только Карл Брюллов рисовал ее десятки раз, портреты этой женщины хранятся и в Русском музее, и в Третьяковской галерее.

Что же касается старшей сестры — Екатерины — то жизнь ее с самого начала тоже, как было показано выше, складывалась неудачно и шла по тем же законам социального и биологического наследования, что и жизнь всего рода Скавронских. В период, когда ее выдавали замуж за Багратиона, она была влюблена в уже упоминавшегося графа Палена, тот предпочел ее сестру. После этого сестры неприязненно стали относиться друг к другу и очень редко встречались. Потом свадьба с Багратионом.

«Как говорят, возлюбленная графа Палена, молодая графиня (Багратион — М. Б.), ссылаясь на слабое здоровье, предпочла навсегда остаться за границей, сделав из своей палаты как бы второе отечество. Где бы она ни появлялась, она пользовалась шумным успехом благодаря своей красоте, эксцентричности и громадному состоянию, расточаемому в безумных тратах». «При своей красоте и привлекательности она собрала вокруг себя замечательное общество», — писал о ней Гете, видевший ее в Карлсбаде в 1807 году...— Чудный цвет лица, алебастровая белизна кожи, золотистые волосы, загадочное, таинственное выражение (из-за сильной близорукости) глаз... В 30 лет она имела фигуру пятнадцатилетней...» «Она делает безумные издержки, которым все удивляются и смеются», — писал князь А. Б. Куракин (российский посол в Вене — М. Б.). «Она держит открытый дом и дает праздники, не будучи к тому принуждена, и никто ей за это не благодарен», — все это отрывки из характеристики Екатерины Багратион, даваемой в упомянутой книге Н. М. Романова.

Тот же автор указывает, что княгиня Багратион отчаянно сопротивлялась наполеоновскому влиянию в Вене, в гостях у нее перебивали многие знаменитые люди — в том числе и мадам де Сталь, отважно боровшаяся с наполеоновской диктатурой. Первым частным праздником, который посетил Александр I в период Венского конгресса, был бал, данный в честь русского императора вдовой Багратиона.

После 1815 года она переселилась в Париж. Там по-прежнему была в центре художественной и интеллектуальной жизни, с ней дружили Стендаль, Бальзак, Кюстин и многие другие знаменитые представители творческой интеллигенции. Княгиня Багратион рассказывала им о России, о своем муже. Нередко именно благодаря ей многие парижане узнавали о Грузии и о Петре Багратионе. В частности, когда Астольф де Кюстин собрался посетить Россию (об этой поездке мы упоминали на страницах «Литературной Грузии» № 7 за 1981 год в статье «К истории двух путешествий» и в заметке «Аристократ против монархии», напечатанной в «Литературной России» № 40 (1132) от 5 октября 1984 г., стр. 24), он наверное много полезного для себя получил от княгини Багратион.

Кюстин побывал в России летом 1839 года. Николай I решил пышно отпраздновать 25-летие разгрома Наполеона для того, чтобы поднять пошатнувшийся после разгрома польского восстания свой престиж. В Россию потянулись делегации стран-

победительниц, а также отдельные путешественники. Кюстин участвовал в работе Венского конгресса, он был хорошо знаком с многими российскими сановниками. К тому же его стойкая репутация ярого монархиста, врага республиканского образа правления, внука и сына маркизов, гильотинированных в годы якобинского террора, — все это обеспечило ему горячий прием в среде петербургской знати. Кюстин побывал на нескольких празднествах в Зимнем. Гость был потрясен богатством дворца, обилием гостей, расточительностью хозяев и суровой дисциплиной, лишавшей людей радости и естественности. На одном из приемов Кюстин обратил внимание на полную женщину, внешний облик которой не оставлял сомнений в ее южном происхождении. Маркизу объяснили, что это одна из грузинских цариц. Это могла быть вдова имеретинского царя Соломона II царица Мариам, постоянно жившая то в Петербурге, то в Москве. Могла быть и Мариам Церетели — жена мингрельского царя Левана Дадиани. В этот период в Петербурге проживало так много грузин, что Кюстин мог легко запутаться в выяснении их отношений. В своей книге «Россия в 1839» — выдающемся произведении антидеспотического содержания, запрещенной в царской России по меньшей мере до 1910 года, он упоминает грузинскую царицу, встреченную в Зимнем, но не указывает ее имени. Но он знал — возможно, и из рассказов Екатерины Багратион — отчего в Петербурге проживало так много грузинских аристократов.

В 1801 году Александр I издал манифест: «не дляращения сил, не из корысти и распространения обширнейшей в свете империи нашей приемлем мы бремя управления царством грузинским. Единое достоинство, честь и человечество налагают на нас священный долг учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, безопасность и дать каждому защиту закона». Итак, Грузия стала частью Российской империи. Это спасло ее население от физического уничтожения со стороны южных соседей. Однако определенным дворянским кругам с утратой полного суверенитета трудно было смириться, поэтому возникали заговоры с целью отделения от России. Один из заговоров был раскрыт в 1832 году. Участники его — тесть Грибоедова генерал Чавчавадзе, наследник мингрельского престола Давид Дадиани и многие другие — были высланы в Петербург, Москву, Тамбов. Чтобы окончательно отбить охоту у грузинских аристократов интриговать против Романовых, грузинских князей

обязали воспитывать своих детей при российском дворе. Вот почему Кюстин встречал так много грузин.

Завершая свое путешествие, Кюстин побывал и на родинском поле. Он видел свежую могилу Багратиона и, наверное, вспомнил его вдову, уже своим существованием напоминавшую современникам о князе Багратионе. Вряд ли Кюстин знал, что в Бородинском сражении участвовало 12 генералов и 58 офицеров — грузинских добровольцев. Эти цифры достаточно внушительны, ведь в те годы для Грузии не было обязательной воинской повинности (эти данные взяты из монографии М. Горгидзе «Грузины в Петербурге», Тбилиси, 1976, стр. 82).

Из Бородина французский путешественник отправился в Париж. Через два года он выпустил свою знаменитую книгу, потрясшую свободолюбивую общественность Европы своим антидеспотизмом, казалось, несвойственным монархисту.

Кюстин пережил Екатерину Багратион всего на 4 месяца. Ее смерть больно кольнула его: он привык видеть княгиню неизменно молодой и веселой. До последних дней Екатерину Багратион не оставляло желание нравиться. Она одевалась как молодая. Любила прогулки по Парижу, а когда уже не могла самостоятельно двигаться, просила, чтобы ее возили по городу в особом кресле. Она драпировалась в газонные покрывала и казалась вечной...

Но вот и ее не стало.

О чем думала вдова Багратиона в последние дни своей жизни, что видела в предсмертных видениях, кого вспоминала?

Может, слышались ей перезвоны московских колоколов. Или гортанная речь ее первого мужа. Или доносились до нее рассказы Кюстина о ее родине. Думала ли она, что пройдет много десятилетий и если ее будут вспоминать, то только в далекой Грузии, в которой она никогда не бывала. И вспомнят ее не как родственницу царского дома Романовых, не как подругу Меттерниха и множества известных в свое время людей, но которых скоро в общем позабыли. Вспомнят ее лишь как жену Петра Багратиона, которому она не дала счастья, но благодаря которому ее имя и сохранилось в истории.

...Из прошлого можно взять огонь. А можно взять и пепел. Багратион — это огонь. Екатерина Павловна — пепел. А разве пепел без огня бывает?

После продолжительной болезни на 73-м году жизни скончался известный советский писатель, член правления Союза писателей Грузии Эммануил Абрамович Фейгин.

Трудовая жизнь Эммануила Фейгина началась рано — в 15 лет он уже работал слесарем в родном городе Джанкой Крымской области. Первая же его книжка «Черный пар» на всесоюзном конкурсе молодых литераторов получила премию и была в 1932 году издана «Молодой гвардией», а автора пригласили на учебу в Литературный рабфак имени М. Горького. Тогда в Москве Э. Фейгин впервые встретил профессиональных писателей, познакомился с А. М. Горьким. И это окончательно определило судьбу молодого литератора — он целиком отдается напряженной творческой работе, работает в газетах, постоянно бывает в командировках, окунается в самую гущу жизни. Одна за другой выходят его книги «Выше оценки нет» (1934 г.), «Здравствуй, земля родная» и «Романтическое путешествие» (1937 г.), пьеса «Навеки наша» (1939 г.) и сборник рассказов «В августе» (1940 г.).

Э. Фейгин был истинным сыном своего времени, советского народа. И то, что с первых же месяцев Великой Отечественной войны он с винтовкой в руках воевал с фашизмом на фронте, было закономерно. Опыт воина, непосредственного участника боев, сказывался

в произведениях Э. Фейгина. В различных дивизионных, армейских и фронтовых газетах за годы войны напечатано несколько сот статей, очерков и коротких рассказов писателя. Здесь же, на фронте, в трудное для Родины время — в сентябре 1942 года он вступает в Коммунистическую партию.

День Победы 9 мая 1945 года застаёт Э. Фейгина в редакции газеты «Ленинское знамя» («Боец РККА») Закавказского военного округа, где он работал вместе со многими известными писателями и журналистами.

Горячо полюбив Грузию, Э. Фейгин после демобилизации в 1953 году навсегда ос-

тался в Тбилиси. Здесь, в Грузии, полностью раскрылось его дарование, созрело и окрепло мастерство прозаика. Он много ездит по республике, пишет о рабочих и колхозниках. В Тбилиси и в Москве издаются книги «Верность», «Мзеона», «Маяк на скале», роман «Солдат, сын солдата», повести «Земляки», «Мальчик пляшет под дождем», «Часы командарма». Повести и романы Э. Фейгина печатаются в журналах «Нева», «Молодая гвардия», «Литературная Грузия». Студия «Грузия-фильм» выпускает на экраны фильм «Тень на дороге» по сценарию, написанному Э. Фейгиным в содружестве с К. Лордкипанидзе. Значительными событиями стали такие полюбившиеся читателям произведения, как повесть «Тбилиси, предвечернее небо», «Бульдоги Лапшина», «Обида Егера Грачева», романы «Синее на желтом» и изданный в прошлом году «Сорок в тени».

Высоко ценя грузинскую литературу, Э. Фейгин неустанно работал в области перевода на русский язык лучших произведений грузинских писателей.

Э. Фейгин неустанно заботился о молодых литераторах, выискивал таланты, бескорыстно помогал творческой молодежи, радовался ее достижениям, как своим. Его доброте и одновременно взыскательности обязаны мно-

гие, ныне известные писатели, наставником которых он стал по велению сердца. Живя полнокровной жизнью, Э. Фейгин занимался активной общественной деятельностью, был председателем бюро русской секции Союза писателей Грузии, с начала создания журнала «Литературная Грузия» был постоянным членом редколлегии, входил в состав Военной комиссии Союза писателей СССР.

Партия и Советское государство высоко оценили ратный и творческий труд Эммануила Фейгина — он был награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами «Знак Почета», 11-ю медалями.

Память о Э. Фейгине, писателе, коммунисте, человеке редкой доброты, душевности и обаяния, навсегда сохранится в наших сердцах и в памяти его многочисленных читателей.

Э. А. Шеварднадзе, Г. Д. Габуния, Г. Н. Енукидзе, О. Е. Черкезия, Н. Ш. Джанберидзе, Ш. Г. Нишнианидзе, В. Р. Асатиани, Р. С. Миминошвили, Д. А. Чарквиани, Т. И. Чиладзе, Г. Ш. Цицишвили, Г. Г. Абашидзе, И. В. Абашидзе, К. А. Лордкипанидзе, И. С. Богомоллов, Р. А. Джапаридзе, Т. П. Буачидзе, Х. М. Берулава, М. И. Златкин, М. Ю. Лохвицкий, О. Ф. Нодия.

Коллектив редакции и редколлегия журнала «Литературная Грузия» глубоко переживают уход из жизни доброго друга и товарища, старейшего члена редколлегии, замечательного писателя и переводчика Эммануила Фейгина.

ВСТРЕЧА С ВИКТОРИЕЙ ТОКАРЕВОЙ

В ТБИЛИССКОМ Доме кино прошла встреча с известной писательницей и кинодраматургом Викторией Токаревой, которая приехала в Тбилиси по приглашению Союза кинематографистов Грузии.

Имя В. Токаревой широко известно в нашей стране. Ее фильмы «Джентльмены удачи» и «Мимино», созданные в соавторстве с Г. Данелия и Р. Габриадзе, картины «Шла собака по роялю», «Шляпа» и другие принесли ей заслуженный успех на международных кинофестивалях. Большим успехом пользуются и ее сборники рассказов.

На встрече с тбилисскими зрителями В. Токарева рассказала о своем литературном пути, поделилась творческими планами, прочитала свой рассказ «Самый счастливый день».

Были также показаны короткометражный фильм «Поговори на моем языке», отрывок из художественной ленты по повести Марка Твена «Приключения Геккельбери Финна».

«ДОН-КИХОТ» — ГОСТЬ ГРУЗИИ

НА БАЗЕ киностудии «Грузия-фильм» начались съемки девятисерийного телевизионного фильма «Дон-Кихот». Вместе с советскими кинематографистами в съемках примут участие испанское телевидение и французская студия «Патэ-синема».

Часть фильма будет отснята в Испании, в Ламанче, другая — на юге Франции, третья — в павильонах студии «Грузия-фильм» и в некоторых районах Грузии.

Авторы сценария Р. Чхеидзе, С. Жгенти и испанский драматург М. Суарес. В фильме будут заняты известные советские и зарубежные актеры: И. Смоктуновский, Р. Чхиквадзе, И. Чурикова, Л. Куравлев, Л. Кавжарадзе, Г. Харабадзе, испанская актриса П. Ботини и другие. Музыка к фильму написал композитор Г. Канчели.

На роль Дон-Кихота приглашен известный грузинский актер Кахи Кавсадзе, а на роль Санчо Панса молодой актер театра имени К. Марджанишвили Мамука Кикалеишвили.

Сдано в набор 19.III.85 г. Подписано к печати 22.V.85 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97, Уч. изд. л. 14,0. УЭ 07835. Тираж 5.600 экз. Заказ 701. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Делица, 5. Телефон 99-06-59.

КОНТРОЛЬНЫЕ

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУ-
РУА Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ (заместитель
главного редактора), Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

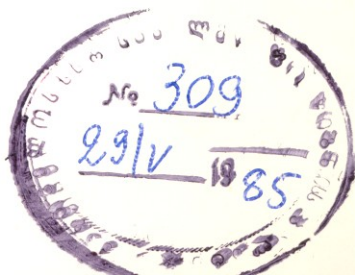
ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65к.

ИНДЕКС 761/Т

УДК 62-85
ББК 62.01.01

85-309

26-85

